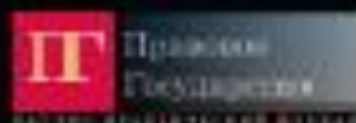

Правовое государство: теория и практика The Rule-Of-Law State: Theory And Practice

Юбилейный выпуск

посвящен 15-летию журнала

ИНСТИТУТ
ПРАВА

ПРАВОВОЕ ГОСУДАРСТВО: теория и практика
PRAVOVOE GOSUDARSTVO: teoriya i praktika
THE RULE-OF-LAW STATE: theory and practice

№ 1 (59) 2020

Общественно-политический и научно-правовой журнал
Издается с 2005 года
Журнал выходит ежеквартально [12+]

УДК 340.1+34(091)(05)
ББК 67.0я5

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Научный руководитель:

Раянов Фанис Мансурович – д.ю.н., профессор (ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет», г. Уфа)

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА:

Арзамаскин Николай Николаевич – д.ю.н., профессор (ФГБОУ ВО «Ульяновский государственный университет», г. Ульяновск);

Боголюбов Сергей Александрович – д.ю.н., профессор (Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, г. Москва);

Еникеев Зуфар Иргалиевич – д.ю.н., профессор (Председатель Конституционного Суда Республики Башкортостан, г. Уфа);

Зайнуллин Руслан Ильдарович – к.ю.н., доцент (ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет», г. Уфа);

Леруа Кристоф – доктор права, профессор (Университет Перпеньян, Франция);

Липинский Дмитрий Анатольевич – д.ю.н., профессор (Тольяттинский государственный университет, г. Тольятти);

Макаренко Илона Анатольевна – д.ю.н., профессор (председатель Центральной избирательной комиссии Республики Башкортостан, г. Уфа);

Макарова Тамара Ивановна – д.ю.н., профессор (Белорусский государственный университет, г. Минск, Республика Беларусь);

Нигматуллин Ришат Вахидович – д.ю.н., профессор (ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет», г. Уфа);

Петров Александр Васильевич – д.ю.н., профессор (ФГАОУ ВО «Южно-Уральский государственный университет», г. Челябинск);

Сальников Виктор Петрович – д.ю.н., профессор (главный редактор журнала «Юридическая наука: история и современность», г. Санкт-Петербург);

Семитко Алексей Павлович – д.ю.н., профессор (Гуманитарный университет, г. Екатеринбург);

Тлепина Шолпан Валерьевна – д.ю.н., профессор (Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, г. Астана, Казахстан);

Халиков Аслям Наилевич – д.ю.н., профессор (ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет», г. Уфа);

Шабуров Анатолий Степанович – д.ю.н., профессор (Уральский государственный юридический университет, г. Екатеринбург).

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор:

Зайнуллин Руслан Ильдарович – кандидат юридических наук, доцент

Зам. главного редактора:

Анисимов Владимир Александрович – кандидат юридических наук, доцент

Ответственный секретарь:

Латыпова Наталия Сергеевна – кандидат юридических наук, доцент

Члены редакционной коллегии:

Азнагулова Гузель Мухаметовна – доктор юридических наук, доцент;

Галиев Фарит Хатинович – доктор юридических наук, доцент;

Гизатуллин Равиль Хасанович – доктор юридических наук, доцент;

Кархалев Денис Николаевич – доктор юридических наук, профессор;

Касимов Тимур Салаватович – кандидат юридических наук, доцент;

Эксархонупо Алексей Алексеевич – доктор юридических наук, профессор.

УЧРЕДИТЕЛИ:

ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет»;

Учреждение «Научно-исследовательский институт проблем правового государства»

Выпускающий редактор – А.Ф. Файзуллина

Редактор англоязычных текстов – З.А. Юсупова

Редактор электронной версии – З.Р. Гиниятова

Почтовый адрес издательства и редакции: 450005, Республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Достоевского, 131–319.

ЖУРНАЛ ВКЛЮЧЕН:

- в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий Высшей аттестационной комиссией (ВАК) при Министерстве образования и науки РФ, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора юридических наук;
- в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) и зарегистрирован в научной электронной библиотеке elibrary.ru;
- в базу Russian Science Citation Index (RSCI) на платформе Web of Science.

ОСНОВНАЯ ТЕМАТИКА ЖУРНАЛА:

- теоретические вопросы формирования правового государства;
- правовое государство в системе естественно-исторических закономерностей развития общества;
- правовое государство в системе обществоведческих институтов;
- принципы правового государства и практика законодательства;
- правовая жизнь современных муниципалитетов;
- правовое государство в системе юридической науки

УДК 340.1+34(091)(05)

ББК 67.0я5

EDITORIAL COUNCIL

Academic Supervisor:

Fanis M. Rayanov – Doctor of Law, Professor (Bashkir State University, Ufa)

EDITORIAL COUNCIL MEMBERS:

Nikolai N. Arzamaskin – Doctor of Law, Professor (Ulyanovsk State University, Ulyanovsk);

Sergej A. Bogoljubov – Doctor of Law, Professor (Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Moscow);

Zufar I. Enikeev – Doctor of Law, Professor (Chairman of the Constitutional Court of the Republic of Bashkortostan, Ufa);

Ruslan I. Zainullin – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor (Bashkir State University, Ufa);

Christophe Leroy – Doctor of Law, Professor (Université de Perpignan, France);

Dmitry A. Lipinskiy – Doctor of Law, Professor, (Togliatti State University, Tolyatti);

Ilona A. Makarenko – Doctor of Law, Professor (Bashkir State University, Ufa);

Tamara I. Makarova – Doctor of Law, Professor (Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus);

Rishat V. Nigmatullin – Doctor of Law, Professor (Bashkir State University, Ufa);

Alexander V. Petrov – Doctor of Law, Professor (South Ural State University, Chelyabinsk);

Victor P. Salnikov – Doctor of Law, Professor (Editor-in-Chief of the Journal “Legal Science: History and Modernity”, St. Petersburg);

Alexey P. Semitko – Doctor of Law, Professor (Liberal Arts University, Yekaterinburg);

Sholpan V. Tlepina – Doctor of Law, Professor (L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Kazakhstan);

Aslyam N. Khalikov - Doctor of Law, Professor (Bashkir State University, Ufa);

Anatoly S. Shaburov – Doctor of Law, Professor (Ural State Law University, Yekaterinburg).

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief:

Ruslan I. Zainullin – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor

Deputy Editor-in-Chief:

Vladimir A. Anisimov – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor

Executive Secretary:

Nataliya S. Latypova – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor

EDITORIAL BOARD MEMBERS:

Guzel M. Aznagulova – Doctor of Law, Associate Professor;

Farit Kh. Galiev – Doctor of Law, Associate Professor;

Ravil Kh. Gizatullin – Doctor of Law, Associate Professor;

Denis N. Karhalev – Doctor of Law, Professor;

Timur S. Kasimov – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor;

Alexey A. Exarkhopulo – Doctor of Law, Professor

FOUNDERS

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Bashkir State University”;

Institution “Research Institute of the Rule-of-Law State”

Executive Editor – A.F. Faizullina

Translation Reviewer – Z.A. Yusupova

On-line Editor – Z.R. Giniyatova

Postal address: 450005, Republic of Bashkortostan, Ufa, Dostoevskiy St, 131 – 319

СОДЕРЖАНИЕ

**НАВСТРЕЧУ 15-ЛЕТНЕМУ ЮБИЛЕЮ
ЖУРНАЛА «ПРАВОВОЕ ГОСУДАРСТВО: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА»**

<i>Раянов Ф.М.</i>	Право и государство в системе современного общес- твоведческого методологического подхода	9
--------------------	--	---

**ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ИСТОРИЧЕСКИЕ
ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ПРАВОВОГО ГОСУДАРСТВА**

<i>Бидова Б.Б.</i>	Проблема структурирования национальных интересов	16
<i>Зубаиров М.Г.</i>	Выборные органы власти и управления Новгородской и Псковской феодальных республик	21
<i>Тимонин А.Н.</i>	Социальное государство: к истории концепта	28
<i>Спирин М.Ю.</i>	Механизм правового регулирования: место источников и истоков права в его структуре	37
<i>Рассказов В.Л.</i>	Влияние судебной реформы 1864 г. на развитие инсти- тута коммерческих судов в Российской империи	45

**АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ РАЗВИТИЯ
ОТРАСЛЕВОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА**

<i>Полстовалов О.В.</i>	Расширение прикладного направления реализации криминалистических рекомендаций	53
<i>Ремизова Л.С. Ходченков Н.В.</i>	К вопросу об организации деятельности и применения института условно-досрочного освобождения в уго- ловном законодательстве	61
<i>Папышева Е.С.</i>	К вопросу о некоторых полномочиях прокурора в уго- ловном процессе и производстве по делам об админи- стративных правонарушениях	66
<i>Саттарова Н.А.</i>	Проблемы теории финансово-правового принуждения	75
<i>Арутюнян М.С. Хисматуллин О.Ю.</i>	К вопросу о повышении эффективности бюджетных расходов	87

ЮРИДИЧЕСКАЯ НАУКА И ОБРАЗОВАНИЕ

<i>Винниченко О.Ю. Гладун Е.Ф.</i>	Качество юридического образования в странах БРИКС	94
<i>Горелов М.В. Жемалетдинов Р.М.</i>	Перспективные технологии обучения студентов по дисциплине «Гражданский процесс»	121
<i>Хайретдинова О.А. Юсупов Р.Г.</i>	Проблемы правового регулирования внеурочной деятельности в законодательстве Российской Федерации об образовании	127

**ПРАВО ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН:
ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ**

<i>Копалкина Е.Г. Илтакова Н.В.</i>	Особенности правового регулирования постпенитенциарной адаптации осужденных в Казахстане	135
<i>Тулупова Е.О. Демидова Т.К.</i>	К вопросу о равных правах мужчин и женщин в Земле Бранденбург	148
<i>Елизаров М.В.</i>	К вопросу об эволюции международно-правового сотрудничества государств в области рационального использования и охраны ресурсов Мирового океана	154
<i>Каримова Г.Ю. Каримов Р.Р.</i>	Организационно-правовые аспекты защиты свидетелей в Соединенных Штатах Америки	162

РЕЦЕНЗИИ

<i>Раянов Ф.М. Галиев Ф.Х.</i>	Идея свободы в суверенной философии права. Рецензия на монографию: «Идея свободы. Право. Мораль (классическая и постклассическая философия права): Монография / Под ред. докт. юрид. наук С.И. Захарцева; И.А. Ананских., И.Н. Грибов, С.И. Захарцев, Н.В. Зорина, И.Р. Исмагилов, О.А. Клименко, О.Ю. Лежнева, С.Ф. Мазурин, Б.В. Маков, Д.В. Масленников, А.К. Мирзоев, П.А. Петров, Е.А. Поливко, К.Г. Прокофьев, О.В. Пылева, В.П. Сальников, М.В. Сальников, Ф.О. Чудин-Курган. – М.: Юрлитинформ, 2020. – 288 с.»	168
------------------------------------	---	-----

К АВТОРАМ		192
------------------	--	-----

CONTENTS

TOWARDS THE 15th ANNIVERSARY OF “THE RULE-OF-LAW STATE: THEORY AND PRACTICE”

<i>Rayanov F.M.</i>	Law and state in the system of the modern social sciences methodological approach	9
---------------------	---	---

GENERAL-PURPOSE AND HISTORICAL PROBLEMS OF THE FORMATION OF THE RULE-OF-LAW STATE

<i>Bidova B.B</i>	The problem of structuring national interests	16
<i>Zubairov M.G.</i>	Elective government and administrative authorities of the Novgorod and Pskov feudal republics	21
<i>Timonin A.N.</i>	Social state: towards the history of the concept	28
<i>Spirin M.Y.</i>	The mechanism of legal regulation: place of the sources and origins of law in its structure	37
<i>Rasskazov V.L.</i>	The influence of the judiciary reform of 1864 on the development of the institute of commercial courts in the Russian Empire	45

TOPICAL ISSUES OF THE DEVELOPMENT OF SECTORAL LEGISLATION

<i>Polstovalov O.V.</i>	The extension of the applied direction of implementing forensic recommendations	53
<i>Remizova L.S.</i> <i>Khodchenkov N.V.</i>	To the issue of the organization of activities and application of the institute of parole in criminal legislation	61
<i>Papysheva E.S.</i>	To the issue of some powers of a prosecutor in criminal procedure and administrative proceedings	66
<i>Sattarova N.A.</i>	Problems of the theory of financial law enforcement	45
<i>Arutyunyan M.S.</i> <i>Hismatullin O.Y.</i>	On improving the efficiency of budget expenses	87

LEGAL SCIENCE AND EDUCATION

Vinnichenko O.Y. Gladun E.F.	Quality of legal education in the BRICS countries	94
Gorelov M.V. Zhemaletdinov R.M.	Perspective technologies of teaching the subject “Civil procedure” to students	121
Khairtdinova O.A. Iusupov R.G.	Problems of legal regulation of after-hours activities in the law of the Russian Federation on education	127

**LAW OF FOREIGN COUNTRIES:
PROBLEMS OF THEORY AND PRACTICE**

Kopalkina E.G. Iltakova N.V.	Features of legal regulation of post-penitential adaptation of convicts in Kazakhstan	135
Tulupova E.O. Demidova T.K.	To the issue of the equal rights of men and women in the state of Brandenburg	148
Yelizarov M.V.	To the issue of the development of international legal cooperation of states in the field of the rational use and protection of resources of the World ocean	154
Karimova G.Y. Karimov R.R.	Organizational and legal aspects of witness protection in the United States of America	162

REVIEWS

Rayanov F.M. Galiev F.Kh.	The idea of freedom in the sovereign philosophy of law. Review of the Monograph: “The idea of freedom. Law. Morality (classical and post-classical philosophy of law): Monograph / Edited by Doctor of Law S.I. Zakhartsev; I.A. Anansky., I.N. Gribov, S.I. Zakhartsev, N.V. Zorina, I.R. Ismagilov, O.A. Klimenko, O.Yu. Lezhneva, S.F. Mazurin, B.V. Makov, D.V. Maslennikov, A.K. Mirzoev, P.A. Petrov, E.A. Polivko, K.G. Prokofiev, O.V. Pyleva, V.P. Sal’nikov, M.V. Sal’nikov, F.O. Chudin-Kurgan. - Moscow: Yurlitinform, 2020. - 288 p.”	168
--	--	-----

TO THE AUTHORS

**НАВСТРЕЧУ 15-ЛЕТНЕМУ ЮБИЛЕЮ ЖУРНАЛА
«ПРАВОВОЕ ГОСУДАРСТВО: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА»**

**TOWARDS THE 15th ANNIVERSARY
OF “THE RULE-OF-LAW STATE: THEORY AND PRACTICE”**

УДК 340.1+34(091)

DOI: 10.33184/pravgos-2020.1.1

**ПРАВО И ГОСУДАРСТВО В СИСТЕМЕ СОВРЕМЕННОГО
ОБЩЕСТВОВЕДЧЕСКОГО МЕТОДОЛОГИЧЕСКОГО ПОДХОДА**

РАЯНОВ Фанис Мансурович

доктор юридических наук, профессор, учредитель НИИ проблем правового государства, г. Уфа, Россия. E-mail: rfm-2011@yandex.ru

В связи с прекращением функционирования марксистско-ленинского, так называемого материалистического учения об общественном развитии, анализируется обнаружившийся, в теоретико-методологической части отечественной юридической науки методологический пробел, а также обосновывается необходимость перехода в современных условиях к новому обществоведческому теоретико-методологическому подходу исследования государственно-правовых явлений.

Ключевые слова: марксистско-ленинское материалистическое учение об экономическом детерминизме государства и права; современное соотношение права и государства; соотношение общества и государственно-правовых явлений; обществоведение; правовое обществоведение.

Нашему журналу, изначальным учредителем которого является НИИ проблем правового государства, в свою очередь, учредителем которого являюсь я, исполнилось 15 лет. Можно, конечно, рассуждать о том, что 15 лет – это уж не такой большой срок, чтобы «закатить» какие-то юбилеи, что есть журналы с более солидным сроком функционирования. Но, на этот счет я бы сразу сказал: дело вовсе не в 15 годах функционирования нашего журнала, а в особенностях сущностно-содержательной составляющей того обществоведческого явления, к всестороннему освещению которого изначально был посвящен наш журнал и которым он (журнал) продолжает заниматься до сих пор. При этом основная особенность и продолжающаяся актуальность этой стороны проблемы, к которой мы решили обратиться и сегодня, заключается в том, что вопросы правового государства в нашей стране еще никогда, к большому нашему сожалению, однозначно, не приветствовались, ни действующей государственной властью нашей страны, ни активной (креативной) частью нашего российского общества.

Следует отметить, что такое же не совсем приветствующее отношение к идеям формирования правового государства в нашей стране обнаружилось еще и в царско-императорской России. Однако для этого периода было примечательно хотя бы то, что в дореволюционной России государственная власть к идеям правового государства относилась намного терпимее: тогда ею как бы разрешались не только разговоры о правовом государстве, но и публиковались научно-популярные труды ученых, посвященные вопросам правового государства. Но несмотря и на это сама официальная царская и императорская власть не хотела даже слушать о каком-то правовом характере функционирующей тогда государственной власти. Этот момент мы здесь несколько выпячиваем потому, что пришедшая на смену императорской власти советская власть, которая осуществляла всю свою организационно-массовую работу в обществе, руководствуясь марксистско-ленинским учением об обществе, не только не восприняла даже разговоры о необходимости правового государства для нашей страны, но и открыто критиковала идею правового государства, объявляя ее буржуазной пропагандой [1, с. 5-7]. Вполне можно даже сказать, что советская власть, однозначно, запрещала любую инициативу в направлении водворения идей правового государства в нашу тогдашнюю общественную жизнь. Да и сама советская власть, если ее попробовать измерять в соответствии с принципами формирования и функционирования правового государства, то она окажется очень далека от того, чтобы характеризовать ее с подлинно правовой точки зрения.

Кстати сказать, как подтверждаются последующими анализами причин распада Советского Союза, да и всего следовавшего за Советским Союзом социалистического лагеря в целом, одной из основных причин, послуживших распаду, как Советского Союза, так и всего социалистического лагеря, вполне обоснованно можно назвать игнорирование социалистическими государствами фундаментальной роли права в организации и деятельности общественной жизнедеятельности людей, сведение права и государства к некоему надстроечному элементу. Более подробно об этой стороне проблемы в процессе формирования правового государства мы уже неоднократно писали [2, с. 9-19; 3, с. 28-39; 4, с. 44-58 и другие]. Подтверждением изложенного нами вывода может послужить и такой факт, как многие бывшие страны социалистического лагеря, сразу же после его распада и появления первых возможностей освободиться от этого «навязанного» им блока стран восточной Европы, поспешили в своих конституциях объявить себя правовыми государствами и свое будущее развитие тесно увязывать с необходимостью более углубленного внедрения у себя принципов правового государства.

Не «избежала» этого, так называемого нового опыта «превращения» социалистических государств в правовые государства, и наша Российская Федерация: в первой же статье своей постсоветской Конституции она объявила себя также демократическим федеративным правовым государством с республиканской формой правления. Именно в связи с этими фундаментальными нововведе-

ниями, вставшими перед постсоветской Россией, как раз и возникла реальная практическая задача перехода от критического обществоведческого отношения к идеям правового государства и разработке конкретных путей становления в нашей стране действительного правового государства. Вот в этих как раз условиях нам и пришла мысль поспособствовать реализации этой новой идеи в реальную жизнь российской действительности. Именно с тех пор Уфа стала и до сих пор остается, но, к сожалению, единственным научным центром в огромной Российской Федерации, где вплотную начали и продолжают заниматься научными проблемами, связанными с формированием и функционированием правового государства. В связи с этими обстоятельствами объясняется и появление в Уфе специализированного журнала под названием «Правовое государство: теория и практика», включенного в последующем в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки Российской Федерации, в которых публикуются основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата юридических наук. В этом начинании нас поддержал и Ученый Совет Башкирского государственного университета, который тему «Проблемы формирования правового государства» включил в перечень приоритетных тем научных исследований университета.

Пользуясь созданными возможностями в Башкирском государственном университете, мы провели многочисленные международные, всероссийские и республиканские научно-практические конференции, а ученые-юристы башкирского государственного университета опубликовали большое количество научных трудов, включая и работы монографического характера. Они же получили и продолжают получать возможности принимать участие в многочисленных научно-практических конференциях, имеющих отношение и к проблемам формирования правового государства в других городах России, а также и в зарубежных странах.

Сегодня, пользуясь 15 летним юбилеем со времени выхода первого номера журнала «Правовое государство: теория и практика», можно и нужно подвести некоторые итоги всей проделанной за это время работы. Конечно, говорить, что мы добились больших успехов в направлении содействия формированию правового государства в нашей стране, вовсе даже не собираемся: наши успехи явно скромные, но они все же есть. Если попробовать сформулировать одним предложением наши успехи в этом направлении, то можно сказать следующее: усилиями Уфимской научной школы правового государства найдены и сформулированы новые научно-методологические подходы к дальнейшему развитию процесса внедрения принципов правового государства в реальную жизнь нашей страны. Об этом новом научном подходе к освещению путей формирования правового государства в нашей стране, в большей мере, как раз и хотелось бы вести разговор и на проводимой нами научно-практической конференции, посвященной юбилею журнала.

Важно здесь отметить и то, что этот новый научно-методологический подход имеет свои существенные особенности. В научных работах, опубликованных на страницах нашего журнала, можно найти немалую информацию об этих особенностях подхода к пониманию правового государства и к путям его водворения в реальную общественную жизнь нашей страны. Здесь отметим лишь некоторые из этих многочисленных публикаций [5, с. 3-10; 6, с. 7-15; 7, с. 6-14; 8, с. 6-14]. Самым существенным результатом наших научных изысканий в области понимания и реального формирования правового государства в нашей стране является обоснование необходимости скорейшего отказа от формационного подхода к объяснению природы и сущности права и государства вообще и правового государства, в частности. Этот вывод подкрепляется и тем, что советское государство и право полностью сформированное в соответствии с формационным подходом не только оказались не жизнеспособными, но и полностью перестали функционировать. Причем, не только в нашей стране, но и в некоторых других странах западного мира. Соответственно этими нашими исследованиями можно прийти к однозначному выводу: не только так называемый формационный подход оказался недееспособным в целом, но и конкретное марксистское материалистическое учение об обществе и марксистский же диалектический материализм, объявленный в свое время в качестве единственно верного методологического подхода, оказались не пригодными к условиям демократического правового государства. Здесь важно отметить и то, что свою материалистическую диалектику К. Маркс, в свое время заимствовал от своего учителя-философа Г. Гегеля. Чтобы избежать всевозможных кривотолков, хотелось бы специально отметить и то, что речь идет не об отказе от диалектики вообще, а о от так называемой материалистической диалектики, где слово «материализм» выступает ведущим и по отношению к слову «диалектика». Да и относительно философии права Гегеля: речь идет не об отказе от этой большой работы философа Гегеля под названием «Философия права»: в связи с открытием новых обстоятельств в области формирования правового государства разрушается лишь вся гегелевско-марксистская схема соотношения государства и общества, а также соотношение права и государства. Мы не можем принять точку зрения Гегеля и относительно критики им теории общественного договора и его же теорию верховенства государства над обществом и полной производности права от государства. Эти положения Гегеля, насколько нам известно, не поддерживались и не поддерживаются и в современных развитых странах мира. Это и правильно, ведь придерживаясь этих положений Гегеля, человечество никогда бы не вышло на параметры гражданского общества и правового государства [9, с. 7-8].

Соответственно этим нашим представлениям, мы выступали и продолжаем выступать за цивилизационный подход к объяснению природы и сущности государства и права. Цивилизационный подход, если попробовать его выразить в более доступной словесной форме, то его вполне можно назвать, особенно применительно к объяснению вопросов связанных с обществом, обществоведческим подходом. В связи с этим все обществоведение может быть осуществлено с

применением обществоведческого подхода. Мы так его и рассматривали в нескольких своих работах [10, с. 7-13; 11, с. 202-215].

На конференции, посвященной 15-летию журнала «Правовое государство: теория и практика», мы еще раз хотим подчеркнуть, что в условиях, когда в нашей стране на сегодня марксистское материалистическое объяснение права и государства уже не функционируют, а взамен еще не только не «отшлифованы», но и не предложены (кроме как в наших публикациях) новые подходы, с нашей точки зрения, необходимо, в первую очередь, возвращаться к естественно-историческим закономерностям развития человеческого общества на основе естественно-правовых норм. Именно такой подход, в отличие от марксистского формационного подхода мы считаем полностью соответствующим сущностно-содержательной стороне нового цивилизационного подхода [12, с. 44-52; 13, с. 138-144]. Сегодня мы именно этот подход и рекомендуем распространять на всю отечественную теоретическую юридическую науку и поэтому мы так и назвали свой доклад на юбилейную научно-практическую конференцию, посвященную 15-летию выхода первого номера журнала «Правовое государство: теория и практика».

Переход на естественно-исторически складывающийся обществоведческий подход к объяснению роли и места права и государства в отечественной теоретической правовой науке позволит не только устранить тот теоретико-методологический пробел, который сегодня здесь наблюдается, но и послужит толчком к активизации научных разработок в области дальнейшего развития теоретической части отечественной юридической науки.

Библиографические ссылки

1. Раянов Ф.М. Введение в правовое государство. Уфа : издание Башкирского университета, 1994.
2. Раянов Ф.М. Теория правового государства: монография. М. : Юрлитинформ, 2014.
3. Раянов Ф.М. Гражданское общество и правовое государство: проблемы понимания и соотношения : монография. М. : Юрлитинформ, 2015.
4. Галиев Ф.Х., Раянов Ф.М. Обществоведение в XXI веке: теоретико-правовой аспект. Уфа : Башк. энцикл., 2018.
5. Раянов Ф.М. Актуальные проблемы теории и практики правового государства в России // Правовое государство: теория и практика. 2010. № 1 (19). С. 3-10.
6. Раянов Ф.М. Доктрина правового государства: истоки, распространенность, проблемы в России // Правовое государство: теория и практика. 2012. № 3 (29). С. 7-15.
7. Раянов Ф.М. Теоретические и практические проблемы формирования правового государства в России // Правовое государство: теория и практика. 2013. № 2 (32). С. 10-19.
8. Раянов Ф.М. Гражданское общество и правовое государство-суть всей современной теории общественного развития // Правовое государство: теория и практика. 2015. № 1 (39). С. 6-9.

9. Раянов Ф.М. Философия права: дискурсивный анализ и новые выводы : монография. М. : Юрлитинформ, 2017.
10. Раянов Ф.М. Основные методологические проблемы современной отечественной юридической науки // Правовое государство: теория и практика. 2017. № 2 (48). С. 7-13.
11. Раянов Ф.М. Правовое обществоведение : монография. М. : Юрлитинформ, 2018.
12. Раянов Ф.М. Естественно-исторические закономерности становления и развития гражданского общества и правового государства // Правовое государство: теория и практика. 2019. № 3 (57). С. 44-52.
13. Раянов Ф.М. Общественный договор и его значение для теоретической правовой науки // Актуальные проблемы права России и стран СНГ : материалы XVII международной научно-практической конференции. Уфа, 2015.

Дата поступления: 02.02.2020

DOI: 10.33184/pravgos-2020.1.1

LAW AND STATE IN THE SYSTEM OF THE MODERN SOCIAL SCIENCES METHODOLOGICAL APPROACH

RAYANOV Fanis Mansurovich

Doctor of Law, Professor, Founder of the Research Institute of the Rule-of-Law State, Ufa, Russia. E-mail: rfm-2011@yandex.ru

In connection with the cessation of the functioning of the Marxist-Leninist, the so-called materialistic doctrine of social development, the article analyzes the methodological gap that has been discovered in the theoretical and methodological part of national legal science. The article justifies the need for a transition to a new social science theoretical and methodological approach in researches of state law phenomena.

Key words: Marxist-Leninist materialist doctrine of the economic determinism of state and law; modern correlation of law and state; correlation of society and state law phenomena; social science; legal social science.

References

1. Rayanov F.M. Vvedeniye v pravovoye gosudarstvo (Introduction to the rule-of-law state). Ufa, izdaniye Bashkirskogo universiteta, 1994.
2. Rayanov F.M. Teoriya pravovogo gosudarstva: monografiya (The theory of the rule-of-law state), monografiya. Moscow, Yurlitinform, 2014.

3. Rayanov F.M. Grazhdanskoye obshchestvo i pravovoye gosudarstvo: problemy ponimaniya i sootnosheniya (Civil society and the rule-of-law state: problems of understanding and correlation), monografiya. Moscow, Yurlitinform, 2015.
4. Galiyev F.Kh., Rayanov F.M. Obshchestvovedeniye v XXI veke: teoretiko-pravovoy aspekt (Social Studies in the XXI Century: Theoretical and Legal Aspect). Ufa, Bashk. entsikl., 2018.
5. Rayanov F.M. Aktual'nyye problemy teorii i praktiki pravovogo gosudarstva v Rossii (Actual problems of the theory and practice of the rule-of-law state in Russia), *Pravovoye gosudarstvo: teoriya i praktika*, 2010, No. 1 (19), pp. 3-10.
6. Rayanov F.M. Doktrina pravovogo gosudarstva: istoki, rasprostranennost', problemy v Rossii (The doctrine of the rule-of-law state: the origins, prevalence, problems in Russia), *Pravovoye gosudarstvo: teoriya i praktika*, 2012, No. 3 (29), pp. 7-15.
7. Rayanov F.M. Teoreticheskiye i prakticheskiye problemy formirovaniya pravovogo gosudarstva v Rossii (Theoretical and practical problems of the formation of the rule-of-law state in Russia), *Pravovoye gosudarstvo: teoriya i praktika*, 2013, No. 2 (32), pp. 10-19.
8. Rayanov F.M. Grazhdanskoye obshchestvo i pravovoye gosudarstvo - sut' vsey sovremennoy teorii obshchestvennogo razvitiya (Civil society and the rule-of-law state are the essence of the whole modern theory of social development), *Pravovoye gosudarstvo: teoriya i praktika*, 2015, No. 1 (39), pp. 6-9.
9. Rayanov F.M. Filosofiya prava: diskursivnyy analiz i novyye vyvody (Philosophy of law: discursive analysis and new findings), monografiya. Moscow, Yurlitinform, 2017.
10. Rayanov F.M. Osnovnyye metodologicheskiye problemy sovremennoy otechestvennoy yuri-dicheskoy nauki (The main methodological problems of modern national legal science), *Pravovoye gosudarstvo: teoriya i praktika*, 2017, No. 2 (48), pp. 7-13.
11. Rayanov F.M. Pravovoye obshchestvovedeniye (Legal social science), monografiya. Moscow, Yurlitinform, 2018.
12. Rayanov F.M. Yestestvenno-istoricheskiye zakonomernosti stanovleniya i razvitiya grazhdanskogo obshchestva i pravovogo gosudarstva (Natural and historical laws of the formation and development of civil society and the rule-of-law state), *Pravovoye gosudarstvo: teoriya i praktika*, 2019, No. 3 (57), pp. 44-52.
13. Rayanov F.M. Obshchestvennyy dogovor i yego znacheneye dlya teoreticheskoy pravovoy nauki (The social contract and its significance for theoretical legal science), *Aktual'nyye problemy prava Rossii i stran SNG*, materialy XVII mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Ufa, 2015.

Received: 02.02.2020

**ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ИСТОРИЧЕСКИЕ
ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ПРАВОВОГО ГОСУДАРСТВА**

**GENERAL-PURPOSE AND HISTORICAL
PROBLEMS OF THE FORMATION OF THE RULE-OF-LAW STATE**

УДК 340.1

DOI: 10.33184/pravgos-2020.1.2

ПРОБЛЕМА СТРУКТУРИРОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ ИНТЕРЕСОВ

БИДОВА Бэла Бертовна

*кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой уголовного права и криминологии Чеченского государственного университета, г. Грозный, Россия,
E-mail: bela_007@bk.ru*

Предмет исследования составляет проблематика национальных интересов России, вопросы классификации и структурирования; автором приводится анализ данной категории, ее виды и формы осуществления; делается вывод о национальных интересах России как о взаимосвязанных и обусловленных друг другом интересах отдельных людей, общества и державы в целом; устанавливается то, что основным в национальных интересах есть обеспечение прав и свобод гражданина, его безопасности и благоденствия, а значит, безопасности и стабильного развития и процветания всего социума и государства.

Ключевые слова: интерес, национальные интересы, категория, содержание, социум, государство.

Весь спектр национальных интересов – это синтез и алогичность совместного и индивидуального, содержательного и несодержательного, жизненно важного и специфического, стабильного и вариативного, внешнего и внутреннего. С позиции реалий, данный спектр выглядит очень многообразным явлением, что влечет за собой наличие сложностей в их дифференцировании, определении первостепенных, нуждающихся в первоочередности усилий.

В этой связи появляется серьезная методологическая проблема структурирования национальных интересов, в первую очередь, на базе их типологии.

В этом смысле один из способов реализации данной процедуры отталкивается от следующих, наиболее значимых факторов:

- а) объектов (мировые, континентальные, региональные, державные);
- б) субъектов (личностные, социальные, государственные);
- в) направленностей (внутриполитические, внешнеполитические);

- г) сфер функционирования общества (политические, экономические, социальные, культурные, духовные, правовые, военные, экологические и т.д.);
- д) продолжительности существования и дееспособности (долгосрочные, среднесрочные, краткосрочные);
- е) основных черт (конфронтационные, расходящиеся, параллельные).
- ж) социальной важности (главные, специфические или второстепенные);
- з) возможности их осуществления (реальные, мнимые);
- и) отношения к объективной направленности социального развития (прогрессивные, реакционные, консервативные);
- к) достоверности и целостности отражения явлений и процессов в социуме (истинные, ложные) [1, с.98].

Эмпирическое и методологическое значение вышеизложенной типологии детерминировано следующими основаниями.

Возможностью анализировать национальные интересы того или иного государства интегративно, совокупно, в виде некой структуры, состоящей из координационных и иерархических связей и отношений. Данное основание очень важно для нашего исследования, поскольку позволяет более точно проверить, какое значение и место занимают национальные интересы на Северном Кавказе по отношению ко всей системе национальных интересов России [2, с. 138].

Возможностью учета как объективных тенденций существования таких интересов в социальном измерении, так и уровня соответствия их отображения в сознании носителей национальных интересов.

Возможностью выведения на первый план жизненно важных, приоритетных интересов, нуждающихся в экстренном претворении в жизнь в контексте купирования и пресечения угроз, существующих внутри страны и исходящих извне, появляющихся на тех или иных стратегических направлениях, включая также южные рубежи РФ.

Возможностью содержать в национальных интересах, определенных по тому или иному одному основанию, также характеристики и особенности интересов, определенных по другим основаниям. К примеру, у политических, экономических, оборонных и прочих интересов РФ на Северном Кавказе могут быть также признаки стабильных или вариативных, реальных или мнимых, главных или специфических, конфронтационных или параллельных интересов.

Посредством применения такого метода совмещения можно всеобъемлюще и достоверно определять содержание национальных интересов той или иной страны, социума, а также преподносить их сообразно спектру задач поддержания безопасности государства, очередности решения внутривнутриполитических и международных проблем. Что касается политологического изучения национальных интересов, то ему и не должно находиться внутри неопределенных, умозрительных размышлений. Такое исследование должно руководствоваться тем, в каких исторических условиях, социально-государственной системе, бытующей системе межгосударственных отношений они формируются и реализуются.

В случае ранжирования национальных интересов РФ по объектному фактору, можно проследить определенную иерархичность.

На общемировом уровне – деятельное и равноправное участие РФ в выстраивании новой системы межгосударственных отношений с отведением в ней места, которое бы наилучшим образом соответствовало ее весомости в политике, экономике и интеллектуальной составляющей, возможностям и потребностям в военной и политической сфере, в международной торговле.

На региональном уровне – интересы нации замыкаются на обеспечении устойчивого и не представляющего опасность внешнего окружения, продвижении и упрочении оборонно-политического и экономического положения РФ в мировой структуре на базе применения механизмов регионального взаимодействия [3, с. 59].

Согласно субъектному фактору, носителями национальных интересов выступает человек, социум и страны. Личностные интересы находятся в плоскости осуществления конституционных прав и свобод, защищенности человека, улучшения жизненного уровня, развития физического состояния, духовно-нравственного и интеллектуального уровня личности и гражданина. Общественные интересы состоят из укрепления демократического строя, становления правовой, социальной державы, обретения и сохранения гражданского мира, духовного возрождения страны. Государственные интересы включают несокрушимость конституционного порядка, независимости и целостности территорий, абсолютное обеспечение соблюдения закона и поддержания правового порядка, налаживание полноправного и выгодного для всех сторон межгосударственного взаимодействия.

Несмотря на то, что формат и глубина восприятия и артикулирования национальных интересов свидетельствуют о несопоставимости личности, социума и государства, об их разности, несхожести, специфичности, все же они имеют нечто общее: естественную причастность к единой целостной общности – народу, существованию нации в историческом пространственном и временном измерении.

Это обстоятельство предопределяет возникновение предпосылок для объединения национальных интересов отдельных людей, общественных групп, социума вообще и страны, однако только в том случае, если социально-государственная система стабильна.

Нет сомнений, что государство выступает в роли не только одного из носителей национальных интересов, но и ключевого инструмента поддержания безопасности всего населения, гаранта защиты граждан от различных форм посягательств. По мнению отечественного ученого И.А. Ильина, государство оперирует «только совместным, национальным интересом, так как приватный и индивидуальный интерес граждан может быть учтен лишь в том случае, если он может быть понят и сформулирован в качестве общего и всенародного интереса» [4, с. 61]. Основной сложностью объединения национальных интересов является успешное сочетание безопасности и обеспечения свобод гражданина с безопасностью социума и страны, пресечение конфликтных ситуаций в социуме

и обеспечение социального согласия. Становление гражданского общества напрямую зависит от решения данной проблемы.

Особую роль играет вычленение внутриполитических и внешнеполитических интересов, нахождение теснейшей связи между ними. Внутренние национальные интересы заключаются в сохранении социального строя, формировании подходящей почвы для стабильного развития экономики державы и обеспечения развития социума, повышении уровня его культуры и духовности. Внешние национальные интересы имеют отношение в основном к целому ряду аспектов внешней политики, мировой экономики, идейно-социальной плоскости, а также к сложившейся обстановке в межгосударственных отношениях, обуславливающих место и роль РФ в мировой политической системе, состояние внешней безопасности и скрытые возможности построения отношений с теми или иными державами и международными организациями на взаимовыгодной основе.

Разумеется, внешнеполитический фактор в становлении и обеспечении исполнения национальных интересов занимает первенствующие позиции, потому что предопределяет ключевую цель – поддержание национальной безопасности, формирование обстановки мира, необходимого для стабильного развития [5, с. 53].

Одновременно с этим нельзя допускать диспропорциональности внутренних и внешних факторов в осуществлении национальных интересов. Иначе нельзя будет со всей полнотой назвать их соответствующими действительности. Наглядной иллюстрацией такого подхода может стать отношение Советского Союза к собственным интересам, их ориентирование на борьбу с внешними угрозами и вызовами и по этой причине недооценивание внутриполитических аспектов. Такая позиция обусловила возникновение системного кризиса страны и, в конце концов, ее распад.

Национальные интересы РФ можно также делить и по ключевым областям жизнедеятельности социума и страны. В данном случае, главенствующая роль отводится экономическим интересам. Это связано с тем, что полное разрешение проблем осуществления всего комплекса национальных интересов РФ, возможно только при условии соблюдения ряда факторов. Речь идет о стабильно, непрерывно и системно развивающемся высокотехнологичном производственном секторе, обеспечивающем экономику страны высококачественным сырьевым ресурсом и инновационным оборудованием; социальную сферу – всевозможными, современными потребительскими товарами и услугами; ВВС и прочие виды войск – самыми инновационными видами оружия и боевой техники; внешнеэкономическую отрасль – конкурентной экспортной продукцией.

Библиографические ссылки

1. Поздняков Э.А. Нация. Национализм. Национальные интересы. М.: Прогресс: Культура, 1994.
2. Саидов З.А., Бидова Б.Б. Ценностноцелевые признаки национальных интересов как правовой категории // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Экономика и право. 2018. № 11. С. 137-140.
3. Яковенко И.Г. Российское государство: национальные интересы, границы и перспективы. Новосибирск : Сибирский хронограф, 1999.
4. Ильин И.А. Основы государственного устройства. Проект основного закона Российской Империи. М. : Парогъ, 1996.
5. Беляев В.П., Беляева Г.С., Бидова Б.Б. К вопросу о понятии национальных интересов и особенностях их юридического закрепления в Североамериканской традиции // Право и государство: теория и практика. 2019. № 8 (176). С. 52-54.

Дата поступления: 05.02.2020

DOI: 10.33184/pravgos-2020.1.2

THE PROBLEM OF STRUCTURING NATIONAL INTERESTS

BIDOVA Bela Bertovna

Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, Head of the Department of Criminal Law and Criminology of the Chechen State University, Grozny, Russia.

E-mail: bela_007@bk.ru

The subject of the study is the problem of national interests of Russia, classification and structuring issues; the author analyzes this category, its types and forms of implementation. The author concludes that the national interests of Russia are interrelated and conditioned by each other interests of individuals, society and the state as a whole. The author establishes that the main national interest is to ensure the rights and freedoms of the citizen, his security and welfare, and hence the security and stable development and prosperity of the entire society and the state.

Key words: interest, national interests, category, content, society, state.

References

1. Pozdnyakov E.A. Natsiya. Natsionalizm. Natsional'nyye interesy (Nation. Nationalism. National interests). Moscow, Progress, Kul'tura, 1994.
2. Saidov Z.A., Bidova B.B. Tsennostnotselevyye priznaki natsional'nykh interesov kak pravovoy kategorii (Value-oriented signs of national interests as a legal category),

Sovremennaya nauka: aktual'nyye problemy teorii i praktika, Seriya: Ekonomika i pravo, 2018, No. 11, pp. 137-140.

3. Yakovenko I.G. Rossiyskoye gosudarstvo: natsional'nyye interesy, granitsy i perspektivy (Russian state: national interests, borders and prospects). Novosibirsk, Sibirskiy khronograf, 1999.

4. Il'in I.A. Osnovy gosudarstvennogo ustroystva. Proyekt osnovnogo zakona Rossiyskoy Imperii (Fundamentals of government. Draft basic law of the Russian Empire). Moscow, Rarog, 1996.

5. Belyayev V.P., Belyayeva G.S., Bidova B.B. K voprosu o ponyatii natsional'nykh interesov i oso-bennostyakh ikh yuridicheskogo zakrepleniya v Severoamerikanskoj traditsii (To the question of the concept of national interests and the peculiarities of their legal consolidation in the North American tradition), *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika*, 2019, No. 8 (176), pp. 52-54.

Received: 05.02.2020

УДК 343,4

DOI: 10.33184/pravgos-2020.1.3

ВЫБОРНЫЕ ОРГАНЫ ВЛАСТИ И УПРАВЛЕНИЯ НОВГОРОДСКОЙ И ПСКОВСКОЙ ФЕОДАЛЬНЫХ РЕСПУБЛИК

ЗУБАИРОВ Марат Галиянурович

кандидат исторических наук, доцент Института права ФГБОУ ВО «Баширский государственный университет», г. Уфа, Россия.

E-mail: zubairov.zu@yandex.ru

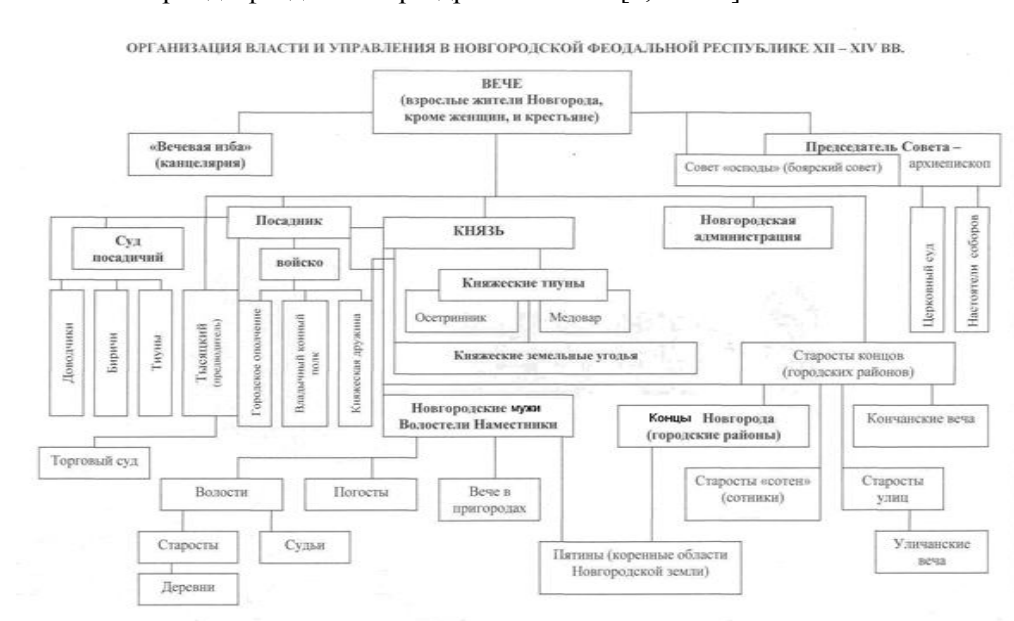
Среди исторических форм организации и деятельности выборных органов власти институты вечевой демократии занимают особое место. В Новгородской и Псковской феодальных республиках формировались и развивались основы представительной и непосредственной демократии, что приводило к созданию вертикали власти «снизу вверх». Сочетание прав и обязанностей высших должностных лиц государства координировалось общегородским столичным вече в русле взаимоотношений, характерных для системы сдержек и противовесов.

Ключевые слова: вече, посадник, тысяцкий, архиепископ, сотня, конец, пятина, Совет господ, уличанское вече, пригород.

Древнерусское государство в XII веке распалось на ряд самостоятельных крупных и маленьких государственных образований. Среди них заметно выделялось такое обширное государство с ярко выраженным и своеобразным государственным строем – Новгородская земля. Здесь была создана в середине XII

Новгородская феодальная республика в результате «...московского завоевания» была присоединена в 1478 году к Московскому государству.[2, с. 153]. Город Псков и его земельные владения в течение длительного времени был «пригородом» Новгорода. В XIV веке Псков отделился от Новгорода и реорганизовался в Псковскую феодальную республику. В результате объединения русских земель вокруг Москвы в 1510 году Псков был включен в состав Московского государства [1, с. 79].

Структура власти и управления Новгородской республики была очень четкой организационной системой, какой не было ни в одной из обособившихся земель-княжеств периода феодальной раздробленности [3, с. 299].

Верховным органом государственной власти Новгородской республики было общегородское вечевое собрание. На нём избирались, назначались и смещались должностные лица (посадники, тысяцкий, архиепископ и князь), принимались законы и утверждались грамоты внутреннего управления, решались финансовые задачи, устанавливая налоги и производя их раскладку. Вече раздавало государственные земли в пользование, определяло повинности горожан и сельского населения. Ему принадлежало право верховного суда над должностными лицами, рассмотрения различных жалоб. Вече решало вопросы войны и мира, направляло посольства и осуществляло высший контроль в сфере международных отношений [1, с. 79, 91-96; 4, с. 44-47].

Высшим должностным лицом государства был посадник. Он председательствовал на вече, руководил межгосударственными отношениями, следил за взысканием налогов и повинностей с населения, вместе с князем осуществлял суд. Посадник управлял концами, ему подчинялись многочисленные должностные лица (сотские, старосты концов, уличанские старосты, тиуны).

Вторым лицом в новгородской исполнительной администрации был тысяцкий. В его обязанности входили судебно-полицейские функции, а также он проводил войсковые сборы, возглавлял ополчение всех концов, регулировал торговлю и вёл торговый суд, независимый от посадника, управлял сотенной организацией.

Архиепископ распоряжался огромной церковной казной и большими земельными ресурсами, организовывал работу «Совета господ», скреплял своей печатью грамоты и договоры, хранил государственную казну, архив, представлял республику во время дипломатических переговоров.

Князь в Новгород приглашался «на службу» после одобрения его кандидатуры на «Совете господ», затем избирался на общегородском вече. Он выполнял военные, судебные, административные функции под контролем посадника, без согласия с которым никакое решение не имело законной силы. Князь не имел права издавать законы и грамоты, объявлять войну и заключать мир, не имел права судить без посадника. Он должен был жить со своими служивыми людьми в строго определенном месте – городище, расположенном в предместье Новгорода [1, с. 91-94; 9, с. 7]. Следовательно, права и обязанности должностных лиц находились в русле взаимоотношений, которых позднее охарактеризуют системой сдержек и противовесов.

Республиканская форма правления ярко проявилось и в организации местных органов власти управления. Новгород, как столица, в административном отношении являлся своеобразной федерацией, основанной на территориальных единицах (сотни, концы) и взаимоотношений между ними.

Сотни (а их в столице было десять) были наиболее древними ячейками общества, доставшиеся в наследство от десятичной системы управления. В сотнях изначально селилось торгово-посадское население, платившее в XII веке подати

князю и подчинявшееся княжеской администрации. Впоследствии сотни стали подчиняться концам, хотя и не растворились в них.

Концы – пять самостоятельных районов Новгорода. Они возникли позднее сотен. Плотницкий и Славенский концы располагались на правом берегу реки Волхов, а Загородский, Людин и Неревский – на левом берегу, на Софийской стороне. Самыми низовыми частями концов являлись улицы [5, с. 317; 6, с. 272].

Система управления внутри городов Новгородской республики (они назывались пригородами) особо не отличалась от столичной. В пригородах также собирались вечевые собрания, избиравшие городскую администрацию.

Огромная территория республики делилась на пять областей – пятин. Каждая из них подчинялась одному концу Новгорода. Пятинны подразделялись на волости, которые управлялись наместниками, назначаемыми совместно князем и посадником.

Были у Новгорода и колонии. Например, Вятка. Это государство возникло в конце XII века и просуществовало до конца XV века [1, с. 104]. Двинская земля вначале тоже была колонией [8, с. 180]. Управлялись колонии Советом господ. В него входили высшие выборные должностные лица Новгорода: посадник, тысяцкий, архиепископ, кончанские старосты, сотские [1, с. 92].

Административное устройство города Пскова, система государственной власти в республике, после достижения ею независимости, базировались на таких же основах, как и Новгорода. Но был и ряд отличий.

Во-первых, в Пскове не было должности тысяцкого. Данный пост являлся высшей степенью в десятичной системе управления (десяток лиц мужского пола во главе с десятским, сотня – с сотским, тысяча – во главе с тысяцким) и исходил из наличия десяти сотен. В Пскове десяти сотен не насчитывалось. Поэтому избирали двух посадников.

Во-вторых, концов было шесть, а не пять, как в Новгороде.

В-третьих, каждый конец Пскова управлял двумя пригородами. В них тоже была сотенно-кончанская система.

В-четвертых, агрессивные действия соседних государств предопределили более сильную власть князя. Например, в пригороды князь направлял наместников без согласия с посадниками [1, с. 93-94; 7 с. 41-45].

Основной формирования управления в республиках был принцип волеизъявления общегородской общины. Его действие начиналось с низовых выборных органов и распространялось на все исполнительные институты – от сотских, уличанских и кончанских старост до посадников, тысяцких, князей, архиепископа, епископов и архимандритов.

Во всех конца Новгорода функционировали территориальные собрания – кончанское вече. Здесь принимались решения по различным повседневным вопросам, обсуждалась тактика поведения на общегородском вече, формировалось собственное ополчение, избирались должностные лица – кончанский староста и его помощники (кончанская управа). Низовыми подразделениями концов явля-

лись «улицы», во главе которых были уличанские старосты, избираемые уличанским вече. Существование «сотен» и «улиц» диктовалось необходимостью развитого судебно-полицейского управления и контроля.

Выборы органов местного самоуправления концов, сотен и улиц осуществлялись не голосом (криком) как на общегородском вече, а с помощью специальных берестяных грамот, где были написаны имена претендентов. Для доказательства этой точки зрения В.Л. Янин приводил содержание берестяной грамоты XIV века, найденной в ходе раскопок в Новгороде. А именно: « Берестяная грамота № 298. Костка сына Лукина, Офремова сына. Купра Иванова сына, Онитвька. Купра Фомина сына. Игнатъя Юрьева сына» [10, с. 156]. Но нужно отметить, что некоторые исследователи, не отрицая содержания и значения этого документа, скептически относятся к датировке написания данной бересты [11, с. 152-170].

О возможности такой процедуры выборов в местные органы власти и управления свидетельствует практика избирания архиепископа на общегородском вече. «Вначале на вече выдвигали трех кандидатов. Их имена записывали на пергаменте и приносили в Софийский собор во время церковной службы. Здесь запечатанные листы раскладывали на трапезе соборы и по окончании службы посылали с веча слепца или ребенка для выноса одного из жребиев – «которого бог даст». Поименованный в выбранном жребии кандидат и становился владыкой Новгорода» [3, с. 231-232].

О роли и значении местных органов власти говорят следующие обстоятельства. Общегородское вече признавалось правомочным, если на нем присутствовали представители всех пяти концов и десяти сотен: кончанские и уличанские старосты, сотские. Вечевые грамоты подписывали и ставили свои печати не только посадник, тысяцкий, архиепископ, но и кончанские старосты.

Участвовали выборные лица низовых органов и в осуществление правосудия. В Новгороде мелкие уголовные и все гражданские дела, кроме споров по земле-владению и торговым, рассматривали сотские старосты. В Псковской республике был суд братчины. Братчина – территориальная община «соседей, объединившихся между собой с целью организации в складчину общественных пирушек, которой были подсудны мелкие дела, вроде оскорблений, драк и кражи на пиру» [12, с. 384].

Следовательно, выборные органы власти и управления в Новгородской и Псковской феодальных республиках играли важную роль в становлении и развитии институтов представительной и непосредственной демократии, формировании вертикали власти «снизу вверх», зарождении системы сдержек и противовесов.

Библиографические ссылки

1. История отечественного государства и права в 2 ч. Ч. 1 : учебник для бакалавров / под ред. О.И. Чистякова. 5-е изд., перераб. доп. М. : Издательство Юрайт, 2013.
2. Скрынников Р.Г. Трагедия Новгорода. М., 1994

3. Очерки по истории выборов и избирательного права / под ред. Ю.А. Веденеева, Н.А. Богодаровой. Калуга–Москва, 1997.
4. Трояновский С.В. Новгородская республика: утраченная альтернатива Российской истории // Родина. 2012. № 9. С. 44-47.
5. Петров А.В. Внутриобщинные столкновения в Новгороде в середине и во второй половине XIV в. // Средневековая и новая Россия : сборник научных статей к 60-летию профессора И.Я. Фроянова. СПб., 1996.
6. Янин В.Л. Новгородские посадники. М., 1962.
7. Доровских Д.В. Новгородская республика: утраченные традиции российской демократии // Родина. 2014. № 3. С.41-45.
8. Российское законодательство X–XX в. В девяти томах. Т. 2. Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства. М : Юрид. лит., 1985.
9. Янин В.Л. Князь Рюрик был в Новгороде чиновником на жалованье // Век. 2000. № 34.
10. Янин В.Л. Я послал тебе бересту ... М., 1965.
11. Носовский Г.В. Великий Новгород. С Волхова или с Волги пошла Русская земля? М. : Астрель, Владимир, 2010.
12. Российское законодательство X–XX веков. В девяти томах. Т. 1. Законодательство Древней Руси. М. : Юрид.ли., 1984.

Дата поступления: 12.02.2020

DOI: 10.33184/pravgos-2020.1.3

ELECTIVE GOVERNMENT AND ADMINISTRATIVE AUTHORITIES OF THE NOVGOROD AND PSKOV FEUDAL REPUBLICS

ZUBAIROV Marat Galyanurovich

Candidate of Sciences (History), Assistant Professor of the Institute of Law of the Federal State Budgetary Educational Establishment of Higher Education "Bashkir State University", Ufa, Russia. E-mail: zubairov.zu@yandex.ru

Among the historical forms of organization and activities of elective government authorities, the institutions of veche democracy hold a special place. In the Novgorod and Pskov feudal republics, the foundations of representative and direct democracy were formed and developed, which led to the creation of a vertical "from bottom to top" power. The combination of the rights and duties of the state highest officials was coordinated by the all-town capital veche in line with the relations common to the system of checks and balances.

Key words: veche, posadnik, tysiatskii, archbishop, hundred, end, pyatina, council of lords, ulitsa veche, suburb.

References

1. Istoriya otechestvennogo gosudarstva i prava v 2 ch. CH. 1 (The history of national state and law in 2 parts. Part 1), uchebnik dlya bakalavrov, pod red. O.I. Chistyakova, 5-ye izd., pererab. dop. Moscow, Izdatel'stvo Yurayt, 2013.
2. Skrynnikov R.G. Tragediya Novgoroda (The tragedy of Novgorod). Moscow, 1994
3. Ocherki po istorii vyborov i izbiratel'nogo prava (Essays on the history of elections and suffrage), pod red. Yu.A. Vedeneyeva, N.A. Bogodarovoy. Kaluga – Moscow, 1997.
4. Troyanovskiy S.V. Novgorodskaya respublika: utrachennaya al'ternativa Rossiyskoy istorii (Novgorod Republic: a lost alternative to the Russian history), *Rodina*, 2012, No. 9, pp. 44-47.
5. Petrov A.V. Vnutriobshchinnyye stolknoveniya v Novgorode v seredine i vo vtoroy polovine XIV v. (Intracommunal clashes in Novgorod in the middle and in the second part of the XIV century), *Srednevekovaya i novaya Rossiya*, sbornik nauchnykh statey k 60-letiyu professora I.Ya. Froyanova. St. Petersburg, 1996.
6. Yanin V.L. Novgorodskiy posadniki (Novgorod posadniks). Moscow, 1962.
7. Dorovskikh D.V. Novgorodskaya respublika: utrachennyye traditsii rossiyskoy demokratii (Novgorod Republic: lost traditions of Russian democracy), *Rodina*, 2014, No. 3, pp. 41-45.
8. Rossiyskoye zakonodatel'stvo X–XX v. V devyati tomakh. T. 2. Zakonodatel'stvo perioda obrazovaniya i ukrepleniya Russkogo tsentralizovannogo gosudarstva (Russian legislation of the X – XX centuries. In nine volumes. V. 2. Legislation of the period of formation and strengthening of the Russian centralized state). Moscow, Yurid. lit., 1985.
9. Yanin V.L. Knyaz' Ryurik byl v Novgorode chinovnikom na zhalovan'ye (Prince Rurik was a salary official in Novgorod), *Vek*, 2000, No. 34.
10. Yanin V.L. Ya poslal tebe berestu ... (I sent you a birch bark ...). Moscow, 1965.
11. Nosovskiy G.V. Velikiy Novgorod. S Volkhova ili s Volgi poshla Russkaya zemlya? (Great Novgorod. Did Russi begin from Volkhov or from the Volga?). Moscow, Astrel', Vladimir, 2010.
12. Rossiyskoye zakonodatel'stvo X–XX vekov. V devyati tomakh. T. 1. Zakonodatel'stvo Drevney Rusi (Russian legislation of the X – XX centuries. In nine volumes. V.1. Legislation of Ancient Russia). Moscow, Yurid.lit., 1984.

Received: 12.02.2020

УДК 349.6

DOI: 10.33184/pravgos-2020.1.4

СОЦИАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО: К ИСТОРИИ КОНЦЕПТА**ТИМОНИН Анатолий Николаевич***доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории государства и права, ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет», г. Уфа, Россия.
E-mail: timonin.anatoly2011@yandex.ru*

Благоприятные условия для формирования теории социального государства появились только тогда, когда оба феномена: государство и общество стали различаться и терминологически и концептуально. Понятие общества довольно часто использовалось в качестве синонима другого понятия – «государство», именно это понятие выступало и как название будущей цели, и как интегральный способ осмысления содержания и результатов прошлых процессов, связанных с благотворительностью и благосостоянием. Идея социального государства своими корнями уходит в глубокую древность. Довольно ярко она проявила себя в деятельности афинского реформатора Солона и его родственника Писистрата, в необычайно активной социальной политике Византии. В новых исторических условиях данная идея особенно активно и плодотворно стала разрабатываться немецким ученым Лоренцом фон Штайном, руководствовавшимся гегелевской философией. Увлечение Гегелем, его понятиями и методологией поначалу позволяли Штайну проникнуть в суть социальных и политических явлений, но мере развития научной мысли Гегель и гегельянцы стали утрачивать былую популярность у формирующейся социал-демократии Германии. Не способствовала этому и полемика Штайна с Робертом фон Молем, соавтором концепции правового государства. В конечном итоге наибольшего успеха на родине духовного отца теории социального государства добились те авторы, кто подобно Адольфу Вагнеру не противопоставлял идеалы: социального государства правовому, а соединял их.

Ключевые слова: идея социального государства, Лоренц фон Штайн, теория социального государства, государство всеобщего благоденствия.

Исторически сложилось так, что термин «социальное государство» появляется в Германии, охваченной процессами модернизации, индустриализации, активизации рабочего движения и обнаруживает себя в трудах Лоренца Штайна. Его терминологические аналоги в англосаксонском мире получили название: «государство всеобщего благоденствия», «государство благосостояния» от английского «Welfare State». О терминах ныне мало кто спорит. Иное дело понятие «социальное государство»: одни утверждают, что оно не могло появиться ранее

эпохи модерна; другие же, рассматривая его в качестве социальной версии идеального государства, относят истоки такого государства к эпохе древности.

Такая точка зрения не представляется совершенно безосновательной хотя бы потому, что острейшая необходимость радикальных социальных реформ сознавалась и в античной Греции. Ярчайшим свидетельством тому служат знаменитые реформы Солона, умудрившегося за год провести в Афинах более ста реформ. Он смог обеспечить демосу доступ не только к собственности, но и к власти, спасти родной полис от гражданской войны. На родине реформатора даже его преемник – тиран Писистрат не посягал на законодательство своего родственника. Не случайно афиняне, с ностальгией вспоминая о времени его правления, не раз повторяли: «Тирания Писистрата – это жизнь про Кроносе». Не могли остаться равнодушными и величайшие мыслители античности.

Размышляя об идеальном государстве, Платон явно находился под влиянием начинаний Солона. Наиболее оптимальной политической формой, более всех других способной обеспечить согражданам «благую жизнь», Аристотель считал «политию» – умеренную демократию. Но их идеалам не суждено было сбыться. Вскоре вся Греция, разделенная на мелкие города-государства, была захвачена государствами-империями. Поэтому грекам пришлось надолго отложить попытки реализации какого-либо проекта государства.

Руководствуясь христианской парадигмой, средневековые греки смогли приступить к осуществлению желанной цели. Лучше всех обобщить весь теоретический фундамент новой, теперь уже византийской семьи народов и государств, выразить его в предельной точной и лаконичной формуле удалось Константину Философу: «Наше царство не римское, а Христово» [1, с. 24-25]. Налицо разрыв между двумя империями: языческой Римской и христианской Византийской, проявляющийся в образе «царства небесного». Несмотря на все чудовищные преступления, на все гнусные деяния, свершаемые собственной верхушкой «...простые люди империи верили, что Византия – священная земная империя и её благочестивый император представляет Бога перед людьми и людей перед Богом». Без констатации этой непоколебимой убежденности византийского простонародья трудно понять: почему «в течение одиннадцати веков – от первого Константина до одиннадцатого – конституция христианской Римской империи, была по сути неизменна» [2, с. 227].

Христианские идеалы определяли всю жизнедеятельность государства, церкви и общества. Не стала исключением в этом плане и социальная сфера – вся империя покрылась приютами для сирот и вдов, госпиталями для бездомных и нищих, больницами для прокаженных и немощных. В одной только имперской столице с 325 по 843 гг. существовало 59 странноприимных домов, 49 больниц, 22 приюта для неимущих, 10 домов для престарелых, 8 бань и зернохранилищ, 7 родильных домов, 6 лепрозориев, 2 детских дома и 1 дом для слепых [3, р.622].

Византийский вариант идеального государства был немислим без образа идеального правителя. В число обязательных требований, предъявляемых к та-

кому правителю, византийские авторы неизменно включали верность православию и справедливость. Словно откликаясь на повышенные запросы общества, адресованные правителю, византийские императоры стремились убедить своих подданных в том, что они преследует общую пользу и благоденствие всего государства. Таковы, например, Новеллы известного всему юридическому миру императора Юстиниана. Великие начинания требовали от подданных немалых денег. Небывалый рост налогов вызвал всеобщее недовольство, на фоне которого в Константинополе произошло крупнейшее народное восстание, грозившее уничтожить всю правящую верхушку империи. При Юстиниане налоговый гнет усилился настолько, что многие подданные желали его смерти, и когда это произошло, народные массы встретили известие о кончине великого императора с большим облегчением. Нельзя сказать, что социальная функция империи при Юстиниане сводилась к одной лишь законодательной фиксации пышных определений и высокопарных фраз. Напротив, «в дополнение к роскошным учреждениям, которые он устроил в различных городах и поселках империи, Юстиниан основал или отремонтировал несколько богаделен. Он отремонтировал богадельню, названную в честь св. Романа в Апамии, он построил новую в Босре и восстановил богадельни Куриоса и Святого Конона. Он построил также приют для нищих на эмпориуме в общегородском порту Перги в Памфилии, который он посвятил Святому Михаилу» [4, р. 264].

Конечно же, самый большой приют для бедных существовал в самом большом городе империи – в Константинополе, который располагался около церкви св. Архипа и Филемона [5, р. 416-417]. Существовал здесь и целый комплекс социальных институтов, который был настолько велик, что Анна Комнина, повествуя о благих деяниях своего венценосного отца, свершенных и на социальной почве, называет его «Новым городом». Она сообщает: «Во главе этого многотысячного города стоит попечитель – некий знатный муж, название города – Приют. Приютом он называется благодаря человеколюбию самодержца по отношению к сиротам и бывшим воинам». Тогда же в XII в. благодаря усилиям Алексея Комнина к приюту было добавлено много зданий, в которых за государственный счет проживало и содержалось множество бедных, слепых, хромых и людей с другими увечьями [6, с. 417-418].

Активная социальная политика в Византии рассматривалась как выполнение священного долга, как обязательство перед Богом и православным людом. Сострадание и милосердие к сирым и убогим, к нуждающимся были обязательны для всех византийцев, желавших после завершения земного пути обрести царство небесное. Забота о состоянии души после смерти была обязательна даже для императора, который должен был подражать Богу в трудах альтруистических не просто ради имитации, но чтобы угодить Всевышнему. Помимо религиозных побуждений благие дела могли свершаться в силу тщеславия, личного интереса, самолюбования, политической целесообразности и других эгоистических соображений.

Много, слишком много всегда было бедных и нищих, в то время как многие богатства по-прежнему оставались в руках немногих. Мало что делалось, чтобы предотвратить бедность как таковую и чтобы бедные стали совершенно независимы от кого-либо в материальном плане. Ни правящие круги всей империи, ни городские власти в провинциях не обеспечили бедным те условия, в которых они могли бы сами позаботиться о себе. В XIV столетии, в эпоху глубочайшего кризиса Византии Георгий Гемист настаивал на том, что только с восстановлением социальной справедливости можно было бы надеяться на подлинное возрождение империи. Все было тщетно: богатые и влиятельные магнаты только усилили эксплуатацию бедных и слабых [4, р. 286]. Самым пагубным для Византии стало открытое предательство магнатами интересов великой державы.

Конечно же, активизация социальной политики периодически наблюдалась не только на Востоке, но и на Западе. Но только тогда, когда оба феномена: государство и общество стали различаться и терминологически и концептуально в странах Западной Европы появились благоприятные условия для формирования теории социального государства. Понятие общества играло существенную роль в обсуждениях социальных проблем и способов их решения. Именно это понятие выступало и как название будущей цели, и как интегральный способ осмысления содержания и результатов прошлых процессов, связанных с благотворительностью и благосостоянием. Совершенно очевидно, что законы, направленные на борьбу с бедностью и нищенством, в Западной Европе появились задолго до социального законодательства Отто фон Бисмарка. Правда со временем, традиционные методы, обычно использовавшиеся для решения социальных проблем, такие как филантропия и «старые законы о бедных», стали неэффективными, а усилия властей улучшить условия жизни людей – недостаточными. Поэтому законы о бедных в течение второй половины XIX в. подверглись модернизации, которая была вызвана приростом населения, урбанизацией и индустриализацией. Особое значение принадлежало новому пониманию гражданских прав, порожденному Великой французской революцией. Повсеместно наблюдалась растущая важность «социальных вопросов», которые сопровождали процесс индустриализации, а борьба за их разрешение стала импульсом, направленным на утверждение социальных прав наряду с политическими правами [7, р. 26]. Все это стало возможным в результате активизации рабочих движений, конфликта интересов, классовой борьбы, достигшей наибольшей остроты во Франции XVIII-XIX вв.

Германский ответ на революционный вызов Франции не заставил себя долго ждать. В Германии, по меньшей мере, с начала XIX в., развивались интенсивные исследования самого феномена «государство» и его различения с «обществом». Одновременно участились поиски варианта общественно-политического развития альтернативного французскому. Лучше всех это удалось профессору Лоренцу Якобу фон Штайну. Уже в первых работах ему удалось доказать, что немцам следует отнестись к социалистическим идеям более

внимательно, изучить их самым пристальным образом, хотя бы потому, что они были глубоко укоренены в европейской интеллектуальной традиции. Как и Гегель, Штайн не только разделял, но и противопоставлял друг другу «государство» и «общество». С точки зрения Лоренца Штайна «жизнь человеческого общежития состоит в постоянном воздействии и противодействии между государством и обществом, эта живая противоположность составляет истинное содержание истории всех народов» [8, с. XXXVII]. Будучи противником радикальных мер, он понимал, что движение к более гармоничному и добродетельному обществу будет долгим. Его подход к решению проблемы взаимодействия между государством и обществом строился на основе и органической концепции. Но все же главной оставалась философия Гегеля, руководствуясь которой он писал: «Государство стоит выше всего, выше общества как самая высокая и независимая власть; однако, развитие каждого человека – своя самая высокая задача» [9, р. 29].

Как и Гегель, он связывал свои сокровенные надежды с монархией. Полагая, что оппозиция монархии невозможна даже теоретически, Штайн утверждал, что пока существует возможность социальных конфликтов, монархии должны преобладать. Германскую монархию он мыслил себе в качестве «монархии социальной». Штайн ясно давал понять, что имел в виду вовсе не абсолютную монархию, избирая монархическую систему в качестве единственного способа устранения напряженности в социальных отношениях. Его монархический выбор свидетельствовал об отчетливо выраженной консервативной позиции.

Размышляя над революционными процессами, происходившими во Франции в 1848 г., он наблюдает прочное соединение социализма с демократией, рождение социал-демократизма, которому суждено великое будущее и в Германии. Только победа социал-демократии над реакционными силами была способна создать более гармоничный общественный строй. Но для того, чтобы эта более высокая стадия была достигнута, социал-демократы должны были сформировать союз с государством. Штайн неоднократно подчеркивал необходимость не революционных изменений, а длительного и медленного процесса реформ. При этом истинная социальная реформа могла произойти только тогда, когда высшие сословия признают её своей самой высокой целью. Один из его важнейших выводов гласит: «С этого времени точно не будет ни чистой демократии, ни чистого социализма; и таким образом центр политической жизни и деятельности перемещается и будет перемещен с конституционного вопроса на административный вопрос» [10, р. 422]. Выдвигая государство на главную роль в разрешении социального вопроса, Штайн пояснял, что этот вопрос окажется в центре внимания правительства, станет постоянным предметом его деятельности. Правительство, которое постоянно включается в работу тогда, когда люди неспособны помочь себе сами, функционирует в качестве целой системы социального правительства. Для достижения этой цели правительство должно активно действовать по меньшей мере в трех областях. Во-первых, оно должно обеспечивать социальную свободу. Второе направление его деятельности – борьба с

бедностью. Третье – обеспечение социального развития общественных классов. Штайн полагал, что создание равных возможностей для представителей всех общественных классов было главным условием для преодоления напряженности в отношениях между классами, которая своими корнями уходит в природу современного государства [11, р. 401-402, р. 443-44].

Увлечение Гегелем, его понятиями и методологией поначалу позволяли Штайну проникнуть в суть социальных и политических явлений, но мере развития научной мысли сугубо академический язык произведений Штайна, основательно пропитанный гегельянством, стал восприниматься широкой научной общественностью Германии как архаический и идеалистический. Примером может служить высказывание Людвиг Гумпловича: «Никогда не было более любопытного соединения идеализма и реализма, как у Штайна. В то время как в формах своей мысли он все еще полностью представляет идеалистическую философию, определенно представляющую диалектический метод Гегеля, в его содержании прорывается до сих пор неизвестный, непримиримый реализм. Штайн – реалист, который пребывает в широкой драпировке идеализма» [12, р. 151].

Идейных лидеров формирующейся германской социал-демократии теперь больше занимали конкретные проблемы осуществления соответствующих социальных реформ, нежели глубокие исторические обобщения и абстрактные теории «духовного отца» германской социальной политики. Духовное родство с Гегелем, переезд в Австрию несколько не способствовали широкой популярности его научных трудов на родине Штайна. Их значение вновь открылось его соотечественникам спустя годы. Как бы то ни было, именно Штайн стал первым писать о том, что «социальный дух» должен проникать не только в деятельность всего правительства, создающего рабочим все условия для развития их умственных и физических способностей, но и в государство в целом.

Современник К. Маркса Лоренц Штайн предложил компромиссное решение социального и рабочего вопросов, которое он назвал «социальной политикой». Такая политика должна была связать социальную сферу с политической (через «социальную администрацию»), сохраняя автономию всех элементов социальной жизни. Иначе говоря, вторгаясь в экономику, семейную жизнь, государство должно применять иные, нежели государство диктатуры пролетариата, методы. В работе «Настоящее и будущее науки о государстве и праве Германии» Штайн утверждает, что государство «должно стремиться к экономическому и общественному прогрессу всех своих членов, так как развитие одного есть условие и следствие развития другого; в этом смысле мы говорим об общественном или социальном государстве» [13, р. 215].

Социальное видение современного государства он противопоставлял научным взглядам своего бывшего наставника – Роберта фон Моля – одного из основателей концепции Rechtsstaat (правового государства). Штайн, порицая его за одномерную, упрощенную трактовку, подчеркивал: «Это худшая концепция государства принадлежит настоящему времени и её представляет, как известно,

Роберт Моль». По мнению Штайна, развитие идеи правового государства характеризовалось повышенным вниманием к конституции страны, дробило целостную науку государствоведения на отдельные сегменты и вытесняло из поля научного дискурса специфически немецкий идеал *Wohlfahrtsstaat* – государства всеобщего благосостояния, государства всеобщего благоденствия. Полемизируя с фон Модем, Штайн писал: «Фундаментальное понятие идеи *eudaemonian* государства просто. Государство существует так, чтобы оно могло, через власть, которая сосредоточена в нем, обеспечивать благосостояние всех граждан в духовном и материальном отношениях» [14, р. 12, 24]. Спустя некоторое время идея *Wohlfahrtsstaat* была подхвачена и получила свое развитие в трудах другого, гораздо более успешного в политической сфере и более популярного в социал-демократической среде, нежели Штайн, немецкого мыслителя – Адольфа Вагнера, соединившего её с идеей правового государства.

Библиографические ссылки

1. Медведев И.П. Правовая культура Византийской империи. СПб. : Алетейя, 2001.
2. Рансимен Стивен. Восточная схизма: византийская теократия / авт. предисл. Л.Л. Тайван; РАН. Ин-т востоковедения. М. : Наука: Вост. лит., 1998.
3. The Oxford Handbook of Byzantine Studies (Oxford Handbooks) / Edit. by Elizabeth Jeffreys with John Haldon and Robin Cormack. Oxford: Oxford University Press, 2008 [Электронный ресурс]. URL: <http://en.bookfi.net/book/1383686> (дата обращения: 13.12.2019).
4. Constantelos D.J. Byzantine Philanthropy and Social Welfare. New Brunswick, N.J.: Rutgers university press, 1986. [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.bookxyz/book/3416904/72cb2c> (accessed date: 13.12.2019).
5. Janin R. Constantinople Byzantine. Paris : Institut francais d'etudes Byzantines, 1950. [Электронный ресурс]. URL: <http://bookre.org/reader?file=1320440> (дата обращения: 13.12.2019).
6. Комнина Анна. Алексиада / Анна Комнина; Пер. с греч. [и предисл., с. 5-49] Я.Н. Любарского. СПб. : Изд-во Алетейя. 1996.
7. Marian G.S. European Welfare State in a Historical Perspective. A Critical Review // European Journal of Interdisciplinary Studies. 2015. June. P. 25-38. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ejist.ro/files/pdf/391.pdf> (дата обращения: 13.12.2019).
8. Штейн Лоренц. История социального движения Франции с 1789 года / пер. со 2 нем. изд. Т. 1. / Лоренц Штейн. Основное понятие общества и социальная история Французской революции до 1830 года. СПб. : тип. А.М. Котомица, 1872.
9. Stein L. v. Der Socialismus und Communismus des heutigen Frankreichs; ein Beitrag zur Zeitgeschichte. Leipzig: Wigand, 1848. [Электронный ресурс]. URL: <https://archive.org/details/dersocialismusun01steiuoft/page/n8> (дата обращения: 13.12.2019).

10. Stein L. v. Geschichte der socialen Bewegung in Frankreich von 1789 bis auf unsere Tage. Leipzig: O. Wigand, 1850. [Электронный ресурс]. URL: https://archive.org/details/geschichtederso_02steigoog/page/n14 (дата обращения: 13.12.2019).
11. Stein L. v. Handbuch der Verwaltungslehre und des Verwaltungsrechts: mit Vergleichung der Literatur und Gesetzgebung von Frankreich, England und Deutschland / als Grundlage für Vorlesungen von Dr. Lorenz Stein. Stuttgart: J.G. Cotta'schen Buchhandlung, 1870. [Электронный ресурс]. URL: <https://archive.org/details/handbuchderverw00steigoog/page/n7> (дата обращения: 13.12.2019).
12. Guplowicz L. Rechtsstaat und Sozialismus. Innsbruck: Wagner'schen Universitaets-Buchhandlung, 1881. [Electronic resource]. URL: <https://archive.org/details/rechtsstaatunds00gumpgoog/page/n13> (дата обращения: 13.12.2019).
13. Stein L. v. Gegenwart und Zukunft der Rechts- und Staatswissenschaft Deutschlands. Stuttgart: J.G. Cotta, 1876. [Электронный ресурс]. URL: <https://archive.org/details/gegenwartundzuk00steigoog/page/n10> (дата обращения: 13.12.2019).
14. Stein L. v. Die Verwaltungslehre. Bd. 2 (2, 1). Stuttgart: J.G. Cotta, 1866. [Электронный ресурс]. URL: <https://archive.org/details/dieverwaltungsl01steigoog/page/n9> (дата обращения: 13.12.2019).

Дата поступления: 03.02.2020

DOI: 10.33184/pravgos-2020.1.4

SOCIAL STATE: TOWARDS THE HISTORY OF THE CONCEPT

TIMONIN Anatoly Nicolaevich

Doctor of Law, Professor, Professor of the Chair of theory of State and Law of the Bashkir State University, Ufa, Russia. E-mail: timonin.anatoly2011@yandex.ru

Favorable conditions for forming the theory of social state appeared only when the phenomena of the state and society began to differ both terminologically and conceptually. The concept of society was quite often used as a synonym of another concept – “state”, it was this concept that acted both as the name of the future goal and as an integral way of understanding the content and results of past processes related to charity and welfare. The idea of a social state is rooted in deep antiquity. It showed itself rather vividly in the activities of the Athenian reformer Solon and his relative Pisistrat, in the surprisingly active social policy of Byzantium. In the new historical conditions, German scientist Lorentz von Stein, guided by the Hegelian philosophy, especially actively and fruitfully developed this idea. Stein was captured by Hegel, his concepts and methodology and it initially allowed Stein to penetrate the essence of social and political phenomena, but as scientific thought developed, Hegel and Hegelians began to lose their former popularity with emerging social democracy in Germany. Stein's controversy with Robert von Mole, co-author of the concept of the rule-of-law state,

did not contribute to this. In the end, those authors who, like Adolf Wagner, did not oppose ideals of the social and rule-of-law states, but connected them, achieved the greatest success in the homeland of the spiritual father of the theory of social state.

Key words: idea of social state, Lorenz von Stein, theory of social state, welfare state.

References

1. Medvedev I.P. *Pravovaya kul'tura Vizantiyskoy imperii* (Legal culture of the Byzantine Empire). St. Petersburg, Aleteyya, 2001.
2. Ransimen Stiven. *Vostochnaya skhizma: vizantiyskaya teokratiya* (Eastern Schism: Byzantine Theocracy), avt. predisl. L.L. Tayvan, RAN. In-t vostokovedeniya. Moscow, Nauka, Vost. lit., 1998.
3. The Oxford Handbook of Byzantine Studies (Oxford Handbooks), Edit. by Elizabeth Jeffreys with John Haldon and Robin Cormack. Oxford, Oxford University Press, 2008. Available at: <http://en.bookfi.net/book/1383686> (accessed date: 13.12.2019).
4. Constantelos D.J. *Byzantine Philanthropy and Social Welfare*. New Brunswick, N.J., Rutgers university press, 1986. Available at: <https://ru.b-ok.xyz/book/3416904/72cb2c> (accessed date: 13.12.2019).
5. Janin R. *Constantinople Byzantine*. Paris : Institut francais d'etudes Byzantines, 1950. Available at: <http://bookre.org/reader?file=1320440> (accessed date: 13.12.2019).
6. Komnina Anna. *Aleksiada (Alexiada)*, Anna Komnina, Per. s grech. i predisl., pp. 5-49 YA.N. Lyubarskogo. St. Petersburg, Izd-vo Aleteyya, 1996.
7. Marian G.S. *European Welfare State in a Historical Perspective. A Critical Review* // European Journal of Interdisciplinary Studies, 2015, June, pp. 25-38. Available at: <https://www.ejist.ro/files/pdf/391.pdf> (accessed date: 13.12.2019).
8. Shteyn Lorents. *Istoriya sotsial'nogo dvizheniya Frantsii s 1789 goda* (The history of the social movement of France since 1789), per. so 2 nem. izd. T. 1., Lorents Shteyn. Osnovnoye ponyatiye obshchestva i sotsial'naya istoriya Frantsuzskoy revolyutsii do 1830 goda. St. Petersburg, tip. A.M. Kotomitsa, 1872.
9. Stein L. v. *Der Sozialismus und Communismus des heutigen Frankreichs; ein Beitrage zur Zeitgeschichte*. Leipzig: Wigand, 1848. Available at: <https://archive.org/details/derso-socialismusun01steiuoft/page/n8> (accessed date: 13.12.2019).
10. Stein L. v. *Geschichte der sozialen Bewegung in Frankreich von 1789 bis auf unsere Tage*. Leipzig: O. Wigand, 1850. Available at: <https://archive.org/details/gedetails/geschichte02steigoog/page/n14> (accessed date: 13.12.2019).
11. Stein L. v. *Handbuch der Verwaltungslehre und des Verwaltungsrechts: mit Vergleichung der Literatur und Gesetzgebung von Frankreich, England und Deutschland, als Grundlage fur Vorlesungen von Dr. Lorenz Stein*. Stuttgart: J.G. Cotta'schen Buchhandlung, 1870. Available at: <https://archive.org/details/handbuchderverw00steigoog/page/n7> (accessed date: 13.12.2019).
12. Guplowicz L. *Rechtsstaat und Sozialismus*. Innsbruck: Wagner'schen Universitaets-Buchhandlung, 1881. Available at: <https://archive.org/details/rechtsstaatunds00gumpgoog/page/n13> (accessed date: 13.12.2019).

13. Stein L. v. Gegenwart und Zukunft der Rechts- und Staatswissenschaft Deutschlands. Stuttgart: J.G. Kotta, 1876. Available at: <https://archive.org/details/gegenwartundzuk00steigoog/page/1> (accessed date: 13.12.2019).

14. Stein L. v. Die Verwaltungslehre. Bd. 2 (2, 1). Stuttgart, J.G. Kotta, 1866. Available at: <https://archive.org/details/dieverwaltungslehre01steigoog/page/n9> (accessed date: 13.12.2019).

Received: 03.02.2020

УДК 340.1

DOI: 10.33184/pravgos-2020.1.5

МЕХАНИЗМ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ: МЕСТО ИСТОЧНИКОВ И ИСТОКОВ ПРАВА В ЕГО СТРУКТУРЕ

СПИРИН Михаил Юрьевич

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права и международного права юридического факультета Самарского национального исследовательского университета им. С.П. Королёва, г. Самара, Россия. E-mail: smy@samaradom.ru

Произведён анализ особенностей определения и элементного состава механизма правового регулирования, уточнено значение инструментального (специально-юридического) и социального (социологического) подходов к природе и сущности механизма правового регулирования. Обозначены особенности места источников и истоков права в структуре механизма правового регулирования в зависимости от их характера и уровня регулятивного воздействия на общественные отношения. Установлено различие формальных (формально-юридических) и волевых источников права, а также истоков права как принципов правового регулирования и как правообразующих факторов; сделаны выводы о возможности включения данных явлений в состав механизма правового регулирования.

Ключевые слова: механизм правового регулирования, инструментальный аспект МПР, социальный аспект МПР, формальный источник права как компонент структуры механизма правового регулирования, волевой источник права, исток права как возможный компонент структуры механизма правового регулирования.

Классический анализ инструментального (специально-юридического) аспекта механизма правового регулирования, произведённый в своё время С.С. Алексеевым, показал, что данная категория устойчиво выражает процессуальный смысл порядка регулирования массовых социальных взаимодействий: действующая норма права создаёт реальное субъективное право и юридическую

обязанность лица, далее лицо реализует это право (закреплённое модусами дозволения либо управомочия на возможное действие) и обязанность (закреплённую модусами обязывания следовать запрету либо управомочия обязательного действия), обращаясь в установленном порядке к органам публичной власти и их должностным лицам, с помощью акта правоприменения, который они в установленной форме издают; после этого акт правоприменения реализуется, на основании чего субъективное право и юридическая обязанность лица как индивидуализированные меры поведения осуществляются и изначальная норма права, на базе которой были таким образом реализованы субъективное право и юридическая обязанность лица, подтверждает свой действительный статус.

Такой процессуальный, отображающий «момент движения, функционирования правовой формы» [1, с. 97] смысл регулирования социальных взаимодействий, по сути, основан на более ранней позиции Н.Г. Александрова, который определял функционирование механизма правового регулирования в большей степени в сфере реализации правосубъектности лиц в рамках складывающихся правовых отношений, в т.ч. – в сфере юридической ответственности [2, с. 165; 3, с. 183-213].

В своей знаковой для развития отечественной теории права работе «Механизм правового регулирования в социалистическом государстве» 1966 г., а также в главе IX первого тома курса лекций по проблемам теории права 1972 г. и в разделе 7 второго тома курса по общей теории права 1982 г. С.С. Алексеев в развитие позиции Н.Г. Александрова именно в процессуальном смысле определял механизм правового регулирования как «взятую в единстве систему правовых средств, при помощи которой обеспечивается результативное правовое воздействие на общественные отношения» [4, с. 30; 5, с. 150; 6, с. 9; 7, с. 150; 8, с. 267]. Понятие механизма правового регулирования «во всех случаях призвано показать системно-динамический срез правовой действительности» [6, с. 11]. С.С. Алексеев специально указывал на этапы и стадии процесса правового регулирования как на критерий для «обособления ключевых элементов механизма правового воздействия» [6, с. 26].

Тем самым, научная категория механизма правового регулирования подтверждает саму реальность существования права как социального регулятивного явления и прагматичность, а также институционность процедуры правового регулирования. Более широкая научная трактовка механизма правового регулирования с позиции социального (социологического) аспекта механизма действия права осуществляется с включением в состав МПР юридических фактов, описываемых гипотезой действующей нормы права (фактически – включённых в эту гипотезу), а также – правотворческой деятельности (системы действий уполномоченных органов и лиц по созданию и введению в действие самой юридической нормы), которая неразрывно связана с постановкой в правовых актах социально полезных целей и формированием социально полезных образцов поведения [9, с. 37–44; 10, с. 218].

Данный подход изначально противоречит указанию С.С. Алексеева на то, что «правовые явления – процессы (... правотворчество и применение права) при всей их важности в правовом регулировании входят в механизм правового регулирования не непосредственно, а в виде актов, технико-юридических средств и т.д.» [6, с. 25]. В то же время создатель классической концепции инструментального аспекта механизма правового регулирования не отрицает самого факта присутствия юридических процедур в структуре МПР, а лишь указывает на важность точного определения основных форм их внешнего выражения.

Тем самым, как процедура правотворчества, так и процессы реализации права (в том числе – правоприменительная и правоохранительная деятельность) подлежат включению в состав механизма правового регулирования в качестве важных функциональных компонентов [11, с. 107].

Интересно, что в современной германской юридической литературе элементный состав механизма правового регулирования фактически определяется посредством широкой трактовки элементов нормы права, установления порядка их взаимного построения (Aufbau) и принципиального разграничения нормативного предписания (Rechtsnorm; Rechtsregel) и юридического текста (Normsatz; Rechtssatz), который содержит в себе это нормативное предписание (как целиком, так и, что случается гораздо чаще, в определённой части) [12, S. 250–277; 13, S. 20; 14, S. 60, 99]. Так, указывается, что необходимыми структурными частями действующей юридической нормы являются:

- 1) автор (творец) нормы (Urheber der Norm);
- 2) обобщённый адресат (адресаты) нормы;
- 3) состав деяния (Tatbestand как система условий действия нормы);
- 4) должный порядок действия нормы (Sollensanordnung), который выражен в реализации предписания, запрета либо разрешения (deontische Operatoren; deontische Grundmodalitäten);
- 5) правовое последствие (Rechtsfolge) в виде исполнения обязанности, наказания за нарушение либо реализации субъективного права [14, S. 82–84, 100].
- 6) Подобный подход можно также увидеть у французских теоретиков права [15, с. 78–79, 89–90].

Принимая во внимание особенности инструментального и социологического аспектов механизма правового регулирования, можно рассматривать через призму элементного состава МПР проблематику источника действующей нормы права (источника права), поскольку, с одной стороны, формальный источник права подтверждает действительность нормы, даёт возможность единообразной ссылки на неё в процессе реализации права (особенно – в рамках правоприменения), а с другой стороны, само существование такого источника означает завершенность правотворчества как системы действий по созданию норм права и по закреплению их в определённых формах (формальных источниках права). Как справедливо писал С.С. Алексеев, «процесс складывания юридических норм ... может быть выражен в виде трёх основных этапов: 1) формирование воли наро-

да, требующей опосредствования в нормах права; 2) её юридическое выражение; 3) приданные ей качества действующих норм права» [5, с. 155].

Понятно, что без закрепления нормы права в рамках какой-либо устойчивой формы (закон, судебный прецедент, нормативный договор etc.) и грамотного доведения этой формы до сведения общества (правового информирования) сам процесс правотворчества не может считаться завершённым, а следовательно, такое право ещё невозможно реализовать, поскольку оно является своеобразным «фантомом».

В данном контексте трудно согласиться с А.Ф. Ефремовым, который полагает, что поскольку любой нормативный правовой акт включает в себя совокупность правовых норм, то его вряд ли стоит рассматривать в качестве самостоятельного элемента механизма правового регулирования [16, с. 292]. По аналогии то же самое тогда можно сказать о любом другом формальном источнике права, а между тем, совершенно очевидно, что юридические нормы, входящие в состав этих формальных источников, не могут действовать сами по себе, не обладая необходимой системной оболочкой внешних форм права. Абсолютно прав был в этом отношении С.С. Алексеев, указывая, что «нормативные юридические акты представляют собой такое звено в механизме правового регулирования, которое обслуживает его нормативную основу» [5, с. 156].

Таким образом, как в первом, так и во втором случаях формальный источник права необходимо входит в состав механизма правового регулирования как соответствующая «оболочка» действующих норм права, «защитная» или «знаковая» оболочка, благодаря которой сами нормы права становятся действующими, порождают субъективные права и юридические обязанности лиц и, в конечном счёте, реализуются, создавая социально полезные последствия для различных категорий лиц. Формальный источник в этом случае нужно воспринимать и как внешнюю форму позитивного права, и как проявление итоговой суммы объективного процесса правообразования и субъективного по своему характеру процесса правотворчества (нормотворчества). Поэтому стоит согласиться с В.М. Сырых в том, что три из пяти компонентов социального аспекта механизма правового регулирования носят именно правотворческие черты («механизм формирования права», «социальный механизм правотворчества» и «механизм правового информирования») [11, с. 115].

Механизм правового регулирования в определённом смысле вообще можно рассматривать как необходимый системный инструмент реализации и совершенствования правотворческой деятельности общества и государства, как «технологическую схему, используемую в процессе правотворческой деятельности» и позволяющую при необходимости эту деятельность оптимизировать [17, с. 215-217]. При этом формальные источники права, обретающие свою внешнюю оболочку именно в процессе правотворчества, могут рассматриваться как элементы структуры механизма правового регулирования, фактически зависимые от направления соответствующей деятельности субъекта создания права [18, с. 10].

Если разделять категории «формальный источник права» (внешняя форма права) и «волевой источник права» (собственно источник права), то следует обратить внимание на последовательность правотворческих действий уполномоченных лиц, которые сначала 1) выражают свою правотворческую волю по поводу принятия определённых юридических норм, которые далее станут действующими нормами (например, когда проект закона становится принятым в установленном порядке законом), а затем 2) оформляют эту уже выраженную волю в определённой форме, в которой должны наилучшим образом проявить себя при регулировании социальных взаимодействий сами юридические нормы. Данная последовательность действий логично отражает господствующий инструментальный подход к сущности механизма правового регулирования, поскольку для него «характерно строгое деление правового регулирования на стадии» [10, с. 217].

При определении волевого источника права необходимо согласиться с мыслью В.А. Рудковского о том, что таким «источником права является воля субъекта, правомочного устанавливать общеобязательные правовые предписания. Однако для того, чтобы воля могла стать правом, она должна быть выражена в надлежащей юридической форме ... Воля должна быть признана источником права ещё до того, как она воплотится в конкретный закон или другую форму права» [19, с. 26, 27; 20, с. 74]. В этом смысле волевой источник права «может быть определён как субъективно осознаваемая и объективно выражаемая волея конкретного субъекта правотворчества» [21, с. 64].

Таким образом, формальный источник права, очевидно, входит в структуру механизма правового регулирования в качестве самостоятельного компонента, а волевой источник права будет предшествовать ему неформально и создавать необходимую идеологическую основу для эффективного действия самого МПР.

Истоки права можно воспринимать, исходя из разной степени абстрагирования от формальных оболочек самого права (внешних форм права). С одной стороны, следует говорить о принципах правового регулирования (особенно – об универсальных принципах-максимах), которые формируют основу для последующего действия конкретных юридических норм (норм-правил). С другой стороны, в качестве истоков права можно понимать сами правообразующие факторы, которые объективно воздействуют на субъектов правотворческой деятельности и способствуют появлению соответствующих формулировок как принципов права, так и более конкретных юридических норм. Так, с точки зрения Т.В. Кашаниной, истоки права – это «обстоятельства, обусловившие появление права и его действие; ... объективная реальность» [22, с. 125].

В том случае, если истоки права мы понимаем в философско-правовом смысле и определяем их как концептуальные основы правотворчества (принципы или основания права), то они, очевидно, подлежат включению в состав механизма правового регулирования, поскольку в противном случае практически невозможно объяснить происхождение конкретных юридических норм (норм-правил) и зависимость способов их регулирования социальных взаимодействий

от этих принципов права. С другой стороны, теоретико-правовой подход к истокам права (рассмотрение их как системы объективных правообразующих факторов) значительно усложняет картину и, по сути, выводит истоки права за пределы механизма правового регулирования. В этом случае истоки правового регулирования становятся необходимыми условиями для осмысления основных направлений и конкретных способов создания действующих юридических норм в определённых формах (формальных источниках права), и, следовательно, должны рассматриваться как предпосылки для существования механизма правового регулирования как системы действующих средств правовой регуляции социальных отношений (правового воздействия на них).

Из вышеизложенного можно сделать два принципиальных вывода:

1. Формальные источники права (внешние формы права) и универсальные принципы правового регулирования, понимаемые как истоки права, необходимо рассматривать в качестве самостоятельных структурных элементов механизма правового регулирования.

2. Волевые источники права (способы выражения воли субъекта правотворчества) и объективные правообразующие факторы, понимаемые как истоки права, несмотря на их различную природу, выступают в качестве субъективных и, соответственно, объективных предпосылок для самого существования (функционирования) механизма правового регулирования и, следовательно, непосредственно не входят в его структуру.

Библиографические ссылки

1. Комаров С.А. Глава V. Механизм правового воздействия // Общая теория государства и права. Академический курс в трёх томах. Т. 3. / отв. ред. М.Н. Марченко. 3-е изд. М. : Норма, 2010. С. 92-113.
2. Александров Н.Г. Трудовое правоотношение. М. : Юрид. изд-во МЮ СССР, 1948.
3. Александров Н.Г. Право и законность в период развёрнутого строительства коммунизма. М. : Госюриздат, 1961.
4. Алексеев С.С. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. М. : Юридическая литература, 1966.
5. Алексеев С.С. Проблемы теории права : курс лекций. Т. I / Алексеев С.С. Собрание сочинений в 10 томах. Т. 3. М. : Статут, 2010.
6. Алексеев С.С. Общая теория права. Т. II. М. : Юридическая литература, 1982.
7. Алексеев С.С. Теория права. 2-е изд. Харьков : Изд-во БЕК, 1994.
8. Алексеев С.С. Общая теория права. 2-е изд. М. : Проспект, 2008.
9. Казимирчук В.П. Социальный механизм действия права // Советское государство и право. 1970. № 10. С. 37-44.
10. Шабаетова О.А. Общая характеристика механизма правового регулирования // Вестник Бурятского государственного университета. Педагогика, филология, философия. 2011. № 2. С. 214-219.

11. Сырых В.М. Социальный механизм правового регулирования: понятие, состав и структура // Ленинградский юридический журнал. 2005. № 2. С. 106–119.
12. Larenz K. Methodenlehre der Rechtswissenschaft. 6. Aufl. Berlin; Heidelberg : Springer Verlag, 1991.
13. Vesting Th. Rechtstheorie. 2. Aufl. München : C.H.Beck, 2015.
14. Rüthers B., Fischer Ch., Birk A. Rechtstheorie mit juristischer Methodenlehre. 10. Aufl. München : C.H.Beck, 2018.
15. Бержель Ж.-Л. Общая теория права / пер. с франц. М. : Издат. дом NOTA BENE, 2000.
16. Ефремов А.Ф. Принципы законности и проблемы их реализации. Тольятти : Изд-во ТолПИ, 2000.
17. Ковалёва В.В. Место и роль механизма правового регулирования в оптимизации правотворчества // Юридическая техника. 2012. № 6. С. 215–217.
18. Шарабанов С. В. Механизм правового регулирования, его понятие и структура: обзор теоретических подходов // Вопросы российского и международного права. 2018. Т. 8. № 3А. С. 7-12.
19. Рудковский В.А. Теория источников права: дискуссионные моменты // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2015. № 6 (107). С. 23-28.
20. Рудковский В.А. Источники права: проблемы теории // Вектор науки ТГУ. Серия: Юридические науки. 2016. № 4 (27). С. 73–75.
21. Спирин М.Ю. О соотношении истока, источника и формы права в современной теоретической юриспруденции // Правовое государство: теория и практика. 2019. № 1 (55). С. 61-67.
22. Кашанина Т.В. Структура права. М. : Проспект, 2013.

Дата поступления: 12.02.2020

DOI: 10.33184/pravgos-2020.1.5

THE MECHANISM OF LEGAL REGULATION: PLACE OF THE SOURCES AND ORIGINS OF LAW IN ITS STRUCTURE

SPIRIN Mikhail Yurievich

Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, Assistant Professor of the Department of Theory and History of State and Law and International Law of the Law Faculty of the Samara National Research University, Samara, Russia.

E-mail: smy@samaradom.ru

The paper analyzes some features of the definition and elemental composition of the mechanism of legal regulation, clarifies the importance of instrumental (legal) and social (sociological) approaches to the nature and essence of the mechanism of legal regulation. The author of the paper indicates some peculiarities of the place of sources and origins of law in the structure of the mechanism of legal regulation depending on

their nature and level of regulatory impact on social relations. A distinction between formal (formal and legal) and volitional sources of law as well as the sources of law as principles of legal regulation and as law-creating factors is established; the conclusions about the possibility of including these phenomena in the corpus of the mechanism of legal regulation are drawn.

Key words: mechanism of legal regulation, instrumental aspect of MLR, social aspect of MLR, formal source of law as a structure component of the mechanism of legal regulation, volitional source of law, origin of law as a possible structure component of the mechanism of legal regulation.

References

1. Komarov S.A. Glava V. Mekhanizm pravovogo vozdeystviya (The mechanism of legal impact). *Obshchaya teoriya gosudarstva i prava*, Akademicheskii kurs v trokh tomakh. T. 3, otv. red. M.N. Marchenko. 3-ye izd. Moscow, Norma, 2010, pp. 92–113.
2. Aleksandrov N.G. Trudovoye pravootnosheniye (Labor relationship). Moscow, Yurid. izd-vo MYU SSSR, 1948.
3. Aleksandrov N.G. Pravo i zakonnost' v period razvornutogo stroitel'stva kommunizma (Law and legality during the period of the expanded construction of communism). Moscow, Gosyurizdat, 1961.
4. Alekseyev S.S. Mekhanizm pravovogo regulirovaniya v sotsialisticheskom gosudarstve (The mechanism of legal regulation in a socialist state). Moscow, Yuridicheskaya literatura, 1966.
5. Alekseyev S.S. Problemy teorii prava (Problems of theory of law), Kurs lektsiy, T. I, Sobraniye sochineniy v 10 tomakh, T. 3. Moscow, Statut, 2010.
6. Alekseyev S.S. Obshchaya teoriya prava (General theory of law), T. II. Moscow, Yuridicheskaya literatura, 1982.
7. Alekseyev S.S. Teoriya prava (Theory of Law), 2-ye Izd. Khar'kov, Izd-vo BEK, 1994.
8. Alekseyev S.S. Obshchaya teoriya prava (General theory of law), 2-ye izd. Moscow, Prospekt, 2008.
9. Kazimirchuk V.P. Sotsial'nyy mekhanizm deystviya prava (The social mechanism of law). *Sovetskoye gosudarstvo i pravo*, 1970, No. 10, pp. 37–44.
10. Shabayeva O.A. Obshchaya kharakteristika mekhanizma pravovogo regulirovaniya (General characteristics of the mechanism of legal regulation). *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta*. Pedagogika, filologiya, filosofiya, 2011, No. 2, pp. 214–219.
11. Syrykh V.M. Sotsial'nyy mekhanizm pravovogo regulirovaniye: ponyatiye, sostav i struktura (The social mechanism of legal regulation: concept, composition and structure). *Leningradskiy yuridicheskiy zhurnal*, 2005, No. 2, pp. 106–119.
12. Larenz K. Methodenlehre der Rechtswissenschaft. 6. Aufl. Berlin; Heidelberg, Springer Verlag, 1991.
13. Vesting Th. Rechtstheorie. 2. Aufl. München, C.H.Beck, 2015.
14. Rüthers B., Fischer Ch., Birk A. Rechtstheorie mit juristischer Methodenlehre. 10. Aufl. München, C.H.Beck, 2018.

15. Berzhel' Zh.-L. Obshchaya teoriya prava (General Theory of Law), per. s frants. Moscow, Izdat. dom NOTA BENE, 2000.
16. Yefremov A.F. Printsipy zakonnosti i problemy ikh realizatsii (The principles of legality and the problems of their implementation). Tol'yatti, Izd-vo TolPI, 2000.
17. Kovalova V.V. Mesto i rol' mekhanizma pravovogo regulirovaniya v optimizatsii pravotvorchestva (The place and role of the mechanism of legal regulation in the optimization of lawmaking). *Yuridicheskaya tekhnika*, 2012, No. 6, pp. 215–217.
18. Sharabanov S. V. Mekhanizm pravovogo regulirovaniya, yego ponyatiye i struktura: ob-zor teoreticheskikh podkhodov (The mechanism of legal regulation, its concept and structure: a review of theoretical approaches). *Voprosy rossiyskogo i mezhdunarodnogo prava*, 2018, V. 8, No. 3A, pp. 7–12.
19. Rudkovskiy V.A. Teoriya istochnikov prava: diskussionnyye momenty (Theory of sources of law: discussion points). *Vestnik Saratovskoy gosudarstvennoy yuridicheskoy akademii*, 2015, No. 6 (107), pp. 23–28.
20. Rudkovskiy V.A. Istochniki prava: problemy teorii (Sources of law: problems of theory). *Vektor nauki TolGU. Seriya: Yuridicheskiye nauki*, 2016, No. 4 (27), pp. 73–75.
21. Spirin M.YU. O sootnoshenii istoka, istochnika i formy prava v sovremennoy teoreticheskoy yurisprudentsii (On the correlation of the source, origin and form of law in modern theoretical jurisprudence). *Pravovoye gosudarstvo: teoriya i praktika*, 2019, No. 1 (55), pp. 61–67.
22. Kashanina T.V. Struktura prava (The structure of law). Moscow, Prospekt, 2013.

Received: 12.02.2020

УДК 340.1+34(091)

DOI: 10.33184/pravgos-2020.1.6

ВЛИЯНИЕ СУДЕБНОЙ РЕФОРМЫ 1864 Г. НА РАЗВИТИЕ ИНСТИТУТА КОММЕРЧЕСКИХ СУДОВ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

РАССКАЗОВ Вячеслав Леонидович

кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина», г. Краснодар, Россия. E-mail: slavaras22@mail.ru

В статье рассматриваются влияние судебной реформы 1864 г. на развитие коммерческих судов в Российской империи. Отмечается, что хотя по своим параметрам реформа затронула систему коммерческих судов незначительно, однако она способствовала изменению организационно-правовых основ регулирования коммерческих судов. Автор показывает, что сразу после реформы 11 января 1865 г. была создана Комиссия для обсуждения вопросов по преобразованию

судебной части, которая в свой предмет деятельности включила вопрос о согласовании действовавших тогда правовых актов о коммерческих судах и с концепцией судебной реформы. В процессе деятельности Комиссии возник вопрос о необходимости в коммерческих судах вообще, поскольку процессуальный порядок при рассмотрении хозяйственных дел во многом дублировал положения гражданского судопроизводства. Для более обоснованного решения данного вопроса Комиссия отправила запросы заинтересованным лицам с целью получить их точку зрения на этот счет. В статье подчеркивается, что практически все, в той или иной мере связанные с деятельностью коммерческих судов, высказались за их сохранение. В статье показано, что после убийства Александра II с началом периода контрреформ идея о сохранении коммерческих судов с их элементами демократизма стала терять сторонников из правительственных кругов, поскольку в этом демократизме, в этой предпринимательской свободе теперь уже усматривались опасные для государства настроения.

Ключевые слова: Судебная реформа; коммерческие суды; Российская империя; торговое судопроизводство; Судебный устав; гражданское судопроизводство; комиссия; контрреформы; торговых (хозяйственных) споров.

Судебная реформа 1864 г. по своим основным параметрам в относительно незначительной степени затронула систему коммерческих судов (равно как систему военных судов, церковного суда). Это не значит, разумеется, что организационно-правовое регулирование коммерческих судов совершенно не изменилось – далее будет показано, что изменения имели место, хотя и не были принципиальными. Вместе с тем такой подход, когда система коммерческих судов оставалась без существенных изменений и одновременно шел активнейший процесс судебного реформирования, в результате которого была сформирована модернизированная система гражданского судопроизводства (в его рамках и третейский суд), вошедшая в определенную конкуренцию с торговым (хозяйственным) судопроизводством, привел в итоге к тому, что коммерческие суды, будучи в относительно статическом положении, так и не стали развиваться вширь, уступив в целом в указанной конкуренции гражданскому судопроизводству. И в этой связи мы как раз считаем нужным подчеркнуть актуальность проблемы гражданского процесса, а в ее рамках и проблемы процессуального рассмотрения торговых (хозяйственных) споров.

Как отмечается в литературе, такое положение означало, что новое гражданское судопроизводство, так или иначе «столкнется» с коммерческими судами [1, с. 117]. И этому «столкновению» не стало препятствием примечание к ст. 2 Учреждения судебных установлений о том, что нормы этого нормативно-правового акта не распространяются среди прочих и на коммерческие суды [7, с. 33-34.]. Дело в том, что сама концепция судебной реформы предполагала, что введенный судебной реформой Устав гражданского судопроизводства представлял собой принятый впервые в правовой истории России гражданский процессу-

альный кодекс, который, как отмечается в литературе, четко отделил уголовное судопроизводство от гражданского, адаптировал судопроизводство к судебной системе [3, с. 15.]. Здесь нам важно подчеркнуть мысль о коренном изменении судебной системы в России. Об этом свидетельствует, в частности, то обстоятельство, что сразу после основополагающих решений по судебной реформе была создана Комиссия для обсуждения вопросов по преобразованию судебной части (11 января 1865 г.), которая среди прочих в свой предмет деятельности включила вопрос о согласовании действовавших тогда правовых актов о коммерческих судах и с концепцией судебной реформы. Возглавивший комиссию В.П. Бутков энергично взялся за дело, намереваясь непосредственно осуществить применение судебных уставов к судопроизводству в коммерческих судах.

Однако в процессе деятельности Комиссии возник вопрос не только и даже на первом этапе не столько о согласовании, сколько о необходимости в коммерческих судах вообще, поскольку процессуальный порядок при рассмотрении хозяйственных дел во многом дублировал положения гражданского судопроизводства. Для более обоснованного решения Комиссия сочла необходимым исследовать этот вопрос более подробно, для чего были отправлены запросы заинтересованным лицам с целью получить их точку зрения на этот счет. Практически все, в той или иной мере, связанные с деятельностью коммерческих судов и соответственно действием торгового судопроизводства, высказались за их сохранение. Не были исключением и ряд известных и авторитетных знатоков деятельности коммерческих судов.

В этом отношении необходимо выделить, прежде всего, мнение председателя коммерческого суда в Санкт-Петербурге В.В. Фриша, который однозначно ратовал за сохранение коммерческих судов в России, и, более того, разработал проект «О торговых судах и торговом судопроизводстве», который станет основой последующих проектов по торговому судоустройству и судопроизводству.¹ В указанном документе была подвергнута обоснованной критике, и в первую очередь по формальным основаниям, сама правомерность постановки вопроса о ликвидации коммерческих судов.

Дальнейшее обсуждение этого вопроса показало, однако, что в Комиссия для окончания работ по преобразованию судебной части, тем не менее, в целом не сочла возможным соглашаться к указанными выше и другими доводами сторонников коммерческих судов, полагая представленные аргументы недостаточно убедительными. В этой связи в историко-правовой литературе указывается, что Комиссия, состоявшая из лиц, которые непосредственно участвовали в разработке принятых проектов судебной реформы, считала наиболее отработанными известные Судебные уставы 1864 г., то есть результаты своей работы. Так, Комиссия полагала, что нормы Устава гражданского судопроизводства являются

¹ Российский государственный исторический архив. Ф. 1261. Оп. 2. 1866 г. Ед. хр. 164 «А». Л. 12–18.

универсальными, в том числе их вполне можно применять для разрешения торговых (хозяйственных) споров.

В итоге Комиссия в своем заключении предложила упразднить коммерческие суды, а торговые (хозяйственные) споры рассматривать по Уставу гражданского судопроизводства в общих судах с небольшими дополнениями.² Для коммерческих судов, которые имели место тогда в России, возникла реальная угроза их ликвидации как института. Однако, несмотря на официальный характер работы Комиссии для окончания работ по преобразованию судебной части, разработанные ею предложения все же не стали основой для соответствующих решений государственных органов власти и управления о ликвидации специализированных коммерческих судов и переводе судопроизводства в сфере разрешения торговых (хозяйственных) дел в юрисдикцию общегражданских судов.

Дело в том, что данная Комиссия слишком явно проигнорировала мнения компетентных специалистов и не учла, что в сохранении специализированных коммерческих судов объективно было заинтересовано и купеческое (предпринимательское) сословие, поскольку специализированные суды позволяли значительно быстрее и, что не менее важно, более компетентно разрешать спорные ситуации между хозяйствующими субъектами. Не без влияния заинтересованных кругов при Втором Отделении императорской канцелярии в 1867 г. была образована другая специализированная комиссия для изучения вопросов о дальнейшей судьбе специализированных коммерческих судов в Российской империи.

Новую комиссию возглавил Е.И. Бреверн, членами комиссии стали А.М. Александрович, С.И. Баршев, И.Ф. Дьячков, В.А. Железников, Ф.А. Брун, П.Н. Даневский, А.Ф. Тюрин, В.Е. Рейтерн, Ф.М. Маркус [1, с. 72]. После сбора необходимых материалов, их изучения и довольно активного обсуждения перспектив коммерческих судов новая Комиссия пришла к противоположному выводу по отношению к выводам Комиссии для окончания работ по преобразованию судебной части, то есть было аргументировано решение о том, что систему коммерческих судов нужно сохранить, для чего имеются как формально-юридические, так и экономические причины. Основной довод для такого заключения состояла в том, что предусмотренные судебной реформой новые документы (Учреждение судебных установлений и Устав гражданского судопроизводства) не содержали норм, которые подвергали бы сомнению дальнейшее функционирование коммерческих судов.

Кроме того, в качестве одного из существенных моментов для поддержания данной позиции Комиссия назвала экономию для государственной казны, поскольку бюджетных средств на функционирование коммерческих судов уходило значительно меньше, чем на функционирование окружных судов. По поводу зарубежной практики новая Комиссия привела куда более обширный список государств, где такие суды успешно функционировали. По поводу проблем, ко-

² Там же. Ф. 1261. Оп. 2. 1866 г. Ед. хр. 164 «А». Л. 12–18.

торые возникали при разграничении подсудности коммерческих и общих судов (ранее мы отмечали, что вопрос юрисдикции специализированных коммерческих судов действительно имел место) новая Комиссия отмечала тем, что подсудность можно разграничить более «положительно».³ Как видно, две официальные комиссии занимали противоположные позиции в вопросе о том, нужно или нет в пореформенной России сохранять функционирование специализированных коммерческих судов.

Очевидно, не без влияния предпринимательских кругов в 1869 г. Комиссия для окончания работ по преобразованию судебной части была ликвидирована. Однако с ликвидацией этой Комиссии проблема коммерческих судов так и осталась до конца нерешенной [4, с. 16]. Обсуждение этой проблемы продолжалось на самых разных уровнях, в том числе, на самом высоком. Так, министр юстиции Российской Империи К.И. Пален в начале 1871 г. сделал соответствующий доклад Императору,⁴ где указывал, что сформировались два основных подхода, связанные с дальнейшим функционированием коммерческих судов и, соответственно, торгового судопроизводства. Первое направление, которое представляли разработчики Судебных уставов 1864 г., предусматривало радикальное решение, то есть ликвидацию вообще института коммерческих судов, на что ранее мы обращали внимание. Другое направление представляли руководители ведущих министерств и ведомств в данной сфере (К.И. Пален, С.Н. Урусов, М.Х. Рейтерн), а также представители купечества, которые, напротив, полагали необходимым сохранить коммерческие суды, подвергнув их некоторой трансформации.

Между тем отмеченный выше доклад министра юстиции К.И. Палена стал основанием для учреждения еще одной специальной комиссии – Комиссия для преобразования коммерческого судопроизводства. Эту Комиссию возглавил председатель коммерческого суда в Санкт-Петербурге В.В. Фриш, а членами ее стали представители от Министерства финансов, Министерства юстиции, Второго Отделения императорской канцелярии, а также представители ведущих экономических и финансовых кругов, и прежде всего, столичных биржевых комитетов (А.А. Книрим, Г.Н. Мотовилов, Н.А. Тур, Г.К. Репинский, Ф.М. Маркус, А.Г. Золотарев, Н.А. Найденов, Н.В. Граве, Н.Ф. Депп, Ф.К. Головин, Н.А. Ермаков). Комиссия работала медленно, много времени ушло на получение отзывов от компетентных лиц и организаций. В целом Комиссия получила больше положительных отзывов, чем негативных. И, казалось бы, дальнейший ход событий должен был привести к тому, чтобы сохранить систему коммерческих судов, которая предусматривалась этим законопроектом, а затем приступить к практической реализации принятых решений.

³ Российский государственный исторический архив. Ф. 1261. Оп. 2. 1866 г. Ед. хр. 164 «А». Л. 175–212.

⁴ Там же. Ф. 1405. Оп. 64. 1866 г. Ед. хр. 7628 «В». Л. 52–53

Однако этого не случилось. Дело в том, что к тому времени (рубеж 1880 г.) после начала судебной реформы (1864 г.) прошло немало времени. Россия менялась, если иметь в виду ее общественно-политическое развитие, в частности, наблюдался рост протестных настроений, уже имели место покушения на императора, действовали революционные организации террористического толка, российская власть принимала меры по укреплению правопорядка преимущественно усилением административных и уголовных мер воздействия, прошли политические процессы на обвиняемых в покушении на государственную власть [6, с. 70-90]. В стране начался известный период контрреформ. В таких условиях идея о сохранении коммерческих судов с их элементами демократизма стала терять сторонников из правительственных кругов, поскольку в этом демократизме, в этой предпринимательской свободе теперь уже усматривались опасные для государства настроения. И особенно это стало заметно после убийства Александра II.

Как нам представляется, в историко-правовой литературе, касающейся развития института коммерческих судов в России, не учитывают в должной мере влияние данного фактора. Мы полагаем, что именно по этой причине, например, И.В. Архипов, справедливо отмечал, что «нападки» на торговые суды не могут быть причиной неэффективности работы коммерческих судов или небольшое число рассматриваемых дел, указывает, по сути, на одну причину – отсутствие центров интенсивной торговли, где бы такие суды были востребованы [2, с. 74]. Данная позиция представляется, однако, неоднозначной.

Дело в том, что экономика Российской империи в конце XIX – начале XX вв. развивалась, как известно, довольно интенсивно. К тому времени Россией был накоплен большой экономический капитал, были высокие валовые производственные показатели, по которому Россия находилась на пятом месте после США, Великобритании, Германии и Франции. В Российской империи была развита текстильная промышленность, производство угля, чугуна, других различных металлов. В последние несколько лет XIX в. Россия даже была первой по добыче нефти [8, с. 53-55]. В начале XX в. экономика России также продолжала интенсивно развиваться. Поэтому с отсутствием «центров интенсивной торговли» в Российской империи рассматриваемого периода согласиться трудно. Другое дело, что имела место одновременно другая тенденция, которая заключалась в том, что экономическая политика Российской империи того времени характеризовалась поддержкой государством крупного капитала, сросшегося с госчиновниками, зачастую грубым администрированием по отношению к среднему и малому бизнесу, что сопровождалось коррупционными проявлениями среди чиновничества, связанного с управлением экономическими процессами.

Такое положение с неизбежностью тормозило движение капитала, сдерживало общий процесс инвестиционного накопления, не стимулировало прямых хозяйственных связей между предприятиями, в результате вертикальные связи – посредством казенных заказов – заметно преобладали по своим объемам (исходя из инвестиций) над горизонтальными, предполагавшими рынок. Соотношение

между денежными вложениями в экономику и эффективностью конкретных отраслей экономики определялось все чаще особенностями конкретного аппарата управления, то есть субъективным фактором [5, с. 38-42]. В таких условиях для все большего количества сотрудников правительственных структур наличие коммерческих судов было скорее не желательным, чем желательным. Такая их позиция объяснялась тем, что коммерческие суды в силу их большей прозрачности и демократичности были менее управляемы, чем общие суды, где для разрешения торговых споров применялось гражданское судопроизводство, соответственно чиновники, получающие доходы от участия в том или ином качестве в экономических отношениях, оказывались более уязвимыми для суда с точки зрения их возможных незаконных действий. Прибавим сюда указанное выше ужесточение административных и уголовно-правовых ограничений, и станет понятным, почему идея коммерческих судов к концу XIX столетия перестала получать ту поддержку, которую она имела прежде.

Библиографические ссылки

1. Архипов И.В. Конкурсный процесс в системе торгового права России XIX века // Правоведение. 1999. № 1. С. 114-121.
2. Архипов И.В. Коммерческие суды и судебная реформа 1864 г. // Правоведение. 1999. № 4. С. 165-173.
3. Виленский Б.В. Комментарий к Уставу гражданск. судопроизводства // Российское законодательство X–XX веков. М. : Юрид. лит-а, 1991.
4. Гольмстен А. Х. Очерки по русскому торговому праву. СПб., 1895.
5. Погребинская В.А. Институциональные особенности начала индустриализации России (последн. треть XIX– первая треть XX веков) : дис. ... д-ра экон. наук. М., 2009.
6. Рассказов Л.П., Упоров И.В., Дегтярев А.А. Уголовное наказание в Российской империи XIX– начала XX вв. Северская, 2004.
7. Учреждение судебных установлений от 20 ноября 1864 г. // Российское законодательство X–XX вв. М.: Юрид. лит-ра, 1991.
8. Шестаков В.А. Новейшая история России. М., 2008.

Дата поступления: 22.02.2020

**THE INFLUENCE OF THE JUDICIARY REFORM OF 1864 ON THE
DEVELOPMENT OF THE INSTITUTE OF COMMERCIAL COURTS
IN THE RUSSIAN EMPIRE**

RASSKAZOV Vyacheslav Leonidovich

*Candidate of Sciences (Law), Assistant Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the Kuban State Agrarian University, Krasnodar, Russia.
E-mail: slavaras22@mail.ru*

The article examines the impact of the judiciary reform of 1864 on the development of commercial courts in the Russian Empire. It is noted that although under its parameters the reform did not significantly affect the system of commercial courts, it contributed to changes in the organizational and legal framework of the regulation of commercial courts. The author shows that shortly after the reform of January 11, 1865 a Commission was set up to discuss the transformation of the court system, which included in its subject matter the issue of harmonizing the then existing legal acts on commercial courts and the concept of judicial reform. During the Commission activity there was a question of necessity in commercial courts in general as the procedural order of considering economic affairs in many respects duplicated provisions of civil proceedings. In order to better address this issue, the Commission sent requests to interested parties in the prospect of obtaining their views on this matter. The article emphasizes that almost any and all, in one way or another related to commercial courts activities, were in favor of their preservation. The article shows that after the assassination of Alexander II, with the beginning of the period of counter-reforms, the idea of preserving commercial courts with their elements of democracy began to lose supporters from government circles, because in this democracy, in this entrepreneurial freedom, there were already dangerous sentiments for the state.

Key words: judiciary reform; commercial courts; Russian Empire; commercial proceedings; judicial Charter; civil proceedings; commission; counter-reform; commercial (economic) disputes.

References

1. Arkhipov I.V. Konkursnyy protsess v sisteme torgovogo prava Rossii XIX veka (The competitive process in the system of commercial law of Russia of the XIX century). *Pravovedeniye*, 1999, No. 1, pp. 114-121.
2. Arkhipov I.V. Kommercheskiye sudy i sudebnaya reforma 1864 g. (Commercial courts and judicial reform of 1864). *Pravovedeniye*, 1999, No. 4, pp. 165-173.
3. Vilenskiy B.V. Kommentariy k Ustavu grazhdansk. sudoproizvodstva (Commentary to the Charter of civil court proceedings). *Rossiyskoye zakonodatel'stvo X-XX vekov*. Moscow, Yurid. lit-a, 1991.

4. Gol'msten A.H. Ocherki po russkomu trgovomu pravu (Essays on Russian commercial law). St. Petersburg, 1895.
5. Pogrebinskaya V.A. Institutsional'nyye osobennosti nachala industrializatsii Rossii (posledn. tret' XIX pervaya tret' XX vekov) (Institutional features of the beginning of the industrialization of Russia (last third of the nineteenth and first third of the twentieth centuries), dis. ... d-ra ekon. nauk. Moscow, 2009.
6. Rasskazov L.P., Uporov I.V., Degtyarev A.A. Ugolovnoye nakazaniye v Rossiyskoy imperii XIX – nachala XX vv (Criminal punishment in the Russian Empire of the XIX – early XX centuries). Severskaya, 2004.
7. Uchrezhdeniye sudebnykh ustanovleniy ot 20 noyabrya 1864 g. (The establishment of judicial rulings of November 20, 1864). Rossiyskoye zakonodatel'stvo X-XX vv. Moscow, Yurid. lit-ra, 1991.
8. Shestakov V.A. Noveyshaya istoriya Rossii (The latest history of Russia). Moscow, 2008.

Received: 22.02.2020

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ РАЗВИТИЯ ОТРАСЛЕВОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

TOPICAL ISSUES OF THE DEVELOPMENT OF SECTORAL LEGISLATION

УДК 343.9

DOI: 10.33184/pravgos-2020.1.7

РАСШИРЕНИЕ ПРИКЛАДНОГО НАПРАВЛЕНИЯ РЕАЛИЗАЦИИ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИХ РЕКОМЕНДАЦИЙ

ПОЛСТОВАЛОВ Олег Владимирович

*доктор юридических наук, профессор кафедры криминалистики Института права ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет», г. Уфа, Россия.
E-mail: Polstovalov74@mail.ru*

Актуальность применения криминалистического потенциала в различных отраслях юридической деятельности неуклонно возрастает. Этому способствует многоаспектность правоприменения и взаимосвязь его различных процессов, все большая интеграция на межотраслевом уровне на основе качественных взаимосвязей. Автор показывает на материале отечественной теории и на основании

зарубежного опыта, какие сферы возможного приложения криминалистического подхода до настоящего времени не в полной мере воплощены в реальность, не смотря на актуальные потребности практики правоприменения. При этом предложенная концепция позволяет не вторгаться в традиционалистские представления о предмете и объекте криминалистики, но дает возможность развиваться на прикладном уровне. Со временем эмпирическая составляющая будет менять и саму теорию. Автор критически анализирует как отечественный подход, так и зарубежную англо-американскую традицию, предлагая взвешенный вариант.

Ключевые слова: криминалистика, правоприменение, предмет криминалистики, расширение реализации криминалистики.

Криминалистика в последние годы все более ориентируется на потребности практики в максимально реалистичном ее измерении. Чем выше уровень приближенности к сложившимся технологиям правоприменения, тем востребованнее рекомендации криминалистов в практическом плане. Нельзя не согласиться с Е.П. Ищенко в том, что «важнейшим и неперенным ориентиром отечественных юридических наук, в первую очередь, уголовного процесса должна стать тесная связь с реальной жизнью, с ее конкретными криминальными ситуациями, с практикой работы всех уровней правоохранительной системы, а также судебных органов» [5, с. 805].

Практические рекомендации, имеющие определенный универсальный оптимизационный потенциал, нередко оказываются в центре внимания криминалистов. Однако то традиционалистские теоретические представления и методологические рамки, то увлеченность чистым теоретизированием не дают в полной мере обратиться к той сфере правоприменения, которая может стать опорной точкой роста научного и прикладного потенциала.

Процессуальное производство по делу вне зависимости от его материально-правовой основы имеет конечную цель и при гегемонии реституционной концепции правосудия охранительного свойства может всецело опираться на криминалистические рекомендации, все более тяготеющие в своем развитии к универсализму. Иными словами, судебное исследование доказательств имеет различия, главным образом исходящие от частных задач в той или иной сфере правоприменения.

В последние годы достаточно отчетливо обозначается главный вектор всего современного «судебного права» заключающийся в его охранительном измерении по обстоятельствам возможного (профилактика), подготавливаемого, совершаемого и совершенного правонарушения. К слову, этот подход не является чем-то из ряда вон выходящим для криминалистики. В далеком 1940 г. М.С. Строгович и С.А. Голунский отмечали, что в соприкосновении с уголовным и гражданским судопроизводством находится криминалистика, содержание которой определяется научно-техническими приемами собирания и исследования доказательств по уголовным и гражданским делам [4, с. 300]. Традиционная

для того времени в интерпретация криминалистики через ее научно-техническую составляющую не была общепризнанной как тогда, так, тем более, и теперь в современных условиях опоры на куда как более широкий спектр специальных наук, которые позволяют прийти к апробированной рационализации следственной, судебной и обвинительной деятельности. Однако отметим интегративный подход в применении криминалистики для всего так называемого судебного права безотносительно к отраслевой процессуальной принадлежности.

Полагаем, что криминалистика сегодня может быть полезна всей системе правоприменения, когда в формально-юридические рамки вплетается определенный процесс познания-доказывания, в котором собирание, проверка и оценка доказательств, как и любые другие сопровождающие и требующие оптимизации составляющие единого вектора движения к социально полезному результату, определяют главное начало происходящей динамики перехода от незнания к знанию о существе происшествия, виновных в нем лицах и пр.

Вместе с тем, необходимо понимать и то, что помимо самого «движения от незнания к знанию» существуют различного рода правообеспечительные процедуры, которые в известной степени создают необходимые условия для достижения назначения судопроизводства. Самую широкую трактовку использования всего потенциала криминалистической науки предлагает Н.П. Яблоков, который пишет, что «криминалистические средства, методы и информационные технологии не только могут существенным образом сделать указанные судебно-административно-процессуальные сферы деятельности тактически, методически и организационно более совершенными и эффективными, но и совершенствовать другие виды правоприменительной деятельности» [7, с. 24]. Таким образом, криминалистика в прикладном значении может претендовать на выход в те подсистемы правоприменения, где ее оптимизационный потенциал раскроется по-новому. В частности, криминалистика на уровне профилактики может быть востребована в той сфере государственного и муниципального управления, где высоки коррупциогенные риски. Именно своего рода «рисковики» в экономическом блоке государственной и муниципальной службы, которые находят законные и обоснованные решения задач, на сегодняшний день наиболее востребованы на уровне профилактики нежелательных последствий от опрометчивых действий, идущих если не вразрез с действующим законодательством, то в обход закона. Здесь, разумеется, недостаточно исключительно криминалистических компетенций. Важными составляющими являются знания в области законодательства и практики его применения. Однако криминалистический подход должен стать системообразующим, поскольку выявление признаков потенциально возможного некриминального правонарушения и уж тем более преступления – исконно криминалистическая прерогатива.

Криминалистический подход уместен в различного рода квазирасследованиях (должностных, административных и пр.), от результативности которых напрямую зависит перспектива дальнейшего преследования виновных

в правонарушении. Насколько этому будет опорой объективный криминалистический анализ реальной картины происшедшего с использованием ориентированного на истину, а не на конъюнктуру сложившейся практики абстрактной «удобоваримости» подхода, настолько мы можем рассчитывать на повышение качества правоприменения.

В числе задач криминалистической тактики И.В. Александров видел разработку «комплексов тактических приемов и рекомендаций по наиболее эффективному проведению процессуальных действий в различных ситуациях» [1, с. 15]. Здесь обращает на себя внимание то обстоятельство, что формат процессуального действия, несомненно, шире действия следственного в соотношении родового и видового понятий. А это наталкивает на мысль, что и избрание меры пресечения может иметь несомненную тактическую составляющую, но не с позиций тактического эффекта от ее применения, а в более широком контексте. Сама процедура избрания меры пресечения в суде, к примеру, порой носит остроконфликтный характер. А преодоление конфликта, как и рационализация действий в условиях такой ситуации, всегда есть тактика. В перечне задач, названных автором разве что первая в части оказания помощи правоохранительным (подчеркнем – не органам дознания и следствия) органам в организационно-плановом контексте расследования наиболее близка уголовному судопроизводству [1, с. 15], однако формат правоохранительной деятельности много шире уголовного преследования. И здесь формулировка задачи выходит за рамки традиционного уголовно-процессуального установления данных о событии происшествия, причастных к нему лицах.

Вместе с тем, мы совершенно не учим будущих выпускников юридических вузов, неразрывно связывающих свою предстоящую профессиональную деятельность с практической реализацией наук криминального цикла (условно – будущих криминалистов), тому, как взаимодействовать со средствами массовой информации, как вести себя в телевизионной аудитории, как оперировать информацией на профессиональную тему, насколько допустимо разглашать в общественном пространстве те или иные сведения. Думается, что это существенное упущение отечественного юридического образования, поскольку роль общественных институтов в современных условиях неуклонно возрастает, а заинтересованные лица нередко используют возможности социальных сетей, мессенджеров, средств массовой информации для противодействия уголовному преследованию и реализации назначения судопроизводства в целом, для дискредитации органов следствия, дознания, прокуратуры и суда.

В любом случае криминалистика присутствует или может быть эффективно использована в следующих направлениях:

1. В традиционном для нее уголовном судопроизводстве и имманентно связанным с ним правоприменением допроцессуального или параллельно-процессуального свойства.

2. В сферах правоприменения процессуального характера при обеспечении главного движения формально-правового познания определенных юридически значимых явлений, событий и фактов в гражданском, арбитражном и административном судопроизводстве.

3. В сферах главным образом частноправового свойства обеспечения безопасности бизнеса как от угроз извне, так и в контексте предупреждения, выявления и служебного расследования недобросовестного и непрофессионального поведения сотрудников компании, вплоть до совершенных ими злоупотреблений, причиняющих вред частным хозяйствующим субъектам. В этой связи интересным выглядит высказывание А.В. Варданяна: «Результаты профилактической деятельности оперативных аппаратов во многом зависят от уровня оперативно-тактической подготовки субъектов этой деятельности, от объема и качества их познаний в сфере особенностей психологии правонарушителей, ... обладания необходимыми навыками установления психологического контакта с объектами профилактики и т.д.» [3, с. 58] Это утверждение может быть в равной степени и с очевидными поправками отнесено к повышению квалификации в названном сегменте сотрудников служб экономической безопасности хозяйствующих субъектов, где профилактические меры осуществляются по схожим принципам.

4. Для реализации задач на уровне коммуникаций со СМИ, телеаудиторией, общественным институтами, где корпоративная этика, профессионализм и добросовестность криминалиста могут послужить основой для достоверного и доступного широкой аудитории представления резонансных событий прошлого и настоящего, взвешенного и объективного прогноза будущего. Эта задача важна также для предупреждения и разоблачения всякого рода спекуляций, ложных сентенций, тупиковых идей, мифов, коими поражено сегодня общественное сознание. На основании имеющихся экспертных возможностей развенчаны зародившиеся в 90-х годах прошлого столетия инсинуации на тему смерти поэтов Владимира Маяковского, Сергея Есенина. И хотя не все негативные обстоятельства в пике некриминальной версии их смерти устранены не в полной мере, тем не менее, правды в этих вопросах стало больше.

В зарубежной практике методологические рамки не имеют принципиального значения в особенности там, где превалирует практическая целесообразность. Одновременно такой подход не дает системного представления о научно-теоретической основе, но в нем импонирует крен в сторону практической реализации. Проанализированные автором главным образом американские и английские источники с поправкой на прецедентную систему права позволяют найти общее: минимум теории и максимум практики, которая, в свою очередь, распадается на частности и не имеет ярко выраженной системности. К примеру, цивилистическая «криминалистика» (более аутентично – судебно-экспертная практика) с применительно к частному случаю психологической (не в последнюю очередь – патопсихологической) подосновы выглядит в направлениях при-

ложения практического потенциала следующим образом: 1) отношение общественности к полиции; 2) изучение личности полицейского по персоналиям; 3) полиция и психически больные; 4) общественно-ориентированная полицейская деятельность; 5) полицейская подготовка в области коммуникации, навыков разрешения конфликтов; 6) охрана прав меньшинств. Эти предметы представляют собой ограниченный круг вопросов, стоящих перед гражданской судебно-медицинской экспертизой правоохранительных органов [2, р. 55].

Зарубежный опыт имеет несомненное преимущество свободы от априорных клише, в связи с чем криминалистический подход в различных системах правоприменения не вызывает ни теоретических, ни уж тем более практических возражений. Однако именно данная концепция превращает всю материю англо-американской «форенсики» в мелкосигментированный, несистематизированный обзорный экскурс в лучшие практики. Узость forensic-подхода приводит к тому, что в англосаксонской научной традиции нет четко выраженного представления о предмете и месте криминалистики, судебной экспертной практики. В связи с этим подготовка будущих практических работников идет по принципу, обозначенному в свое время Козьмой Прутковым в формуле «специалист подобен флюсу: полнота его односторонняя». В результате за пределами, скажем, судебной медицины находится выяснение технической стороны механизма причинения вреда здоровью при травме на производстве, в дорожно-транспортном происшествии и пр. Эти вопросы решаются в рамках так называемой инженерии, где соответствующий специалист довершает «сложение недостающей части пазла» картины происшествия, разгадывая своего рода головоломку. Эвристике, по нашим представлениям, здесь отдается чрезмерно много внимания. Вся несуразность такого положения видна из сказанного Рэндаллом Нуном: «Судебно-техническое задание, возможно, сродни решению головоломки. Первоначально существуют десятки, а может быть, даже сотни, казалось бы, разрозненных кусков, сложенных в кучу. При осмотре в отдельности каждый кусок может не содержать много информации. Методично различные части сортируются и терпеливо устанавливаются в логическом контексте. Постепенно картина появляется в целом. Когда значительная часть головоломки решена, тогда легче увидеть, куда помещаются оставшиеся части» [6, р. 5]. В отечественной экспертной деятельности как на уровне комплексных экспертиз, так и на основе получаемых знаний экспертами, к примеру, теми же медиками в ходе профильного образования (транспортная травма, скажем, подразделяется на железно-дорожную, автомобильную, авиационную и пр.) подход более системный, куда как более широкий и как научно-методически, так и эмпирически, и логически обоснованный.

Чрезмерный крен в отдельные аспекты практики с главным образом научно-технической составляющей в своей основе, очевидно, является причиной того, что бессмысленно искать на просторах англоязычной литературы хоть одно издание, которое позволило бы получить комплексное и всеобъемлющее представление об англо-американском варианте криминалистики. Тем не менее,

рациональное зерно в развитии криминалистики и экспертной практики во всех сферах правоприменения, безусловно, есть.

С тем, чтобы не искушать традиционалистски настроенную научную общественность, полагаем, будет уместно криминалистические изыскания и практику их реализации, которая так или иначе будет качественно и предметно менять теорию, разбить на два ключевых блока: 1) криминалистика в ее традиционном измерении обеспечении интересов главным образом уголовного правосудия и имманентно связанных с ним процессов правоприменения (служебные расследования в рамках, к примеру, установления обстоятельств несчастных случаев на производстве и т.п.); 2) криминалистика и преимущественно экспертная деятельность в тех (за пределом уголовного судопроизводства) сферах правоприменения, которые работают на предупреждение некриминальных правонарушений, могут выступать основой формально-правового познания в установленной законом процедуре движения от незнания к знанию, доказыванию имеющих юридическое значение фактов, в иных сферах реализации права как база рационализации деятельности по достижению социально полезного результата. В первом случае мы в полной мере можем говорить о сформировавшейся теории и криминалистическом обеспечении традиционного для отечественной науки уголовного судопроизводства главным образом в судебно-следственном контексте, во втором – речь может идти на данный момент об эмпирической составляющей реализации на практике криминалистических рекомендаций по аналогии с их традиционным приложением, но с учетом существующей специфики.

Библиографические ссылки

1. Александров И. В. Криминалистика: тактика и методика : учебник для СПО. М. : Изд-во Юрайт, 2016.
2. Arrigo Bruce A. Introduction to forensic psychology. Issues and controversies in crime and justice. San, Diego, California : Academic Press, 2003.
3. Варданян А.В. Когнитивно-тактический потенциал оперативно-разыскных подразделений как субъектов профилактического воздействия // Философия права. Ростов-на-Дону : Изд-во Рост. юрид. ин-та МВД России. 2011. № 4. С. 57-60.
4. Голунский С.А., Строгович М.С. Теория государства и права. М. : НКЮ СССР, 1940.
5. Ищенко Е.П. О задачах отечественного уголовного судопроизводства // Lex Russica. М. : Изд-во МГЮА. 2008. № 4. С. 804-819.
6. Noon R. Forensic engineering investigation. N.W. Corporate Blvd., Boca Raton, Florida, CRC Press LLC, 2000.
7. Яблоков Н.П. Некоторые проблемы отечественной криминалистики в свете сегодняшнего времени // Современная криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы : материалы Международной научно-практической конференции,

посвященной 90-летию со дня рождения Заслуженного деятеля науки РФ, Заслуженного юриста РСФСР, доктора юридических наук, профессора Николая Павловича Яблокова. Москва, 22 декабря 2015 г. / Ред.-сост. М.А. Лушечкина. М. : МАКС Пресс, 2015. С. 20–25.

Дата поступления: 22.01.2020

DOI: 10.33184/pravgos-2020.1.7

THE EXTENSION OF THE APPLIED DIRECTION OF IMPLEMENTING FORENSIC RECOMMENDATIONS

POLSTOVALOV Oleg Vladimirovich

Doctor of Law, Professor of the Chair of Forensics of the Institute of Law of the Bashkir State University, Ufa, Russia. E-mail: Polstovalov74@mail.ru

The relevance of the use of forensic potential in various branches of legal activity is steadily increasing. It is facilitated by the multidimensional nature of law enforcement and interconnection of its various processes, and by increasing integration at the intersectoral level based on qualitative relationships. On the basis of national theory and foreign experience the author shows the areas of possible application of the forensic approach that have not yet been fully implemented in reality, despite the current needs of law enforcement practice. At the same time, the proposed concept allows us not to intrude into the traditional ideas of the subject and object of forensics, but allows us to develop at the applied level. Over time, the empirical component will change the theory itself. The author critically analyzes both the national approach and the foreign Anglo-American tradition, offering a balanced version.

Key words: forensics, law enforcement, subject of forensics, extension of implementing forensics.

References

1. Aleksandrov I. V. Kriminalistika: taktika i metodika (Forensics: tactics and methodology), uchebnik dlya SPO. Moscow, Izd-vo Yurayt, 2016.
2. Arrigo Bruce A. Introduction to forensic psychology. Issues and controversies in crime and justice. San, Diego, California, Academic Press, 2003.
3. Vardanyan A.V. Kognitivno-takticheskiy potentsial operativno-razysknykh podrazdeleniy kak sub'yektov profilakticheskogo vozdeystviya (Cognitive and tactical potential of operational-search units as subjects of preventive impact). *Filosofiya prava*. Rostov-na-Donu, Izd-vo Rost. yurid. in-ta MVD Rossii, 2011, No. 4, pp. 57-60.
4. Golunskiy S.A., Strogovich M.S. Teoriya gosudarstva i prava (Theory of State and Law). Moscow, NKYU SSSR, 1940.

5. Ishchenko Ye.P. O zadachakh otechestvennogo ugolovnogo sudoproizvodstva (On the tasks of national criminal proceedings). *Lex Russica*. Moscow, Izd-vo MGYUA, 2008, No. 4, pp. 804-819.
6. Noon R. Forensic engineering investigation. N.W. Corporate Blvd., Boca Raton, Florida, CRC Press LLC, 2000.
7. Yablokov N.P. Nekotoryye problemy otechestvennoy kriminalistiki v svete segodnyashnego vremeni (Some problems of national forensics in the light of today's time). *Sovremennaya kriminalistika: problemy, tendentsii, perspektivy, materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, posvyashchennoy 90-letiyu so dnya rozhdeniya Zasluzhennogo devatelya nauki RF, Zasluzhennogo yurista RSFSR, doktora yuridicheskikh nauk, professora Nikolaya Pavlovicha Yablokova*, Moskva, 22 dekabrya 2015 g., Red.-sost. M.A. Lushechkina. Moscow, MAK Press, 2015, pp. 20–25.

Received: 22.01.2020

УДК 343.8

DOI: 10.33184/pravgos-2020.1.8

**К ВОПРОСУ ОБ ОРГАНИЗАЦИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И ПРИМЕНЕНИЯ
ИНСТИТУТА УСЛОВНО-ДОСРОЧНОГО ОСВОБОЖДЕНИЯ
В УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ**

РЕМИЗОВА Лейла Сарваровна

кандидат юридических наук, доцент кафедры управления и организации деятельности УИС, Академия ФСИН России, г. Рязань, Россия.

E-mail: leila.remizova@gmail.com

ХОДЧЕНКОВ Никита Вячеславович

инспектор отдела безопасности ФКУ ИК №1 Управления ФСИН России по Смоленской области, г. Смоленск, Россия. E-mail: hod4enkov@bk.ru

В данной статье рассматривается проблема существования и применения института условно-досрочного освобождения от наказания. Обосновывается идея о том, что указанный институт занимает особое место в уголовном законодательстве Российской Федерации. Основное внимание в работе сконцентрировано на деятельности и применении условно-досрочного освобождения, анализе практики, пробелов законодательства в обозначенной области, а также проблем, связанных с рассматриваемым субъективным правом осужденного. Авторами предложены пути совершенствования функционирования условно-досрочного освобождения от наказания.

Ключевые слова: осужденный, закон, уголовное законодательство, условно-досрочное освобождение, преступное посягательство, наказание.

Уголовное законодательство Российской Федерации сурово наказывает преступников, посягнувших на общественный порядок. Но при этом законодатель не оставил без внимания тот факт, что совершивший преступление мог раскаяться в совершенном деянии, возместить вред, доказать, что ему необязательно отбывать полный срок назначенного наказания, поскольку суд, при выборе и назначении конкретного вида и срока, руководствовался целями уголовной ответственности, которые не могут быть достигнуты при применении мягкого наказания. Дальнейшее применение наказания к такому лицу было бы нецелесообразным, поскольку, очевидно, что лицо уже достигло исправления. В данном случае, существование и применение института условно-досрочного освобождения от наказания иллюстрирует соблюдение принципа справедливости и гуманизма.

Стоит отметить, что институт условно-досрочного освобождения появился в уголовном законодательстве относительно недавно, с момента принятия Закона 22 июня 1909 г. «Об условно-досрочном освобождении». При этом путь развития данного института был достаточно длинен и тернист. На сегодняшний день, наряду с заменой неотбытой части наказания более мягким, условно-досрочное освобождение занимает особое место в уголовном законодательстве Российской Федерации, поскольку является одним из видов освобождения от наказания и стимулирует осужденного к исправлению. Определяющими критериями для применения УДО (условно-досрочное освобождение) выступают формальные и материальные основания. Отмечается, что для положительного ответа при решении вопроса об условно-досрочном освобождении от наказания необходимо наличие оснований обоих видов. Формальным основанием является отбытие осужденным определенного срока установленного судом наказания, продолжительность которого будет варьироваться в зависимости от степени тяжести, равно как и категории совершенного им преступления. Данное основание регламентировано ч. 3 ст. 79 УК РФ, где законодатель перечислил ряд условий, при соблюдении которых формальное основание имеет место быть. Стоит также отметить, что в правовых нормах закреплён минимальный «порог» для возможности получения условно-досрочного освобождения, составляющий 6 месяцев фактического отбытия установленного судом срока.

К примеру, за совершенное преступление небольшой тяжести судом было назначено 15 месяцев лишения свободы. Исходя из буквы закона, для подачи ходатайства необходимо, чтобы истекла 1/3 часть назначенного срока, что составляет 5 месяцев. Однако, несмотря на это, в силу ч. 4 ст. 79 УК РФ, отбыть придется не менее 6 месяцев.

Что же касается материального основания, то здесь законодателем обращается внимание на соблюдение осужденным порядка отбывания наказания, а также наличие либо отсутствие информации о выполнении осужденных действий, свидетельствующих о желании вести правопослушную жизнь и его ресоциализации.

Примечателен тот факт, что, несмотря на наличие всего двух оснований для подачи ходатайства об условно-досрочном освобождении, существует ряд проблем, затрудняющих получение положительного ответа при решении вопроса о предоставлении УДО, поскольку в результате интенсивного реформирования данного межотраслевого института, возникли некоторые коллизии в вопросах его применения [1].

Так, в связи с внесением изменений в законодательство и введенной ч. 4.1 ст. 79 УК РФ к факторам, которые суд должен учитывать при решении вопроса об УДО, относится частичное или полное возмещение причиненного преступным посягательством ущерба. Однако данную формулировку уже имеет ч. 1 рассматриваемой нами статьи, где указывается на необходимость возмещения вреда в полном объеме или в части от размера определенного судебным решением.

Здесь возникает вопрос о конкретном минимальном размере возмещенного вреда, количество которого суд посчитает удовлетворительным для принятия положительного решения [2]. Будет ли достаточно наличия самого факта начала возмещения, хотя при этом суммы, выплаченные осужденным, будут несоизмеримы с ущербом, причиненным преступным посягательством.

Открытым остается вопрос о лице, осуществляющем возмещение ущерба. Это может быть как сам осужденный, который в силу ряда причин смог возместить лишь малую часть от общего размера причиненного вреда, но получивший вследствие этого обоснованный отказ суда, так и родственники осужденного, выплатившие всю сумму иска и поспособствовавшие решению данного вопроса в положительную сторону (при соблюдении других необходимых условий).

Подводя итог в данном вопросе, представляется необходимым конкретизация, установление хотя бы минимального размера возмещенного вреда либо же критериев его расчета в зависимости от степени тяжести совершенного преступного посягательства. В любом случае, законодателю необходимо дать полное толкование указанной выше нормы, поскольку данный факт затрудняет применение рассматриваемого вида освобождения от наказания.

Помимо данного фактора проблемы возникают и при применении данного правового института в отношении осужденных, длительное время содержащихся под стражей. Поскольку при решении вопроса об УДО представляется невозможным судить о проведенной воспитательной работе с данной категорией лиц, а также их приобщении к культурной и общественной жизни.

По мнению известного российского правозащитника М. Трепашкина вопрос определения отношения осужденного к совершенному им деянию будет достаточно затруднительным, поскольку администрация исправительного учреждения, куда указанный осужденный только прибыл (но в виду продолжительного нахождения в следственном изоляторе все же отбывшего установленный законодателем срок для подачи ходатайства), не компетентна в выводах по этому вопросу.

В данном случае целесообразным было бы учитывать мнение администрации СИЗО, где осужденный находился до того, как прибыл в исправитель-

ное учреждение. И, конечно же, нельзя не обратить внимания на объективность принятия решения в предоставлении либо отказе условно-досрочного освобождения. Нередки случаи, когда сомнения в объективности принятого решения возникают не только у простых обывателей, но и у квалифицированных правоведов [3]. Решением данной проблемы могло бы стать увеличение общественного контроля в вопросах наличия коррупционной составляющей при принятии решения об УДО, а именно – участие в данном процессе представителей уполномоченных по правам человека или же членов общественных наблюдательных комиссий с возможностью предоставления соответствующей компетенции.

В заключение хотелось бы отметить, что условно-досрочное освобождение, хоть и занимает особое место в уголовном законодательстве, регламентирующие его нормы нуждаются в некоторых доработках, дабы исключить или свести к минимуму произвольное (а равно неправильное) толкование и, соответственно, их применение для того, чтобы повысить объективность принятого судом решения.

Библиографические ссылки

1. Дроздов А.И., Орлов А.В. Условно-досрочное освобождение: проблемы теории и практики // Черные дыры в Российском законодательстве. 2013. № 1. С. 89-92.
2. Дроздов А.И., Орлов А.В. Проблемы законодательной регламентации и практики применения условно-досрочного освобождения // Человек: преступление и наказание. 2016. № 1 (92). С. 85-89.
3. Хорошко И.В., Ремизова Л.С. Деятельность органов прокуратуры по соблюдению законности при применении мер поощрения и взысканий к осужденным в местах лишения свободы // Депонированная рукопись (практические рекомендации) № 382. Академия ФСИН России. 2019. Рязань. С. 31.

Дата поступления: 07.02.2020

**TO THE ISSUE OF THE ORGANIZATION OF ACTIVITIES
AND APPLICATION OF THE INSTITUTE OF PAROLE
IN CRIMINAL LEGISLATION**

REMIZOVA Leila Sarvarovna

Candidate of Law, Assistant Professor of the Department of Management and Organization of Activities of the Penal Enforcement System, Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia, Ryazan, Russia. E-mail: leila.remizova@gmail.com

KHODCHENKOV Nikita Vyacheslavovich

Inspector of the Security Department of FGI CF No. 1 of the Directorate of the Federal Penitentiary Service of Russia for the Smolensk Region, Smolensk, Russia.

E-mail: hod4enkov@bk.ru

This article discusses the problem of the existence and application of the Institute of parole. The authors substantiate the idea that this institution occupies a special place in the criminal legislation of the Russian Federation. The main attention is focused on the activities and application of parole, analysis of practice, gaps in this part of legislation, as well as the problems related to the considered subjective right of the convicted person. The authors suggest ways to improve the functioning of parole.

Key words: convicted, law, criminal law, parole, criminal trespass, punishment.

References

1. Drozdov A.I., Orlov A.V. Uslovno-dosrochnoye osvobozhdeniye: problemy teorii i praktiki (Parole: problems of theory and practice). *Chernyye dyry v Rossiyskom zakonodatel'stve*, 2013, No. 1, pp. 89-92.
2. Drozdov A.I., Orlov A.V. Problemy zakonodatel'noy reglamentatsii i praktiki primeneniya uslovno-dosrochnogo osvobozhdeniya (Problems of legislative regulation and practice of parole). *Chelovek: prestupleniye i nakazaniye*, 2016, No. 1 (92), pp. 85-89.
3. Khoroshko I.V., Remizova L.S. Deyatel'nost' organov prokuratury po soblyudeniyu zakonnosti pri primenении мер поощрения и взысканий к осужденным в местах лишения свободы (The activities of the prosecution authorities in compliance with the law when applying incentives and penalties to convicts in prisons). *Deponirovannaya rukopis'* (prakticheskiye rekomendatsii) №. 382, Akademiya FSIN Rossii, 2019, Ryazan', p. 31.

Received: 07.02.2020

УДК 343

DOI: 10.33184/pravgos-2020.1.9

К ВОПРОСУ О НЕКОТОРЫХ ПОЛНОМОЧИЯХ ПРОКУРОРА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ И ПРОИЗВОДСТВЕ ПО ДЕЛАМ ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ

ПАПЫШЕВА Елена Сергеевна

кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры финансового и экологического права, Институт права ФГБОУ ВО «Бакинский государственный университет», г. Уфа, Россия. E-mail: papyshev-01@yandex.ru

В данной статье рассматриваются вопросы некоторых полномочий прокурора, его правового статуса в уголовном процессе и производстве по делам об административных правонарушениях, соотношение функций уголовного преследования и прокурорского надзора. Автор отмечает, что в стадии возбуждения уголовного дела полномочия прокурора по уголовному преследованию реализуются через осуществление надзорной деятельности, в ходе которой по выявленным фактам нарушений уголовного закона он вправе вынести мотивированное постановление о направлении соответствующих материалов в органы предварительного расследования. В статье проанализированы полномочия прокурора при возбуждении дела об административном правонарушении, правовая природа постановления прокурора, которое, по мнению автора, не является и не может быть доказательством по делу (источником доказательств), в отличие от позиции судов и сложившейся судебной практики. Оба процесса (уголовный и административное производство) построены на тождественных принципах, имеют схожие институты. В том числе по этой причине, проблемы определения статуса и полномочий прокурора при осуществлении надзора имеют общие корни.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, возбуждение дела, административное производство, прокурор, функции, прокурорский надзор, уголовное преследование, сторона обвинения, доказательства.

Дебаты ученых-процессуалистов и практикующих юристов по поводу правового статуса прокурора в Российской Федерации не утихают, не смотря на лишение прокуратуры функции расследования, полномочий на возбуждение уголовного дела.

Вопросы определения места и роли прокуратуры в правовой системе Российской Федерации, ее функций представляются дискуссионными, и в первую очередь, расположением статьи о прокуратуре в главе 7 Конституции Российской Федерации¹ под названием «Судебная власть», к которой «око госу-

¹ Конституция Российской Федерации // Собрании законодательства РФ. 2014. № 31, ст. 4398.

дарево» не относится. Существуют различные версии помещения нормы о прокуратуре в вышеназванную главу, но этот вопрос не является предметом настоящей статьи.

Безусловно, прокурор обладает особым правовым статусом. Вопросы же о характере, объеме функций прокурора в уголовном процессе, соотношении функций уголовного преследования и прокурорского надзора являются наиболее дискуссионными.

В Уголовного – процессуальном кодексе Российской Федерации (далее – УПК) 2001 г. предусмотрено осуществление прокурором в ходе уголовного судопроизводства обеих функций, несмотря на мнение авторов Концепции судебной реформы в Российской Федерации 1991 г. о том, что доминирующей функцией прокуратуры является уголовное преследование.²

Федеральным законом «О прокуратуре Российской Федерации» от 17.01.1992 г. № 2202-1 функция уголовного преследования предусмотрена³. В законе это рассматривается как одно из направлений деятельности прокурора (ч. 2 ст. 1). До 2007 года прокурор реализовывал эту функцию посредством, в том числе, возбуждения уголовного дела. Но по действующему УПК прокурор не наделен полномочиями по возбуждению уголовного дела.

Содержание этой деятельности прокурора определено п. 55 ст. 5 УПК. Осуществление уголовного преследования является обязанностью прокурора. В стадии возбуждения уголовного дела его полномочия по уголовному преследованию реализуются через осуществление надзорной деятельности, в ходе которой по выявленным фактам, связанным с нарушением уголовного закона, он вправе выносить мотивированное постановление о направлении соответствующих материалов в следственный орган или орган дознания для решения вопроса об уголовном преследовании.

Информация, содержащаяся в постановлении прокурора, предусмотренном п. 2 ч. 2 ст. 37 УПК, не нуждается в дополнительном процессуальном оформлении, в отличие, например, от информации, полученной из иных источников. В силу п. 4 ч. 1 ст. 140 УПК постановление прокурора является самостоятельным поводом для возбуждения уголовного.

Что касается вопросов уголовного преследования, о котором есть указание в ст. 1 Закона как на функцию прокурора, вопросы реализации этой функции, перечень и объем процессуальных полномочий и решений, принимаемых прокурором при реализации названной функции, регламентированы уголовно-процессуальным законом.

² Постановление ВС РСФСР от 24.10.1991 г. № 1801-1 "О Концепции судебной реформы в РСФСР" // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1991. № 44., ст. 1435.

³ Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» от 17.01.1992 г. № 2202-1 // Ведомости СНД РФ и ВС РФ. 1992. № 8, ст. 366.

Процессуальное решение – это решение, принимаемое, в том числе, прокурором (п. 33 ст. 5 УПК) в порядке, установленном УПК. Любое процессуальное решение обязательно должно содержать вывод по какому-либо материально-правовому и (или) процессуально-правовому вопросу; выноситься уполномоченным должностным лицом в определенной форме, соответствующей требованиям процессуального закона; иметь властно-распорядительный характер и порождать изменения правоотношений.

Постановление о направлении материалов проверки в следственные органы обладает указанными признаками. Следует отметить, что процессуальные решения, и постановление прокурора в их числе, не являются доказательствами. Они не обладают признаками таковых, предусмотренными ст. 74, 84 УПК РФ; в уголовном процессе они выполняют иную функцию.

Статья 1 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» предусматривает осуществление прокурором возбуждения дел об административных правонарушениях и проведения административного расследования в соответствии с полномочиями, установленными Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП) путем вынесения соответствующего постановления.

Постановление прокурора – один из актов прокурорского реагирования на выявленные факты нарушения закона, содержащий властно-распорядительное решение, которое может быть им принято в ходе осуществления надзора. К таким актам возможно отнести постановление о возбуждении дела об административном правонарушении.

Вопрос соотношения производства по делам об административных правонарушениях и уголовного судопроизводства и полномочиях прокурора в каждом из них представляется достаточно интересным. Административно-деликтное законодательство исторически выделилось из уголовного. Отечественным законодателем первая кодификация материально-правовых и процессуальных норм административного права была произведена в 1984 г. В настоящее время действует второй по счету КоАП. Однако тенденции последних десятилетий, международная практика, позиция ЕСПЧ ведут к их сближению. Принципы уголовного процесса нашли отражение в административном производстве, появились институты защиты, возбуждения дела об административном правонарушении, административного расследования; административное правонарушение по составу схоже с преступлением и нередко при декриминализации преступного деяния оно переходит в разряд административного правонарушения (как, например, «побои»), либо их разделяют лишь квалифицирующие признаки (степень тяжести телесного повреждения, период невыплаты заработной платы и т.д.) [1; 2].

Дело об административном правонарушении считается возбужденным с начала совершения одного из процессуальных действий, предусмотренных ч. 4 ст. 28.1 КоАП (составления протокола об административном правонарушении,

протокола осмотра места совершения административного правонарушения; протокола о применении мер обеспечения производства по делу либо вынесения прокурором соответствующего постановления и др.). Нормами КоАП не предусмотрено совершение каких-либо действий до возбуждения дела об административном правонарушении, то есть стадии возбуждения, в отличие от уголовного процесса, отсутствует. В КоАП четко определен перечень участников процесса и их статус. Так, потерпевшему и лицу, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, права и гарантии предоставляются с момента возбуждения дела в отличие от доследственной проверки в рамках УПК. Автор констатирует, что непомерное разрастание на законодательном уровне стадии возбуждения уголовного дела, безусловно, в пользу органов предварительного расследования – правоприменителей, привело к некоему институциональному хаосу: появились новые участники уголовного судопроизводства («лица, участвующие в производстве процессуальных действий при проверке сообщения о преступлении» (ст. 144 УПК), статус которых и, соответственно, объем прав и гарантий Кодексом так и не определены; собирание доказательств стало возможным внепроцессуальными средствами и т.д.

Однако вектор развития современного уголовного и административного процессов, анализ правоприменительной практики, свидетельствуют о возможном их слиянии в будущем, что, по мнению автора, вполне допустимо.

В административном производстве все более логично, постановление прокурора есть процессуальное решение о возбуждении дела об административном правонарушении, в отличие от уголовного процесса, в котором прокурор, осуществляющий уголовное преследование, лишен таких полномочий. В силу ч. 2 ст. 28.4 КоАП постановление должно содержать сведения, предусмотренные ст. 28.2 КоАП. Казалось бы, позиция законодателя о соответствии постановления прокурора по своей структуре протоколу об административном правонарушении, вполне оправданна, оба процессуальных документа являются решением о возбуждении дела. Однако при реализации названных норм суды пошли по тому пути, что к процедуре составления постановления о возбуждении применяются нормы о порядке получения доказательств, более того постановление прокурора отнесено к таковым.

Так, по результатам прокурорской проверки было вынесено постановление о возбуждении дела об административном правонарушении в отношении юридического лица, с которым руководитель в силу объективных причин был ознакомлен после его вынесения (составления и подписания прокурором). Арбитражный суд первой инстанции не расценил эти процессуальные действия как нарушение закона. Однако суд апелляционной инстанции отменил решение нижестоящего суда в связи с нарушением прокурором процедуры, установленной КоАП, признанием постановления административного органа (имея в виду прокурора, вынесшего постановление о возбуждении дела об административном

правонарушении) о привлечении к административной ответственности незаконным и подлежащим отмене.

Суд обосновал выводы нормами ч. 2 ст. 25.1 КоАП РФ о том, что протокол об административном правонарушении составляется, а дело рассматривается в присутствии лица, привлекаемого к административной ответственности.

Однако постановление о возбуждении дела об административном правонарушении, выносимое прокурором, не является протоколом об административном правонарушении. Согласно ст. 28.4 КоАП РФ, постановление прокурора о возбуждении дела об административном правонарушении должно содержать сведения, предусмотренные ст. 28.2 КоАП РФ. Требования к сведениям, которые должны быть указаны в протоколе, содержатся в ч. 2 ст. 28.2. Постановление о возбуждении дела об административном правонарушении в отношении юридического лица соответствовало по содержанию этим требованиям. Процедура же составления протокола установлена ч. 3 ст. 28.2 КоАП РФ. Закон не содержит требования о составлении постановления прокурора в том же процессуальном порядке, что и протокола.

Это обусловлено тем, что постановление прокурора о возбуждении дела об административном правонарушении и протокол об административном правонарушении имеют различную правовую природу, соответственно, к этим процессуальным актам предъявляются различные требования. Протокол – это документ с записью происходящего процессуального действия, которым удостоверяется какой-либо юридически значимый факт (совершения правонарушения), устанавливаемый при участии свидетелей (понятых). Постановление – это решение, вынесенное уполномоченным органом (прокурором). Оно содержит выводы, сделанные по результатам прокурорской проверки, проводимой в рамках Закона «О прокуратуре Российской Федерации». Процессуальное решение (постановление), в отличие от протокола, не является источником доказательств, в соответствии с ч. 2 ст. 26.2 КоАП РФ, которая содержит исчерпывающий перечень источников доказательств. В силу ст. 26.3 КоАП РФ, в протоколе об административном правонарушении отражаются объяснения лица, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, показания потерпевшего и свидетелей, которые также являются источником доказательств. Постановление прокурора о возбуждении дела об административном правонарушении не содержит объяснений этих лиц, а только указание на полученные в ходе прокурорской проверки доказательства.

Постановление – это решение, вынесенное уполномоченным органом (прокурором). Оно содержит выводы, сделанные по результатам прокурорской проверки, проводимой в рамках Закона «О прокуратуре Российской Федерации». В постановлении прокурора, в отличие от протокола, указываются: 1) фактические и иные обстоятельства дела, установленные в ходе прокурорской проверки, проведенной в пределах полномочий, установленных специальным законом, регламентирующим деятельность прокурора; 2) доказательства, на ко-

торых основаны выводы прокурора об обстоятельствах дела и доводы в пользу принятого решения о возбуждении дела об административном правонарушении; 3) законы и иные нормативные правовые акты, которыми руководствовался прокурор при вынесении постановления.

Выводы суда о том, что постановление прокурора является недопустимым доказательством наличия в действия юридического лица состава вменяемого административного правонарушения, по мнению автора – сомнительны, в силу того, что постановление не является доказательством по вышеприведенным основаниям. Более того, порядок оспаривания протокола и постановления различен. Постановление является решением органа (должностного лица) и может быть обжаловано в порядке, установленном Арбитражным процессуальным кодексом Российской Федерации (учитывая подсудность дела Арбитражному суду). Протокол, напротив, не может быть обжалован как решение (действие) должностного лица или органа. В силу его правовой природы он может быть признан недопустимым доказательством. В постановлении судом также был сделан вывод о том, что у законного представителя юридического лица отсутствовала возможность воспользоваться правами, предусмотренными ст. 28.2 КоАП РФ.

Статья 28.2 КоАП РФ предусматривает права лица, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении. Возбуждение дела об административном правонарушении является решением, принятым по результатам прокурорской проверки, проводимой в пределах полномочий, установленных Законом «О прокуратуре Российской Федерации». Соответственно, ведение производства по делу возможно только после его возбуждения. В приводимом примере после возбуждения дела об административном правонарушении законному представителю юридического лица были разъяснены его права, предусмотренные ст. 25.1 КоАП РФ, которые он мог реализовать в ходе производства по делу. Копии всех материалов дела были своевременно направлены законному представителю юридического лица. Ограничений в реализации прав лица, в отношении которого было начато производство по делу об административном правонарушении, допущено не было. Лицом, привлекаемым к ответственности, дополнительные доказательства, объяснения не представлялись, ходатайства не заявлялись; и в их представлении законный представитель юридического лица не был ограничен. В судебном заседании как в суде первой, так и апелляционной инстанций, представители юридического лица не заявляли о нарушении прав. Обстоятельства совершения правонарушения ими не оспаривались.

Судом апелляционной инстанции вывод о нарушении процедуры привлечения к административной ответственности мотивирован тем, что в нарушение ч. 2 ст. 25.1 КоАП РФ дело об административном правонарушении рассмотрено в отсутствие лица, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении. Однако прокурор не уполномочен рассматривать дела об административных правонарушениях, не являясь административным органом. В полномочиях прокурора – возбуждение дела об административном пра-

вонарушении. Только после принятия решения о возбуждении дела об административном правонарушении возможно его рассмотрение в порядке, установленном ч. 2, 3 ст. 25.1, главой 29 КоАП РФ. В главе 22-23 КоАП РФ указан исчерпывающий перечень органов, обладающих полномочиями рассматривать дело об административном правонарушении. Прокурор к таковым не относится.

Прокурор имеет особый правовой статус среди участников производства по делам об административных правонарушениях. Это вытекает из его надзорных полномочий, установленных Федеральным законом «О прокуратуре Российской Федерации». Суд апелляционной инстанции не указал, какие негативные последствия повлекло ознакомление законного представителя юридического лица с постановлением прокурора по его вынесению, с разъяснением всех предусмотренных законом прав, и в чем заключается невозможность их устранения, а также невозможность всесторонне, полно и объективно рассмотреть дело.⁴ Законному представителю юридического лица прокурором были обеспечены гарантии, предусмотренные ст. 28.2 КоАП. Данное обстоятельство лицом, привлекаемым к административной ответственности, не оспаривалось. Судом кассационной инстанции решение нижестоящего суда оставлено в силе⁵, и, к сожалению, реалии определения статуса прокурора в административном производстве таковы, что вынесенное им постановление признается источником доказательств, хотя таким по своей юридической природе не является. Выход из подобной ситуации представляется возможным изменением подхода судов к оценке процессуального положения прокурора как отличного от иных государственных и муниципальных органов, вернув постановлению статус процессуального решения, а не доказательства (его источника). В противном случае прокурора необходимо законодательно уравнивать в полномочиях с другими органами административной юрисдикции, наделить полномочиями по составлению протокола об административном правонарушении вместо постановления о возбуждении дела. Но такой подход повлечет необходимость внесения соответствующих изменений в Закон «О прокуратуре Российской Федерации», что не согласуется с функциями прокурора и осуществлением им надзором.

По мнению автора, подобные коллизии связаны с попыткой наделения прокурора, пока еще обладающего особым правовым статусом, статусом органа

⁴ В соответствии с п. 10 постановления Пленума Высшего Арбитражного суда Российской Федерации от 02.06.2004 г. № 10 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при рассмотрении дел об административных правонарушениях» нарушение административным органом при производстве по делу об административном правонарушении процессуальных требований, установленных КоАП РФ, является основанием для отказа в удовлетворении требования административного органа о привлечении к административной ответственности (часть 2 статьи 206 АПК РФ) при условии, если указанные нарушения носят существенный характер и не позволяют или не позволили всесторонне, полно и объективно рассмотреть дело. Существенный характер нарушений определяется исходя из последствий, которые данными нарушениями вызваны, и возможности устранения этих последствий при рассмотрении дела. // Вестник ВАС РФ. 2004. № 8.

⁵ По материалам судебной практики Арбитражного суда Республики Башкортостан (дело № А07-19515).

исполнительной власти, в рамки которого его нынешние полномочия не «умещаются». Так, отнесение главой 6 УПК прокурора к участникам уголовного судопроизводства со стороны обвинения (в рамках состязательного процесса по типу англо-американского) не стыкуется с полномочиями по надзору за процессуальной деятельностью органов предварительного расследования. Осуществление прокурорского надзора нацелено, прежде всего, на соблюдение прав и свобод человека и гражданина, в том числе, участников уголовного судопроизводства со стороны защиты, и эти полномочия значительно отличны от обвинительной функции. Верно отметил А.Г. Халиулин, что «в современном уголовном судопроизводстве прокурор выполняет несколько процессуальных функций, из которых функция уголовного преследования – не единственная, а скорее производная от основной функции прокуратуры – надзорной» [3, с. 88].

Примером попытки приравнять прокурора к органам государственного контроля можно привести утверждение типовой формы решения о проведении проверки и внесение иных, связанных с этим изменений в Закон «О прокуратуре Российской Федерации» Федеральным законом «О внесении изменений в Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» от 07.03.2017г. № 27-ФЗ.⁶ Здесь явно просматриваются аналогии с Федеральным законом «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» от 26.12.2008г. №294-ФЗ.⁷

Однако все эти попытки, по мнению автора, влекут угрозу утраты такого уникального феномена в отечественной системе государственной власти как прокуратура с ее основной функцией осуществления надзора.

Библиографические ссылки

1. Головки Л.В. Разграничение административной и уголовной ответственности по Российскому праву // LEX RUSSICA (РУССКИЙ ЗАКОН). 2016. № 1. С.139-145.
2. Курс уголовного процесса / под ред. д.ю.н., проф. Л.В. Головки. 2-е изд., испр. М. : Статут, 2017. С.47-52.
3. Халиулин А.Г. Уголовно-процессуальное законодательство России о деятельности прокурора // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2017. № 3. С. 85-96.

Дата поступления: 27.01.2020

⁶ Федеральный закон от 07.03.2017 № 27-ФЗ "О внесении изменений в Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2017. № 11, ст. 1536.

⁷ Федеральный закон от 26.12.2008 N 294-ФЗ "О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля"//Собрание законодательства РФ", N 52 (ч. 1), 29.12.2008, ст. 6249

**TO THE ISSUE OF SOME POWERS OF A PROSECUTOR IN CRIMINAL
PROCEDURE AND ADMINISTRATIVE PROCEEDINGS****PAPYSHEVA Elena Sergeevna***Candidate of Sciences (Law), Senior Instructor of the Chair of Financial and Environmental Law of the Institute of Law of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Bashkir State University", Ufa, Russia.**E-mail: papyshhev-01@yandex.ru*

This article discusses some powers of a prosecutor, his legal status in criminal procedure and administrative proceedings, the relationship between the functions of criminal prosecution and prosecutorial supervision. The author notes that at the stage of initiating a criminal case, prosecutor's powers for criminal prosecution are exercised through supervisory activities, during which, on the facts of perpetration, he is entitled to make a reasoned decision to send the relevant materials to preliminary investigation bodies. The article analyzes prosecutor's powers in initiating an administrative case, the legal nature of the prosecutor's decision, which, according to the author, is not and cannot be evidence in the case (source of evidence), in contrast to the position of the courts and the prevailing judicial practice. Both processes (criminal and administrative proceedings) are based on identical principles and have similar institutions. Including for this reason, the problems of determining the status and powers of the prosecutor in exercising supervision have common roots.

Key words: criminal proceedings, initiation of proceedings, administrative proceedings, prosecutor, functions, prosecutorial supervision, criminal prosecution, prosecution, evidence.

References

1. Golovko L.V. Razgranicheniye administrativnoy i ugovnoy otvetstvennosti po Ros-siyskomu pravu (Separation of administrative and criminal liability under Russian law). *LEX RUSSICA*, 2016, No. 1, pp.139-145.
2. Kurs ugovnogo protsessa (The course of criminal procedure), pod red. d.yu.n., prof. L.V. Golovko, 2-ye izd., ispr. Moscow, Statut, 2017, pp.47-52.
3. Khaliulin A.G. Ugolovno-protsessual'noye zakonodatel'stvo Rossii o deyatel'nosti prokurora (The criminal procedural legislation of Russia on prosecutor's activities). *Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii*, 2017, No. 3, pp. 85-96.

Received: 27.01.2020

ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ ФИНАНСОВО-ПРАВОВОГО ПРИНУЖДЕНИЯ

САТТАРОВА Нурия Альвановна

доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой финансового и экологического права Института права ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет», г. Уфа, Россия. E-mail: nsattarova@inbox.ru

В данной статье автор рассматривает отдельные проблемы теории финансово-правового принуждения, актуальность которых подтверждается как научной востребованностью исследований, посвященных институту государственного принуждения в сфере публичных финансов, так и правоприменительной практикой. Исследуются процессуальные аспекты государственного принуждения в сфере финансовой деятельности, проводится краткий анализ научных разработок.

Ключевые слова: государство; принуждение; налоговые правонарушения; меры бюджетного принуждения; санкции; ответственность; публичные финансы; органы государственной власти; правоограничения.

Принуждение основано на праве и всегда входит в систему организационно-правоохранительных средств любого современного государства. К тому же оно входит в систему правовых гарантий, обеспечивающих разумное функционирование государственного управления и, как следствие, устойчивое состояние экономики и общества. Именно поэтому принуждение связано с феноменом государственной власти, с правовыми ограничениями, ответственностью и деликтами.

Финансовое право на участников общественных отношений оказывает воздействие через установление прав и обязанностей для них, а применением государственного принуждения обеспечивает реализацию соответствующих прав и обязанностей. Как известно, финансовое право императивным методом регулирует общественные отношения, складывающиеся в сфере формирования, использования денежных фондов, денежного обращения, налогов и т.д. Его суть состоит в том, что одной стороной данных общественных отношений всегда выступает государство или муниципальное образование (уполномоченные ими органы), волей которого и осуществляется решение любого вопроса в сфере публичных финансов.

В советский период проблемы правового регулирования государственного принуждения и ответственности в сфере государственных (муниципальных) финансов, изучались ведущими отраслями права. «В целом на протяжении многих лет финансовому праву не уделялось надлежащего внимания юридической наукой. В прошлом это было вызвано общим взглядом марксистско-ленинской теории и политической экономии социализма на деньги, товарно-денежные от-

ношения, цены, себестоимость, рынок в целом как на отмирающие категории. Это имело своим следствием снижение внимания к вопросам бюджета, налогов, банковского кредита. И как результат – недооценка значения и роли финансового права в регулировании жизнедеятельности общества» [1, с. 14].

Развитие рыночных отношений в начале 90-х годов прошлого века, а вместе с тем и появление новых институтов, развитие межотраслевых связей финансового права, обусловили необходимость исследования государственного принуждения и юридической ответственности в бюджетных, налоговых, валютных отношениях, где государство является особым субъектом финансовых правоотношений, возникающих в процессе формирования, распределения и использования публичных денежных фондов.

Современный этап развития науки финансового права характеризуется наличием ряда комплексных монографических исследований, посвященных данной проблематике. Так, следует отметить исследования Н.А. Саттаровой, посвященное анализу сущности и содержания принуждения в финансовом праве (2006 г.) и М.Б. Разгильдиевой, посвященное теории финансово-правового принуждения и сферы его применения (2011 г.). Следует также указать, что проблемы правового принуждения в различных направлениях финансовой деятельности государства (муниципальных образований) постоянно были в центре исследовательского интереса ученых. Например, вопросы принуждения и ответственности за нарушение бюджетного законодательства были исследованы в работах О.М. Гейхман (2004 г.); Е.С. Емельяновой (2005г.); Н.С. Макаровой (2004 г.); И.А. Сикорской (2004 г.); Ф.В. Маркелова (2006 г.); Е.В. Шеховцевой (2006 г.); С.А. Поляковой (2015 г.) и др.

Особое внимание было уделено проблемам определения и выявления особенностей финансово-правовой ответственности, как одной из форм государственного принуждения, рассмотренным в работах А.З. Арсланбековой, С.Е. Батырова, Е.Н. Горловой, Н.В. Сердюковой и др., в которых была доказана автономность финансово-правовой ответственности. Доминирующая в научной литературе позиция относительно отраслевого характера юридической ответственности поддерживается многими учеными, представителями финансового права. По мнению ученых: «отнесение санкций к той или иной отрасли права зависит не от их названия и порядка (способа) применения, а от того, использование норм какой отрасли права они обеспечивают» [2, с. 8].

Указанная позиция относительно автономности финансово-правовой ответственности нередко вызывала споры в научных кругах. Это объясняется, прежде всего, тем, что долгое время идея существования финансово-правовой ответственности вообще отрицалась. Тем не менее, по истечении ряда лет учеными обосновывается вывод о том, что «... только при наличии собственного, характерного только для него вида ответственности правовое образование может считаться самостоятельной отраслью права. Для финансового права таким видом ответственности является финансовая ответственность» [3, с. 94]. «Опре-

деляющим критерием, свидетельствующим о наличии финансовой ответственности, выступает самостоятельность отрасли финансового права и специфика предмета правового регулирования как финансового права, так и финансовой ответственности» [4, с. 38].

Здесь можно отметить позицию Д.Л. Комягина, в соответствии с которой бюджетная ответственность не является особым видом юридической ответственности, а представляет собой инструмент бюджетного регулирования [5, с. 15].

Одним из дискуссионных вопросов в научных исследованиях финансово-правовой направленности является вопрос о наличии позитивной финансово-правовой ответственности. Если негативную форму финансово-правовой ответственности связывают с финансовым правонарушением, то позитивная финансово-правовая ответственность по мнению отдельных ученых существует в силу добровольного выполнения субъектами финансовых правоотношений своих обязанностей. По мнению сторонников данной позиции позитивная финансово-правовая ответственность не всякая финансово-правовая обязанность, а та, основная конституционная обязанность соблюдать требования законов, в т.ч. финансовых [6, 7, 8, 9].

В рассматриваемом аспекте интересен подход С.П. Бортникова, доказывающего то, что налоговая ответственность реализуется в двух формах: добровольной и принудительной. По мнению автора предусмотренные правовой нормой обе формы: дифференцируют налоговым законом государственно-правовую ответственность через формализацию ее составов, а посредством ее когнитивного определения добровольную форму [10, с. 15].

Не углубляясь в полемику относительно данного положения, основанного на позиции сторонников позитивного аспекта юридической ответственности, автор поддерживает позицию М.Б. Разгильдиевой, которая в своей работе пишет: «...финансово-правовая ответственность не обладает позитивным аспектом, понимаемым как обязанность соблюдения предписаний правовых норм или обязанность правомерного поведения» [11, с. 355-356]. Безусловно, ответственность применяется к лицу, совершившему финансовое правонарушение, и меры государственного принуждения воздействуют на лицо, уже совершившее финансовое правонарушение, т.е. только финансовое правонарушение – основание финансово-правовой ответственности.

Еще одним качеством финансово-правового принуждения является наличие в нем ограничений процессуального характера, включающие меры процессуального принуждения, предусмотренные финансовым законодательством и применяемые должностными лицами органов власти. Цель использования процессуальных мер органами государственной (муниципальной) власти – организация режима эффективной реализации своих полномочий, что способствует достижению соответствующего уровня исполнительской дисциплины. При этом, применение мер процессуального принуждения, сопровождающееся дополнительными обременениями имущественного и организационного характера,

обеспечивает стимулирование должного и предупреждение противоправного поведения обязанных лиц – субъектов финансовых правоотношений.

Процессуальное принуждение в финансовой сфере определяется как урегулированное процессуальными нормами финансового права воздействие уполномоченных органов государственной (муниципальной) власти, которое применяется к обязанным субъектам финансовых правоотношений – участникам финансовой (бюджетной, налоговой) деятельности.

Вопросы процессуального принуждения, применяемые в различных направлениях финансовой деятельности государства, рассматривались Р.Э. Канцеровым [12, с. 35], А.Ю. Кикиным [13], Д.Л. Комягиным [5], Н.А. Саттаровой [14] и др. Следует отметить, что достигнутые научные результаты относительно процессуальной составляющей финансово-процессуального принуждения формируют определенную научную базу, но нуждаются в дальнейшем исследовании. В самом общем виде меры процессуального принуждения выступают специфичной группой мер государственного принуждения, применяемых в сфере аккумуляции и использования бюджетных средств для финансового обеспечения задач и функций государства. К тому же, как уже было отмечено, указанные меры применяются строго в процессуальном порядке, а формой выражения финансово-процессуального принуждения оказывается непосредственное воздействие на обязанного субъекта, стимулирующего его на исполнение процессуального долга. «Система государственного принуждения включает различные по своей природе меры и формы принуждения, отличающиеся друг от друга основаниями, целями, процессуальными особенностями применения» [15, с. 44].

Обобщая выводы, сделанные авторами научных работ, посвященных анализу финансово-правового принуждения, следует выделить его характерные признаки:

- это всегда форма правоприменительной деятельности должностных лиц специально уполномоченных на то органов власти, представляющее собой воздействие на поведение участников финансовых правоотношений и характеризующееся применением соответствующих принудительных мер;

- заключается в реальном применении финансово-правовых санкций к конкретным субъектам финансовой деятельности; причиняет обязанным лицам соответствующие правоограничения, как правило имеющие отрицательный характер и, к тому же связанные, с возложением дополнительных обязанностей для субъекта правоотношений (в том числе которые предусмотрены штрафными (карательными) санкциями);

- основанием реализации финансовой ответственности всегда является финансовое правонарушение;¹

¹ Здесь необходимо отметить, что виновность при применении отдельных мер финансового принуждения не имеет значения (например, за бюджетное нарушение).

- процедура применения мер финансово-правового принуждения происходит в процессуальной форме, что указывает на наличие в системе государственного принуждения мер процессуального принуждения, предусмотренных не только финансовым, но также административным и уголовно-процессуальным законодательством, что сопровождается применением дополнительных обременений организационного и имущественного характера;

- меры финансовой ответственности и меры финансово-процессуального принуждения различны по своей природе, поскольку применение мер процессуального принуждения не всегда связывается с противоправным поведением обязанного лица;

- имеет цель – утвердить режим законности и правопорядка в сфере публичных финансов. Цель применения мер финансово - процессуального принуждения – превенция противоправного и стимулирование должного поведения обязанных субъектов финансового правонарушения;

- охранительные правоотношения, в рамках которых реализуется принудительный механизм «определяет его основное назначение, заключающееся в борьбе с финансовыми правонарушениями и иными негативными последствиями, а также в охране и развитии общественных отношений в сфере финансовой деятельности государства и муниципальных образований» [16, с. 122].

Как видим, финансовое принуждение характеризуется многоаспектной юридической конструкцией, разнообразием не только принудительного воздействия, но и последствий. Следовательно, представляется необходимым дифференцировать меры финансово-правового принуждения, что позволяет в систему принуждения (наряду с карательными санкциями) включить меры обеспечительного (н-р, те которые относятся к способам обеспечения исполнения обязанности по уплате налогов и сборов), правовосстановительного (принудительное взыскание пени и недоимки), предупредительного характера (предупреждение о ненадлежащем исполнении бюджетного процесса), которые в свою очередь классифицируются в зависимости от сферы их применения на бюджетные, налоговые, валютные и др.

Указанные черты финансово-правового принуждения позволяют определить его понятие, а также сущность и содержание, выражающиеся в том, что по сути – это своеобразная реакция должностных лиц органов власти на деяния участников правоотношений путем применения к ним в установленном процессуальном порядке принудительных мер, указанных в санкциях (в диспозициях) правовых норм и связанных с наступлением для них отрицательных последствий.

Учитывая цель финансовой деятельности государства (муниципальных образований), заключающуюся в обеспечении финансовыми ресурсами функционирование государства и жизнедеятельность общества, можно предположить, что цель финансово-правового принуждения в конечном итоге должна быть ориентирована на всеобщее материальное, финансовое благосостояние общества и человека. Право лишь выражает результаты общественного развития. Следо-

вательно, необходимость переоценки роли финансовых отношений (от их нормального функционирования зависит финансовая устойчивость, национальная безопасность, экономическое обеспечение реализации конституционных прав и свобод человека) неотвратно приводит к обособлению финансовой ответственности как самостоятельного вида юридической ответственности. Изменение, усложнение общественной жизни неизбежно ведет к изменениям законодательства, к его специализации, а также появлениям новых институтов, что указывает на положительную, прогрессивную динамику.

Значительное количество публикаций по проблеме определения сущности, содержания, классификации видов принуждения в финансовом праве свидетельствует, с одной стороны, о значимости указанного института, а с другой – о необходимости в современных условиях решения данной проблемы. Дискуссионность современных научных подходов к определению финансово-правового принуждения заключается не столько в вопросе его наличия как института финансового права, сколько в проблемах реализации его форм, применяемых в рамках финансовой деятельности государства (муниципальных образований).

Деятельность по реализации финансово-правового принуждения обладает всеми признаками, присущими для любой другой правоприменительной деятельности, но имеет свою специфику, отраженную в дискуссиях ученых относительно конкретных мер финансово-правового принуждения и их реализации. Так, в течение долгого времени обсуждается проблема соотношения мер административной и финансовой ответственности за правонарушения в сфере финансовой (бюджетной, налоговой) деятельности. В действующем законодательстве по-прежнему не разделены меры финансово-правовой и административно-правовой ответственности. Следует согласиться с авторами научно-практического пособия, которые пишут: «В этой связи представляется необходимым более четко разграничить на законодательном уровне составы финансовых и административных правонарушений, а также соответствующих им мер ответственности. Тем более наличие таких составов правонарушений, за которые предусмотрено наложение одновременно нескольких видов ответственности, представляет не только практическую сложность применения, но и создает трудности для исследовательского процесса в сфере финансово-правовой ответственности» [17].

В финансово-правовой науке существует ряд дискуссионных вопросов о природе бюджетно-правового принуждения, а точнее, системе мер принуждения в бюджетной сфере. Так, отдельные авторы с мерами бюджетной ответственности выделяют пресекательные и правовосстановительные меры [18, с. 21], другие – пресекательные, восстановительные и предупредительные [19, с. 33]. Но характерной особенностью рассуждений относительно системы мер бюджетно-

правового принуждения является отождествление многими авторами мер бюджетной ответственности и мер бюджетно-правового принуждения.²

Однако, по мнению специалистов, важнейшей проблемой применения мер бюджетного принуждения является отсутствие четкого процессуального механизма их применения [20, с. 55]. Кроме того, сохранилось несоответствие составов правонарушений бюджетного законодательства в БК РФ и в КоАП РФ. Вопрос о правовой природе юридической ответственности, применяемой в бюджетной сфере, по-прежнему сводится к разрешению проблем бюджетного правонарушения, мер государственного принуждения в бюджетной деятельности государства, а также соотношения санкций, установленных БК РФ, с мерами административного наказания, установленными КоАП РФ [21, с. 101].

Исследования посвященные финансово-правовому принуждению в налоговой сфере также характеризуются отсутствием единого подхода к содержанию системы налогово-правового принуждения. Так, наряду с мерами ответственности авторы учебника «Налоговое право России. Общая часть» выделяют предупредительные и пресекательные меры» [22, с. 350], А.Ю. Кикин к мерам налогового принуждения относит предупредительные, пресекательные, обеспечительные и восстановительные [13, с. 42]. По мнению Н.П. Кучерявенко предупреждение обеспечивается контрольными мероприятиями; к мерам пресечения относятся приостановление операций, изъятие документов и ликвидация предприятия; штрафы и пени относятся к восстановительным мерам [24, с. 550]. Особое внимание ученых уделяется правовой природе пени, которая является правовосстановительной санкцией и одним из способов обеспечения исполнения налоговой обязанности.

Еще одним спорным вопросом является вопрос отнесения налогового правонарушения к административным, что порождает необходимость уточнения сущности налогово-правовой ответственности. Относительно данной проблемы М.Б. Разгильдиева проводит глубокий анализ и доказывает, что «признаки, присущие ответственности за совершение налоговых правонарушений (сфера действия, характер применяемых санкций, а также процессуальный признак), позволяют рассматривать ее как отличный от административно-правовой ответственности вид юридической ответственности» [11, с. 483-484]. Не вызывает сомнений, что действительным основанием применения мер налогового принуждения является противоправное деяние конкретного участника налоговых правоотношений, нарушающего нормы законодательства о налогах и сборах. Определение сущности мер налогово-правового принуждения, выявление их места и роли в системе финансового принуждения требует применения единого научного подхода.

Ограничимся приведенными примерами и в заключение отметим, что формирование и эволюция основ финансово-правовой ответственности и принуждения в сфере публичных финансов отличается спецификой внушительного массива нормативных правовых актов, особенностями финансовой правосубъ-

² Здесь можно отметить позиции С.Е. Батырова, Ю.В. Соболевской, Л.Л. Арзумановой и др.

ектности участников финансовых правоотношений и правового механизма реализации их полномочий. К тому же, отсутствие системности и сложность нормотворчества при огромном количестве актов подзаконного характера, не способствует полноценности данного правового института. Заметим, что основные положения института финансово-правового принуждения и ответственности на законодательном уровне были отражены не в полной мере, т.к. вырабатывались в процессе правоприменительной деятельности. Это также объясняется отсутствием адекватного, лишенного противоречий финансового законодательства, оно сохраняется и в настоящее время.

Проблемы принуждения в финансовом праве указывают на повышенное внимание со стороны современных ученых, чем объясняется появление новых исследований, посвященных возможности применения финансово-правовых принудительных средств, соответствующих современным правовым реалиям. Вопросы государственного принуждения получили определенное освещение в исследованиях С.А. Полосина [25], где бюджетные меры принуждения исследуются в контексте внесенных в часть IV БК РФ изменений; П.В. Славинского [26], рассматривающего среди прочего вопросы возможности принудительного применения ФАС России санкций за совершение финансовых правонарушений; Е.В. Исаева [27], доказывающего авторскую позицию относительно сущности мер воздействия, применяемых Банком России к кредитным организациям. По мнению исследователя меры воздействия – это меры юридической ответственности и др.

Финансово-правовое принуждение как вид государственного принуждения – это средство обеспечения правопорядка в сфере формирования и использования денежных фондов. Поэтому российское законодательство в части применения мер государственного принуждения в сфере публичных финансов по-прежнему нуждается в упорядочении и кодификации объемного массива правовых норм, порой входящих в противоречие друг с другом, нередко оставляющих значительные пробелы в праве. Особая важность и значимость вопросов ответственности за нарушение финансового законодательства обуславливает необходимость совершенствования правовой базы, обеспечивающей функционирование финансовой системы страны. Следовательно, создание эффективной системы применения государственного принуждения в сфере публичных финансов позволит уменьшить негативные моменты, связанные с функционированием теневой экономики, нецелевым использованием бюджетных средств, уменьшением сбора налогов, ростом экономических преступлений.

Библиографические ссылки

1. Горбунова О.Н. Финансовое право в системе российского права (актуальные проблемы) // Государство и право. 1995. № 2. С. 14-21.
2. Розанов И.И. Финансовые средства обеспечения государственной финансовой дисциплины : автореф. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1971.

3. Емельянов А.С. О порочности концепции финансово-правовой ответственности (на примере автореферата диссертации Арсланбековой А.З. «Финансово-правовые санкции в системе мер юридической ответственности») // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2009. № 3. С. 86-100.
4. Мусаткина А.А. О соотношении административно-правовой и финансово-правовой ответственности // Административное право и процесс. 2016. № 3. С. 36-40.
5. Комягин Д.Л. Защита бюджетного процесса: ответственность за нарушения бюджетного законодательства и бюджетные нарушения // Финансовое право. 2016. № 7. С. 15-19.
6. Арсланбекова А.З. Правовое регулирование финансовых санкций. Махачкала, 2007.
7. Затулина Т.Н. Конституционные аспекты финансово-правовой ответственности // Финансовое право. 2007. № 3. С. 2-7.
8. Крохина Ю.А. Налоговое право России. М., 2003
9. Мусаткина А.А. Финансово-правая ответственность в системе юридической ответственности : дис. ... канд. юрид. наук. Тольятти, 2004.
10. Бортников С.П. Юридическая ответственность в налоговом праве: теория и практика : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2017.
11. Разгильдиева М.Б. Теория финансово-правового принуждения и сферы его применения : дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2011.
12. Канцеров Р.Э. Процессуально-правовое принуждение в валютной сфере // Налоги. 2012. № 1. С. 34-38.
13. Кикин А.Ю. Понятие и виды мер налогово-процессуального принуждения // Финансовое право. 2004. № 5. С. 38-43.
14. Саттарова Н.А. Меры процессуально-правового принуждения в сфере валютных отношений // Финансовое право. 2009. № 1. С. 2-5.
15. Серегина В.В. Государственное принуждение по советскому праву. Воронеж : Изд-во Воронежского ун-та, 1991.
16. Саттарова Н.А. Принуждение в финансовом праве. М., 2006.
17. Ответственность за нарушение финансового законодательства : науч.-практ. пособие / Р.Ю. Абросимов, О.А. Акопян, Я.В. Буркавцова и др. ; отв. ред. И.И. Кучеров. М. : ИЗиСП, ИНФРА-М, 2014.
18. Другова Ю.В. Ответственность за нарушения бюджетного законодательства // Журнал российского права. 2003. № 3. С. 18-26.
19. Макарова Н.С. Виды и особенности применения бюджетно-правовых санкций за бюджетные нарушения // Российский судья. 2004. № 6. С. 31-36.
20. Куракин А.В., Карпухин Д.В. Правовое регулирование применения мер бюджетного принуждения // Современное право. 2019. № 10. С. 52-59.
21. Саттарова Н.А. Меры государственного принуждения в бюджетной сфере как фактор эффективного функционирования финансовой системы // Lex russica. 2015. № 8. С. 96-106.
22. Кустова М.В., Ногина О.А., Шевелева Н.А. Налоговое право России. Общая часть. М., 2001.

23. Кучерявенко Н.П. Курс налогового права. В 6 т. Т. III. Учение о налоге. Харьков, 2005.
24. Козырин А.Н. Пеня по российскому налоговому праву: способ обеспечения исполнения налоговой обязанности или мера ответственности за нарушение налоговых правил? // Закон. 2018. № 7. С. 148-159.
25. Полосин С.А. Ответственность за нецелевое использование бюджетных средств в системе мер финансово-правового принуждения : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018.
26. Славинский П.В. Государственный финансовый контроль в сфере государственного оборонного заказа : дис. ... канд. юрид. наук М., 2019.
27. Исаев Е.В. Правовое регулирование мер воздействия Банка России на кредитные организации : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018.

Дата поступления: 25.02.2020

DOI: 10.33184/pravgos-2020.1.10

PROBLEMS OF THE THEORY OF FINANCIAL LAW ENFORCEMENT

SATTAROVA Nuria Alvanovna

Doctor of Law, Professor, Head of the Chair of Financial and Environmental Law of the Institute of Law of the Bashkir State University, Ufa, Russia.

E-mail: nsattarova@inbox.ru

In this article, the author considers certain problems of the theory of financial law enforcement, the relevance of which is confirmed by both the scientific relevance of research on the institute of state enforcement in the field of public finance and law enforcement practice. The procedural aspects of state enforcement in the field of financial activity are investigated, a brief analysis of scientific developments is carried out.

Key words: state; enforcement; tax offenses; fiscal enforcement measures; sanctions; responsibility; public finances; state authorities; legal restrictions.

References

1. Gorbunova O.N. Finansovoye pravo v sisteme rossiyskogo prava (aktual'nyye problemy) (Financial law in the system of Russian law (current problems). *Gosudarstvo i pravo*, 1995, No. 2, pp. 14-21.
2. Rozanov I.I. Finansovyye sredstva obespecheniya gosudarstvennoy finansovoy distsipliny (The financial means of ensuring state financial discipline), avtoref. ... kand. yurid. nauk. Saratov, 1971.
3. Yemel'yanov A.S. O porochnosti kontseptsii finansovo-pravovoy otvetstvennosti (na primere avtoreferata dissertatsii Arslanbekovoy A.Z. «Finansovo-pravovyye sanktsii v

- sisteme mer yuridicheskoy otvetstvennosti») (On the depravity of the concept of financial law responsibility (using the example of an abstract of thesis by Arslanbekova A.Z. "Financial law sanctions in the system of measures of legal responsibility"). *Yuridicheskaya nauka i pravookhranitel'naya praktika*, 2009, No. 3, pp. 86-100.
4. Musatkina A.A. O sootnoshenii administrativno-pravovoy i finansovo-pravovoy otvetstvennosti (On the correlation of administrative law and financial law responsibility). *Administrativnoye pravo i protsess*, 2016, No. 3, pp. 36-40.
5. Komyagin D.L. Zashchita byudzhetnogo protsessa: otvetstvennost' za narusheniya byudzhetno-go zakonodatel'stva i byudzhetnyye narusheniya (Protection of the budget process: responsibility for violations of budget legislation and budget violations). *Finansovoye pravo*, 2016, No. 7, pp. 15-19.
6. Arslanbekova A.Z. Pravovoye regulirovaniye finansovykh sanktsiy (Legal regulation of financial sanctions). Makhachkala, 2007.
7. Zatulina T.N. Konstitutsionnyye aspekty finansovo-pravovoy otvetstvennosti (Constitutional aspects of financial and legal responsibility). *Finansovoye pravo*, 2007, No. 3, pp. 2-7.
8. Krokhina Yu.A. Nalogovoye pravo Rossii (Tax law of Russia). Moscow, 2003.
9. Musatkina A.A. Finansovo-pravaya otvetstvennost' v sisteme yuridicheskoy otvetstvennosti (Financial law liability in the legal liability system), dis. ... kand. yurid. nauk. Tol'yatti, 2004.
10. Bortnikov S.P. Yuridicheskaya otvetstvennost' v nalogovom prave: teoriya i praktika (Legal liability in tax law: theory and practice), avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk. Moscow, 2017.
11. Razgil'diyeva M.B. Teoriya finansovo-pravovogo prinuzhdeniya i sfery yego primeneniya (The theory of financial law coercion and the scope of its application), dis. ... d-ra yurid. nauk. Saratov, 2011.
12. Kantserov R.E. Protsessual'no-pravovoye prinuzhdeniye v valyutnoy sfere (Legal procedural coercion in the currency sphere), *Nalogi*, 2012, No. 1, pp. 34-38.
13. Kikin A.Yu. Ponyatiye i vidy mer nalogovo-protsessual'nogo prinuzhdeniya (The concept and types of measures of tax procedural coercion). *Finansovoye pravo*, 2004, No. 5, pp. 38-43.
14. Sattarova N.A. Mery protsessual'no-pravovogo prinuzhdeniya v sfere valyutnykh otnosheniy (Measures of procedural law coercion in the sphere of foreign exchange relations). *Finansovoye pravo*, 2009, No. 1, pp. 2-5.
15. Seregina V.V. Gosudarstvennoye prinuzhdeniye po sovetskomu pravu (State coercion under Soviet law). Voronezh, Izd-vo Voronezhskogo un-ta, 1991.
16. Sattarova N.A. Prinuzhdeniye v finansovom prave (Coercion in financial law). Moscow, 2006.
17. Otvetstvennost' za narusheniye finansovogo zakonodatel'stva (Responsibility for violation of financial legislation), nauch.-prakt. posobiye, R.Yu. Abrosimov, O.A. Akopyan, Ya.V. Burkavtsova i dr., otv. red. I.I. Kucherov. Moscow, IZiSP, INFRA-M, 2014.
18. Drugova YU.V. Otvetstvennost' za narusheniya byudzhetnogo zakonodatel'stva (Responsibility for violations of budget legislation). *Zhurnal rossiyskogo prava*, 2003, No. 3, pp. 18-26.

19. Makarova N.S. Vidy i osobennosti primeneniya byudzhethno-pravovykh sanktsiy za byudzhethnyye narusheniya (Types and features of the application of fiscal sanctions for budget violations). *Rossiyskiy sud'ya*, 2004, No. 6, pp. 31-36.
20. Kurakin A.V., Karpukhin D.V. Pravovoye regulirovaniye primeneniya mer byudzhethnogo prinuzhdeniya (Legal regulation of applying measures of budgetary coercion). *Sovremennoye pravo*, 2019, No. 10, pp. 52-59.
21. Sattarova N.A. Mery gosudarstvennogo prinuzhdeniya v byudzhetnoy sfere kak faktor effektivnogo funktsionirovaniya finansovoy sistemy (Measures of state coercion in the public sector as a factor in the effective functioning of the financial system). *Lex russica*, 2015, No. 8, pp. 96-106.
22. Kustova M.V., Nogina O.A., Sheveleva N.A. Nalogovoye pravo Rossii. Obshchaya chast' (Tax law of Russia. General part). Moscow, 2001.
23. Kucheryavenko N.P. Kurs nalogovogo prava (The course of tax law), V 6 t., T.III, Ucheniye o naloge. Khar'kov, 2005.
24. Kozyrin A.N. Penya po rossiyskomu nalogovomu pravu: sposob obespecheniya ispolneniya nalogovoy obyazannosti ili mera otvetstvennosti za narusheniye nalogovykh pravil? (Penalties under Russian tax law: a way to enforce tax obligations or a measure of liability for violation of tax rules?). *Zakon*, 2018, No. 7, pp. 148-159.
25. Polosin S.A. Otvetstvennost' za netsелеvoye ispol'zovaniye byudzhethnykh sredstv v sisteme mer finansovo-pravovogo prinuzhdeniya (Responsibility for misusing budget funds in the system of measures of financial and legal coercion), dis. ... kand. yurid. nauk. Moscow, 2018.
26. Slavinskiy P.V. Gosudarstvennyy finansovyy kontrol' v sfere gosudarstvennogo oboronnogo zakaza (State financial control in the field of state defense order), dis. ... kand. yurid. nauk. Moscow, 2019.
27. Isayev Ye.V. Pravovoye regulirovaniye mer vozdeystviya Banka Rossii na kreditnyye organizatsii (Legal regulation of measures of influence of the Bank of Russia on credit organizations), dis. ... kand. yurid. nauk. Moscow, 2018.

Received: 25.02.2020

К ВОПРОСУ О ПОВЫШЕНИИ ЭФФЕКТИВНОСТИ БЮДЖЕТНЫХ РАСХОДОВ

АРУТЮНЯН Марина Самвеловна

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры финансового и экологического права Института права ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет, г. Уфа, Россия. E-mail: marina.arochka@mail.ru

ХИСМАТУЛЛИН Оливер Юрьевич

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры финансового и экологического права Института права ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет, г. Уфа, Россия. E-mail: tekwin@mail.ru

Предварительный анализ результатов исполнения федерального бюджета 2019 г. свидетельствует о необходимости принятия адекватных административных мер, направленных на совершенствование бюджетного процесса, и вызывает определенный научный интерес к данной проблеме. В статье рассматриваются наиболее существенные, по мнению авторов, причины снижения эффективности бюджетной деятельности, формулируются выводы, обобщения и предложения по совершенствованию законодательства, регулирующего исследуемые общественные отношения. Особое внимание уделено проблеме исполнения бюджетных расходов в рамках существующей контрактной системы.

Ключевые слова: бюджетный процесс, исполнение бюджета, расходы бюджета, государственный контракт, казначейское сопровождение.

Планомерное и последовательное исполнение бюджета является условием эффективной деятельности государства, позволяет государственным (муниципальным) заказчикам добросовестно исполнять договорные обязательства, обеспечивает социальную и экономическую стабильность. В бюджетном процессе исполнение бюджета – наиболее важная стадия, означающая фактическую реализацию соответствующего закона (решения) о бюджете.

Основу правового регулирования бюджетных расходов составляют нормы гл. 10 БК РФ которая в ст. 72 устанавливает особенности проведения закупок для удовлетворения государственных и муниципальных нужд. Отношения, возникающие в процессе обеспечения потребностей публично-правовых образований (заказчиками выступают субъекты, финансируемые за счет средств соответствующих бюджетов) в товарах, работах и услугах, регулируются Федеральным законом от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд».

Отметим, что правовое регулирование закупочного процесса постоянно совершенствуется. Так, Федеральным законом от 1 мая 2019 г. № 71-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» процесс планирования закупок был существенно изменен. Теперь заказчикам достаточно оформить лишь план-график закупок и не разрабатывать план закупок – отдельный документ, предусмотренный прежней редакцией Закона № 44-ФЗ. Нестабильность законодательства в бюджетной сфере порождает множество проблем как с позиции его практической реализации, так и с точки зрения необходимости приведения его в соответствие с другими нормативными актами.

11 декабря 2019 г. глава Счетной палаты А. Кудрин на встрече с Президентом РФ В. Путиным отметил, что, по прогнозам, федеральный бюджет в 2019 г. будет не исполнен примерно на 1 трлн руб. Такой показатель составил рекордное значение неэффективности исполнения бюджета по расходам и стал худшим результатом за последние 11 лет. А. Кудрин обратил внимание на то, что уровень исполнения бюджета в 2018 г. был выше, хотя и составил 94,5%. При этом федеральная адресная инвестиционная программа была выполнена на 76%.

Примечательно, что такое негативное состояние бюджетного процесса имело место в условиях роста доходной части бюджета в сравнении с плановыми показателями приблизительно на 1%, то есть на 200,9 млрд руб.

По предварительным данным, большая часть неиспользованной суммы – 253,8 млрд руб. – относится к разделу «Национальная экономика».¹ В числе основных подразделов данного раздела общеэкономические вопросы, дорожное хозяйство (дорожные фонды), связь и информатика, топливно-энергетический комплекс, воспроизводство минерально-сырьевой базы, сельское хозяйство, рыболовство и др. Достаточно большое отклонение от планового объема исполнения расходной части касается раздела «Национальная оборона», по которому не израсходовано 236 млрд руб., и «Общегосударственные расходы» с экономией в 232,8 млрд руб. По словам А. Кудрина, «часть незарезервированных средств, отложенных государством на оперативное решение непредвиденных проблем, в размере 234,3 млрд руб. также осталась незадействованной».²

Основным фактором, повлиявшим на неэффективное исполнение расходных обязательств, стало то обстоятельство, что значительный объем бюджетных средств израсходован в последних числах декабря 2019 г., в то время как за весь остальной период 2019 г. средства расходовались незначительно. Такая ситуация

¹ Приказ Минфина России от 8 июня 2018 г. № 132н «О Порядке формирования и применения кодов бюджетной классификации Российской Федерации, их структуре и принципах назначения» // www.pravo.gov.ru.

² Стенограмма встречи В. Путина с главой Счётной палаты Алексеем Кудриным <http://kremlin.ru/events/president/news/62295>.

возникла в связи с отказом значительного числа государственных заказчиков от применения авансовой формы расчетов по государственным контрактам.

Несмотря на кажущуюся рисковость авансирования исполнения обязательств по государственным контрактам, законодательство предусматривает достаточно эффективный механизм обеспечения исполнения – казначейское сопровождение, которое, в свою очередь, является одной из форм казначейского контроля. Данный институт был введен в 2016 г. как способ снижения дебиторской задолженности по авансированным государственным контрактам. Несмотря на сохраняющуюся до настоящего времени фрагментарность его правового регулирования (отсутствие закрепления понятия и механизма осуществления в БК РФ, в Законе № 44-ФЗ и иных правовых актах (исключение – федеральные законы о бюджетах на соответствующие периоды), сложился достаточно успешный опыт реализации авансирования. Так, Приказом Минфина России от 10 декабря 2019 г. № 220н «Об утверждении Порядка осуществления территориальными органами Федерального казначейства санкционирования расходов, источником финансового обеспечения которых являются целевые средства, при казначейском сопровождении целевых средств в случаях, предусмотренных Федеральным законом «О федеральном бюджете на 2020 год и на плановый период 2021 и 2022 годов», определены средства, в отношении которых осуществляется санкционирование, установлены правила взаимодействия получателей бюджетных средств и территориальных органов Федерального казначейства, предоставления сведений об операциях с целевыми средствами и их проверки. Казначейское сопровождение может применяться и как альтернатива обеспечительных мер по государственному контракту.

Практический аспект механизма казначейского сопровождения государственных контрактов обусловлен открытием в органах Федерального казначейства РФ счетов исполнителям по контрактам (юридическим лицам различных организационно-правовых форм, не участвующим в бюджетном процессе), проведением и учетом совершаемых по счетам операций, их санкционированием. Такой механизм централизованных расчетов позволяет держать авансовые платежи по государственным контрактам под контролем государства до момента надлежащего исполнения контрактного обязательства, а потому отказ значительного числа государственных заказчиков от авансовой формы оплаты по контрактам представляется не совсем обоснованным.

Законодательство относит расчеты по исполненным (полностью или в части) контрактам к числу особых мер, предпринимаемых для проведения государственных закупок (п. 2 ч. 1 ст. 94 Закона № 44-ФЗ). Надлежащая оплата – в размере и в форме, согласованной контрактом, – должна быть произведена не позднее предельных сроков, установленных законодательством. Так, денежные средства в счет оплаты должны быть уплачены заказчиком в течение тридцати дней со дня подписания приемочных документов, а для контрактов, исполнителями которых являются специальные субъекты закупочного процесса (субъекты

малого и среднего предпринимательства, некоммерческие социально ориентированные организации), – не позднее пятнадцати дней с даты приемки.

В числе основных причин нарушения сроков оплаты по государственным контрактам можно указать обстоятельства организационного характера. Сложная внутренняя структура организации-заказчика, нелогичное распределение полномочий в сфере контрактной деятельности могут повлечь просрочку по оплате. По общему правилу, установить лицо, на которое возложена ответственность за обеспечение своевременной оплаты по контрактам, можно по результатам анализа положений локальных (корпоративных) актов, должностных инструкций.

Наиболее распространенной причиной просрочки по оплате является отсутствие или недостаточное финансирование заказчика. Обратим внимание, что ответственным за финансовое обеспечение деятельности организации является ее руководитель. При этом вина соответствующего должностного лица презюмируется, если не будет представлено доказательств, подтверждающих, что необходимые и исчерпывающие меры по своевременному и полному финансовому обеспечению организации были приняты. В практическом аспекте действует правило, согласно которому платежные обязательства должны исполняться надлежащим образом, несмотря на условия финансового обеспечения конкретного заказчика [2].

Оговоримся, что неравномерность исполнения расходов бюджета 2019 г. не является новым для бюджетного процесса явлением. Во многом причиной этого стал переход к так называемому «программному бюджетированию», то есть к методу программно-целевого формирования бюджета. Одно из условий реализации подобной конструкции – необходимость детального обоснования расходов (на основании утвержденных нормативов) на стадии планирования бюджета [1].

Полагаем, сложившаяся ситуация подтверждает низкую эффективность действующей системы правового регулирования государственных (муниципальных) закупок и, как следствие, снижение эффективности исполнения расходной части бюджета. Несмотря на многократное внесение изменений в Закон № 44-ФЗ, необходимость дальнейшего совершенствования закупочного процесса признается как исследователями, так и непосредственными участниками закупок. Отметим, что последние изменения в Закон № 44-ФЗ внесены Федеральным законом от 27 февраля 2020 г. № 27-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Указанными изменениями п. 6, 7 и 9 ч. 2 ст. 1 дополнены словами «при проведении всенародного голосования». Таким образом, новая редакция исключит возможность применять Закон № 44-ФЗ к отношениям, возникающим не только в связи с проведением выборов и референдума, но и в процессе всенародного голосования по поправкам в Конституцию РФ, которое предварительно назначено на 22 апреля 2020 г. С правовой позиции примечательно, что действие дополнений ограничено по сроку – до 30 июня 2020 г. включительно.

Кроме того, ч. 1 ст. 93 дополнена пунктом 30.1 следующего содержания: «осуществление закупки для нужд субъектов Российской Федерации, муниципальных нужд товаров, работ, услуг для подготовки проведения общероссийского голосования». Данное дополнение позволит субъектам РФ и муниципальным образованиям удовлетворить потребность в товарах, работах и услугах, необходимых для обеспечения процесса подготовки к общероссийскому голосованию посредством закупки у единственного поставщика (то есть неконкурентным способом). Очевидно, необходимость новой редакции обусловлена актуальными потребностями, но она не решает проблему забюрократизированности контрактной системы.

Возвращаясь к основной теме статьи, отметим, что, по мнению многих исследователей, низкое исполнение расходной части бюджета по итогам 2019 г. обусловлено исключительно нормативно-правовым закреплением «неудобного» порядка расчетов по исполненным публичным контрактам. Такого же мнения придерживается глава Федерального казначейства Р. Артюхин. Он считает, что в прежние периоды стопроцентное исполнение бюджета достигалось техническими действиями заказчиков, авансирующих исполнение контрактов. Такие действия также создавали негативные последствия в виде значительных по объему дебиторских задолженностей. Современное правовое регулирование государственных закупок позволяет предоставить юридическому лицу межбюджетную субсидию или аванс исключительно по возникшим денежным обязательствам. То есть кассовое исполнение бюджета теперь отражает реальные расходы, которые несут получатели средств. По мнению Р. Артюхина, необходимо признать повышение качества исполнения бюджета, что подтверждается снижением остатков неиспользуемых средств на счетах региональных бюджетов. В прежние периоды сумма таких остатков значительного количества регионов достигала 300–400 млрд руб., а сейчас – 3 млрд руб. В таком контексте можно говорить не о низкой эффективности исполнения расходов бюджета, а о более объективной и достоверной оценке. То есть фактическое исполнение расходов бюджета, в том числе в части платежей по государственным контрактам, является достаточно эффективным, но существующий механизм расчетов не позволяет осуществить оплату по надлежаще исполненным контрактам в текущем финансовом году.³

Премьер-министр России М. Мишустин заявил, что в 2020 г. в бюджете предусмотрено около 4,6 трлн руб. на госконтракты. По предварительным данным, на конец февраля 2020 г. исполнение расходной части бюджета по данному направлению составляет около 10%, а с учетом реализованной части национальных проектов – приближается к 12%.⁴

³ Весной ожидаются результаты проверки по итогам доклада Кудрина // <https://www.gazeta.ru/business/2020/02/20/12967969.shtml>.

⁴ Подробнее на РБК: <https://www.rbc.ru/economics/17/12/2019/5df8ec3f9a79479d944631ac>.

В связи с изложенным, полагаем, что необходимо дальнейшее совершенствование правового регулирования расходов бюджета в целом и практики осуществления государственных (муниципальных) закупок в частности. Следует ввести в БК РФ легальную категорию «казначейское сопровождение», под которой мы предлагаем понимать деятельность по открытию Федеральным казначейством РФ казначейских счетов, осуществлению и учету совершенных по счетам операций исполнителям по государственным контрактам различных организационно-правовых форм, информированию заказчиков о совершенных операциях и их санкционированию.

Также считаем, что, несмотря на специальный механизм планирования и осуществления (в соответствии с финансовым годом...) расходов бюджета, государственным заказчикам следует более активно использовать поэтапную оплату исполненных контрактов и авансирование. Снижение объема платежей, проводимых в заключительном периоде (окончание четвертого квартала) текущего финансового года, позволит своевременно осуществлять оплату по контрактам, и, как следствие, повысить исполняемость расходов бюджета. Предлагаем расходы бюджета по оплате государственных контрактов отчетного финансового года, акты приемки по которым в связи с надлежащим исполнением обязательств были подписаны до 31 декабря отчетного финансового года, а оплата осуществлена в текущем финансовом году с учетом нормативных сроков осуществления расчетов, учитывать в сумму расходов бюджета отчетного финансового периода.

Библиографические ссылки

1. Антропова Т.Ю. Эффективность бюджетных расходов, или Камо грядеши? // Руководитель бюджетной организации. 2013. № 11. С. 47-49.
2. Лобанова О.Л. Нарушение сроков оплаты: последствия для заказчиков // Руководитель бюджетной организации. 2019. № 7. С. 26-29.

Дата поступления: 25.02.2020

ON IMPROVING THE EFFICIENCY OF BUDGET EXPENSES

ARUTYUNYAN Marina Samvelovna

Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, Assistant Professor of the Chair of Financial and Environmental Law of the Institute of Law of the Bashkir State University, Ufa, Russia. E-mail: marina.arochka@mail.ru

HISMATULLIN Oliver Yurievich

Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, Assistant Professor of the Chair of Financial and Environmental Law of the Institute of Law of the Bashkir State University, Ufa, Russia. E-mail: tekwin@mail.ru

Preliminary review of the 2019 Federal budget execution necessitates not only the adoption of adequate administrative measures to improve the budget process, but also generates some scientific interest to this issue. The article considers the most significant, in the authors' opinion, reasons for reducing the effectiveness of budget activities, and the article formulates conclusions, generalizations, and suggestions for improving legislation regulating social relations under study. Particular attention is paid to the execution of budget expenses within the existing contract system.

Key words: budget process, budget execution, budget expenses, state contract, treasury support.

References

1. Antropova T.Yu. Effektivnost' byudzhetykh raskhodov, ili Kamo gryadeshi? (Efficiency of budget expenses, or *Quo vadis?*). *Rukovoditel' byudzhetnoy organizatsii*, 2013, No. 11, pp. 26-29.
2. Lobanova O.L. Narusheniye srokov opłaty: posledstviya dlya zakazchikov (Violation of payment terms: consequences for customers). *Rukovoditel' byudzhetnoy organizatsii*, 2019, No. 7, pp. 26-29.

Received: 25.02.2020

ЮРИДИЧЕСКАЯ НАУКА И ОБРАЗОВАНИЕ

LEGAL SCIENCE AND EDUCATION

УДК 340.5. 378

DOI: 10.33184/pravgos-2020.1.12

КАЧЕСТВО ЮРИДИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В СТРАНАХ БРИКС

ВИННИЧЕНКО Олег Юрьевич*доктор юридических наук, профессор кафедры теории государства и права и международного права Института государства и права ФГАОУ ВО «Тюменский государственный университет», г. Тюмень, Россия.**E-mail: o.y.vinnichenko@utmn.ru***ГЛАДУН Елена Федоровна***кандидат юридических наук, профессор кафедры государственного и муниципального управления Института государства и права ФГАОУ ВО «Тюменский государственный университет», г. Тюмень, Россия. E-mail: e.f.gladun@utmn.ru*

Актуальность темы настоящей статьи объясняется переходным состоянием высшего юридического образования в современном мире, важностью поиска его нового предназначения, определением места и роли юридической профессии в изменяющемся мире. Авторы отмечают, что качество высшего юридического образования – одна из насущных проблем каждого из государств блока БРИКС, и проводят сравнительный анализ качества юридического образования в странах БРИКС. Несмотря на обилие научной литературы, посвященной изучению высшего образования в целом и юридического образования в отдельных странах БРИКС, исследователями до настоящего времени не проводился комплексный сравнительный анализ качества подготовки юридических кадров в системе образовательных учреждений Бразилии, России, Индии, Китая и ЮАР. Авторам удалось выявить общие и особенные черты подготовки юридических кадров в странах БРИКС. Их объединяет: глобальное влияние американской системы образования, «взрывной» рост популярности юридического образования, острая необходимость реформирования качества образовательного процесса, растущая дифференциация учебных заведений на «элитные» и «массовые», причем с особой ролью каждого типа университетов в обществе. К особенностям юридического образования Бразилии, России, Индии, Китая и ЮАР следует отнести национальную специфику структуры образовательных учреждений и субъектов контроля качества образовательных услуг, специфическое решение проблемы заимствования чужого образовательного опыта и попытки самоидентификации в мировом образовательном пространстве. Проблемы юридического образования исследовались в динамике за последние 20 лет как комплексные (сложносостав-

ные). В качестве выводов авторы предлагают результаты сравнительно-правового анализа системы качества высшего юридического образования. В частности, отмечается ведущая роль государства в регламентации требований к содержанию образовательного процесса и компетенций юриста; возрастающая роль работодателей, общественных организаций и самих студентов в процессе установления требований к юридическим вузам. Полученные результаты исследования могут быть использованы как в научных изысканиях, так и в практике реформирования юридического образования стран БРИКС.

Ключевые слова: качество юридического образования, БРИКС, сравнительно-правовой анализ, реформирование образования.

Введение.

Проблема качества юридического образования достаточно актуальна для всех государств мира, особенно в контексте действующих процессов глобализации. Внутри развивающихся государств происходят существенные изменения в структуре и качестве юридических услуг, требуется профессиональное юридическое сопровождение новых экономических и социальных процессов, в том числе: развития новых бизнесов, изменений социальной структуры населения; развития цифровой экономики и интернет-технологий; изменений в политической жизни и проч. Интернационализация же, в свою очередь, создает спрос на новые виды юридической деятельности. Поэтому реформирование системы юридического образования в высших учебных заведениях становится составной частью новых образовательных трендов в мире [1].

В полной мере эти процессы актуальны и для стран БРИКС. Все члены БРИКС – развивающиеся или новые индустриальные страны. Они отличаются ускоренным экономическим развитием и имеют значительное региональное, а в отдельных случаях и мировое влияние, несмотря на снижение темпов их экономического развития с 2015 года [2]. Помимо интенсивных экономических изменений, в каждой из стран БРИКС формируются новые модели международного сотрудничества, безопасности, экологических отношений, культурные и гуманитарные взаимосвязи. В этих условиях успешному юристу следует обладать не только базовыми юридическими навыками и знаниями собственной национальной правовой системы, но и хорошо ориентироваться в международном праве, понимать процессы, происходящие в бизнесе, науке, уметь ориентироваться в глобальных видах юридической деятельности.

Как справедливо отмечал профессор Московского государственного университета Д.Я. Малешин: «Преподаватели и студенты во всем мире ощущают изменения, причиной которых являются активное реформирование и пересмотр традиций и устоявшихся методик. Прежние подходы не отвечают существующим потребностям, и в настоящее время происходит их трансформация. Это свидетельствует о переходном состоянии высшей юридической школы, о поиске ее нового предназначения, места и роли в изменяющемся мире» [3, с. 30].

Совершенствование процесса качества образования представляет из себя непрерывную динамичную деятельность по формированию ответов на современные вызовы изменяющегося внутригосударственного и мирового пространства, что в полной мере характерно и для каждой из стран БРИКС.

Следует заметить, что цели и задачи системы юридического образования в каждой из стран БРИКС разнятся. В свою очередь, именно цели формирования юридической профессии и являются основой, на которой строится образовательный процесс юридических вузов и формируются представления об элементах качества. Цели и задачи юридического образования в конкретном обществе определяются не только потребностями в юридических кадрах определенной квалификации (специализации), но связаны также и с особенностями исторического развития страны.

Так, большую роль в формировании бразильского права сыграла юридическая культура бывшей метрополии – Португалии. Близость и экономическое могущество Соединенных Штатов Америки обеспечили широкое распространение американской модели адвокатской практики, ориентированной на международную кооперацию и ведущую роль крупных юридических корпораций в бизнесе. Индия, будучи долгое время колонией Соединенного Королевства Великобритании, унаследовала от нее особенности правовой системы, где важным источником права был прецедент (судебное решение) и сложную многоуровневую структуру юридического образования. В этих условиях и формировалась базовая модель юриста – адвокатская деятельность, как правило в рамках семейного бизнеса, носящая саморегулируемый характер, с обязательным членством в профессиональных ассоциациях адвокатов. С 1950-х годов (после получения независимости государства) юридическое образование в Индии в некоторой степени реформируется и формализуется [4, р. 11-12].

Россия и Китай имеют много общего в контексте наиболее распространенных представлений о юридической профессии. Право, как регулятор общественных отношений, в обеих странах всегда играло особую роль. Приоритет юридического образования в этих странах отдается направлению подготовки государственного служащего, который выполняет различные виды юридической деятельности [4, р. 34].

Основной предпосылкой, формирующей действующую систему и качество высшего юридического образования в Южной Африке, стало разделение образовательных университетов в соответствии с их расовым назначением, что сложилось при апартеиде. Качество высшего образования, в том числе юридического, имело существенные отличия в университетах разного типа [5, р. 355-358]. Изменение политического режима (с 1994 г.) привело к необходимости преобразования юридического образования в «справедливую и эффективную систему, существующую на принципах законности, доступности, доверия со стороны народа, и отражающую ценности цивилизованного и демократического общества» [6, 463].

Сравнительный анализ качества юридического образования в странах БРИКС.

Прежде чем вести речь о качестве юридического образования в конкретных странах, проводить сравнительный анализ, необходимо вычленив параметры этого сравнения. Методика проведения подобного исследования достаточно хорошо разработана в научной литературе [7, с. 167-175] и будет заключаться в сопоставлении стандартов качества: установлении источников стандартизации, уровня и степени регламентации в содержании образовательного процесса, степени обязательности стандартов качества юридического образования и субъектов контроля.

Стандарты качества в каждой отдельной стране обладают спецификой и реализуются в условиях самобытных национальных правовых систем. Это означает, что Бразилия, Россия, Индия, Китай и ЮАР имеют каждая собственную конфигурацию субъектов, устанавливающих стандарты качества, специфические аспекты регламентации в содержании образовательного процесса, а также особенности в контроле за исполнением стандартов качества юридического образования. Нашей задачей будет выяснить не только эти особенные черты, но и понять то общее, что имеется в странах БРИКС в области качества образования.

Так, например, в отличие от Индии и Бразилии, государственные органы Китая и России являются практически единственными субъектами, которые определяют образовательную политику в сфере высшего юридического образования. Соответственно, в зависимости от смены политического курса руководства этих стран меняются и целевые установки в подготовке будущих юристов. Российское юридическое образование и наука по ряду причин до сих пор носят закрытый характер, в отличие от Китая, Бразилии, ЮАР, где имеется открытость образовательной системы мировым достижениям и наука развивается в контексте мировых трендов.

Если говорить об общих тенденциях развития высшего юридического образования в странах БРИКС, то в первую очередь следует отметить нацеленность на подготовку профессиональных юристов, что предполагает наличие необходимых компетенций у выпускников вузов и формальной определенности данного факта в дипломе о высшем юридическом образовании. Это, в свою очередь, является необходимым условием для допуска к определенным видам юридической практики (адвокатской, судейской и проч.). Для всех стран БРИКС общим является также и то, что высшее юридическое образование приобретает массовый характер, и как следствие, выпускаются специалисты с широкими компетенциями, в том числе и общеобразовательными. Они находят применение своих знаний не только в юридической профессии, но и в других видах профессиональной деятельности. Соответственно, получение качественного юридического образования не всегда является целью обучающихся.

Еще одна общая черта юридического образования блока БРИКС, связанная в значительной степени с расслоением в обществе по материальному поло-

жению, – это разделение юридических вузов (факультетов) на «элитные», обучение в которых могут себе позволить далеко не все желающие, и «все остальные вузы». Особенно это разделение характерно для ЮАР. Соответственно, можно вести речь о различии в целях их образовательной деятельности и качестве предоставляемого юридического образования.

Индия: самоуправление юридических вузов.

Традиционно в Индии решающее мнение в определении стандартов юридического образования было за Советом адвокатов Индии (the Bar Council of India – BCI). Он работает под председательством судьи Верховного Суда Индии (the Judge of the Supreme Court) и представляет собой высший профессиональный орган индийских адвокатов на национальном уровне. В соответствии с Законом об адвокатах 1961 года (the Advocates Act, 1961) BCI обязан осуществлять контроль над юридическим образованием в стране и устанавливать минимальный уровень стандартов юридического образования при консультациях с университетами Индии [8, р. 53-54; 9, р. 131-134]. Для регулирования образовательного процесса в юридических школах страны BCI создал специальный орган – Комитет по правовому образованию (the Legal Education Committee). Решения этих органов для вузов носят в значительной степени рекомендательный характер, определяя минимальный уровень стандартов и предоставляя большую долю самостоятельности в перечне курсов и их содержания самим юридическим школам. Вместе с тем, все университеты страны, подчиняясь указаниям BCI, в 1962 году перешли от двухлетней к трехлетней программе в области юридического образования [9, р. 135-136]. Здесь срабатывает рыночный механизм: в случае неподчинения этим требованиям учебные заведения утрачивают конкурентоспособность с другими вузами и вынуждены сокращать набор студентов.

Важным органом, влияющим на образовательную политику Индии, является созданная в 1956 году на общественных началах Комиссия по университетским грантам (the University Grants Commission – UGC). Функции UGC не ограничиваются только предоставлением грантов на обучение и координацией в их расходовании, но она также несет ответственность за формирование стандартов юридического образования и должна обеспечивать их реализацию. Комиссия имеет право рекомендовать любому университету меры, необходимые для реформирования и совершенствования образовательного процесса, консультировать о путях выполнения этих рекомендаций [10, р. 141-142].

Необходимо отметить распределение ответственности за качество юридического образования Индии между Советом адвокатов Индии (BCI) и Комиссией по университетским грантам (UGC). Именно консультативные отношения между этими общественными органами составляют основу регулирования образовательных стандартов. Деятельность BCI и UGC, в свою очередь, всегда остается под надзором, высшей координацией Верховного Суда Индии, который зачастую отменяет или изменяет их решения в судебном порядке в целях соблюдения прав человека и поддержания единообразия стандартов [11, р. 141-142].

Создание премьер-министром Индии в 2005 году нового государственно-общественного органа, Национальной комиссии по правовым знаниям (National Knowledge Commission – NKC), знаменовало собой новый этап реформ в системе высшего юридического образования. В целях содействия университетам по разработке и дизайну учебных курсов с 2010 года при BCI работает Комитет по разработке учебных программ (the Curriculum Development Committee – CDC), и в этом же году была создана Дирекция юридического образования (the Directorate of Legal Education – DLE). Она осуществляет администрирование непрерывного юридического образования, повышение квалификации преподавателей и прочее. В 2008 году была введена индийская система аккредитации и рейтинга юридических вузов. На основе критериев, выработанных и согласованных общественными профессиональными органами юристов Индии, периодически составляется рейтинг учебных заведений и осуществляется либо предоставление, либо отзыв разрешения на ведение образовательной деятельности по подготовке юридических кадров [12, р. 164-166]. Речь опять же идет о соответствии минимальным требованиям к организации учебного процесса, к содержанию программ обучения, наличию библиотек, Интернета и другим условиям обучения.

Качество юридического образования в содержательном аспекте соотносится с проблемой баланса между теорией и практикой. С целью ориентации учебного процесса на получение опыта практической работы, приобретения студентами необходимых для юриста компетенций, Совет адвокатов Индии в октябре 2009 года установил обязательным аккредитационным требованием для колледжей и вузов страны наличие Центров юридической помощи (студенческих юридических клиник) [13, р. 326]. Они достаточно быстро завоевали доверие у преподавательского состава учебных заведений и населения Индии, несмотря на то, что это была в своей основе заимствованная из США методика подготовки юристов. Опыт работы индийских юридических клиник обобщается в национальных исследованиях и успешно распространяется на всю страну [14]. При большом количестве социально неблагополучных граждан в Индии клиники обеспечили бесплатную юридическую помощь для нуждающихся, а также приобщали студентов к идеям взаимодействия социальной справедливости и закона. Интересно, что все страны БРИКС достаточно интенсивно используют эту форму в образовательном процессе при подготовке будущих юристов [15, р. 119-123; 16].

Важным элементом контроля качества юридического образования в Индии является всеиндийский экзамен для выпускников юридических школ (All India Bar Examination), без успешной сдачи которого они не допускаются к самостоятельной юридической практике.

Несмотря на большие усилия государственных и общественных органов Индии в повышении качества юридического образования, так и не были достигнуты целевые установки по интернационализации образовательного процесса и юридической практики, по изменениям парадигмы образовательной деятельности в части творческой, исследовательской составляющей, а также унификации

требований и контроля. Современным вызовам, требованиям к юридическому образованию отвечают лишь немногие, ориентированные на американскую образовательную модель, из 1000 действующих юридических школ страны [17, р. 432-449]. В этом отношении можно согласиться с мнением независимого эксперта: «Качество юридического образования в Индии является национальной проблемой; попытки решить ее с помощью создания многочисленных комиссий, органов и других, контролирующих организаций, не имели особого эффекта. Комиссии (НКС, ВСИ и другие) взаимодействуют между собой с целью улучшения качества преподавания, увеличения доли исследований, скорейшей интернационализации юридических факультетов. Однако состояние индийской юридической профессии остается фактически прежним – преимущественно индивидуальный или семейный бизнес, практика в местных судах и недопущение иностранных юристов в Индию. В больших городах есть несколько «крупных» юридических фирм, занимающихся корпоративной работой. Но опыт семейных династий до сих пор играет важнейшую роль при определении правовых компетенций и качества юридического образования».

Бразилия: растущий спрос и контроль.

Ассоциация адвокатов Бразилии (Brazilian Bar Association – OAB), общественный орган самоуправления юристов, выполняет важную функцию в регулировании вопросов юридического образования страны. Однако, в отличие от Индии, ключевым игроком здесь является государство. Именно государство в лице Министерства образования утверждает обязательные по всей территории страны образовательные программы, основные условия образовательной деятельности для частных и государственных юридических школ. Это нормативно закреплено в Законе о руководящих принципах образования (Education Guidelines Act – Act №. 9,394/96) [18, р. 193]. Учебные программы юридических курсов регулируются Национальным Советом по вопросам образования (the National Education Council), который является органом Министерства образования. Государственный стандарт юридического образования, прописанный в этих программах, содержит лишь основные (минимальные) требования к образовательному процессу. Перечень учебных дисциплин и их содержание должны определять сами учебные учреждения.

Ассоциация адвокатов Бразилии, в свою очередь, выступает в роли основного организатора Бразильского экзамена для адвокатов (the Brazilian Bar Exam). Подавляющее большинство юридических школ Бразилии ориентированы на подготовку своих выпускников к успешной сдаче этого экзамена, а не к развитию профессиональных компетенций юриста в условиях быстрых трансформаций международных и внутригосударственных отношений.

Контроль качества юридического образования Бразилии осуществляется также в ходе Национального экзамена по оценке успеваемости студентов (National Exam for the Assessment of Student Performance – ENADE). Он представляет собой обязательное для всех выпускников высших учебных заведений

испытание, в ходе которого студенты должны показать необходимый минимум знаний, умений и навыков будущей профессиональной деятельности.

В результате анализа сложившейся ситуации с качеством образования государственные органы страны вынуждены были провести консультации с Ассоциацией адвокатов Бразилии, которая разработала и внедрила минимальный стандарт качества для высших юридических учебных заведений. Из почти 1200 проверенных юридических курсов в стране только 84 (около 7% от общего числа) в 2015 году были признаны достойными получения сертификата Ассоциации (OAB Recomenda certificate) [18, p. 194].

Определенные усилия по повышению качества юридического образования были предприняты органом Министерства образования – Национальным Советом по вопросам образования (the National Education Council), а также Национальным институтом образовательных исследований и разработок «Anísio Teixeira» (The National Institute for Educational Studies and Research «Anísio Teixeira»), который имеет статус научно-исследовательского агентства.

Достаточно интересен опыт бразильских общественных институтов по контролю качества юридического образования. Национальный институт образовательных исследований и разработок «Anísio Teixeira» (INEP), газета одного из бразильских мегаполисов Сан-Паулу «Folha de São Paulo», престижный бразильский журнал «Guia do Estudante» разработали и внедрили собственные рейтинги юридических учебных заведений, которые проводят ежегодно. Они включают в себя показатели результатов образовательной деятельности и условий обучения: рыночное восприятие курсов (на основе опросов работодателей), инфраструктура (объекты, ресурсы), преподавательский профиль (степень, учебная нагрузка, результаты научных исследований), успеваемость студентов на ENADE, успешность трудоустройства выпускников вузов и прочее. Эти рейтинги позволяют определить на основе деятельности независимых экспертов реальное положение дел с качеством подготовки специалистов, а также выявить лидеров среди юридических школ страны. В соответствии с информацией из рейтингов, абитуриенты ориентируются на поступление в наиболее престижные вузы, а работодатели, в свою очередь, выстраивают собственную шкалу предпочтений по уровню подготовки для выпускников тех или иных юридических школ.

В ходе реализации политики повышения качества образования университеты в Сан-Паулу и Рио-де-Жанейро кардинально изменили программы и методику преподавания дисциплин с целью формирования передовых компетенций у бразильских юристов нового поколения, ориентированных на бизнес-практику и глобальный стиль юридической деятельности. Вновь созданные программы непрерывного юридического образования (Continuing Legal Education Programs) получили достаточно широкое распространение в профессиональной среде бразильских юристов, обеспечивая необходимыми навыками и опытом работы уже действующих специалистов. Наряду с этими новшествами, престижные юриди-

ческие фирмы Бразилии стали широко практиковать программы, корпоративные курсы по подготовке собственного персонала (in-house training).

Несмотря на значительные усилия государственных и общественных органов страны по контролю за качеством юридического образования, в среде юридической общественности Бразилии сформировалось устойчивое мнение о несоответствии большинства юридических школ новым вызовам при использовании традиционных учебных планов и устаревших методик в подготовке будущих юристов: «Корпоративным юридическим фирмам и транснациональным корпорациям требуются юристы не просто с базовыми юридическими навыками, а знающие фронтальные области корпоративного и международного экономического права, знакомые с международной правовой практикой и пониманием основ бизнеса. Бразильские юридические школы не готовят специалистов, отвечающих этим требованиям. За небольшими исключениями, существующие юридические вузы сопротивляются глобальным трендам и необходимым изменениям. Несмотря на открытие в стране новых юридических учебных заведений, имеющих своей целью соответствовать глобальным тенденциям, они зачастую предоставляют массовое юридическое образование низкого качества, копируют традиционные учебные программы и сосредоточены лишь на подготовке студентов к экзамену в адвокатуре. Лишь несколько юридических школ в Рио де Жанейро и Сан-Паулу внедрили инновационные программы по юриспруденции для бакалавров и занимаются глобальными проблемами, основная же масса высших учебных заведений юридического профиля не может удовлетворить новые потребности» [18, р. 30].

Необходимо отметить, что даже традиционные юридические школы Бразилии выполняют важную социальную функцию: обеспечивают доступность высшего юридического образования для широких слоев населения. Это происходит во многом за бюджетные деньги и с отсутствием перспективы карьерного роста в юридической профессии для выпускников подобных учебных заведений. Скорее всего, традиционная модель юридического образования, которая существует одновременно с передовыми вузами, отвечает потребностям и ожиданиям в бразильском обществе. Этот феномен является проявлением быстро развивающегося бразильского социума, который не так давно обрел свою независимость.

Россия: «расцвет» юридического образования.

Развитие юридического образования в России отражает цели и задачи развития самого государства, в том числе и политические. Начиная с 1990-х годов в России происходил «расцвет» высшего юридического образования, которое сопровождало становление нового демократического государства. В 1980–1990-х годах система высшего образования России включала около 500 государственных вузов. В последующие годы, во многом из-за появления частных высших школ, количество вузов стало стремительно расти. На протяжении 20 лет (1990–2010 гг.) ежегодная численность студентов в российских вузах возросла с 2,8 млн до 7 млн [19, с. 8]. Юриспруденция среди направлений подготовки по

популярности занимала одно из первых мест. Юридическое образование в это время выступало как способ зарабатывания денег в условиях ограниченного государственного финансирования высших учебных заведений. Юридические факультеты открывались массово не только в классических университетах, но и в непрофильных вузах – инженерных, аграрных, военных и прочих. При острой нехватке педагогических кадров юридические дисциплины зачастую преподавали вчерашние полицейские или педагоги, совмещающие работу одновременно в 3-5 вузах. В результате этого уже в начале 2000-х годов проблема качества юридического образования широко обсуждалась в среде юридической общественности страны [20, с. 47-52; 21, с. 131-134].

Необходимость реформирования сферы образования была зафиксирована в большом перечне нормативных государственных актов, намечены пути трансформаций, в том числе – и в повышении качества образовательного процесса [22; 23; 24; 25; 26]. Здесь были определены основные направления в государственной образовательной политике. В последние годы существенным образом обновлена сеть вузов, не вошедших в число федеральных и национальных исследовательских университетов, предотвращен бесконтрольный рост коммерческих школ и вузов, занятых «продажей знаний». Намечены перспективы модернизации содержания российского юридического образования, использования новых образовательных технологий, расширения экспорта российских образовательных услуг. Особое внимание было уделено государственному и общественному контролю за деятельностью образовательных учреждений всех форм собственности, определены стандарты качества предлагаемого образования.

Государственная политика в сфере качества образования юридических вузов была конкретизирована в межведомственных программах развития юридического образования, утвержденных постановлениями Министерства образования и науки РФ [27; 28]. Актуализация требований к образовательным услугам российских юридических вузов для направления подготовки «Юриспруденция» была достаточно подробно проведена в нескольких Федеральных образовательных стандартах, утвержденных соответствующими приказами Минобрнауки. Если кратко дать характеристику основной тенденции здесь, то необходимо отметить расширение самостоятельности вузов в объеме, содержании и порядке реализации учебных дисциплин при ужесточении контроля качества (государственного и общественного) [29].

Государственные органы власти в Российской Федерации (Министерство науки и высшего образования) являются основными субъектами регулирования образовательной деятельности, а соответственно, и стандартов качества юридического образования. Лицензирование образовательной деятельности осуществляется Федеральной службой по надзору в сфере образования и науки (Рособрнадзор), которая решает, в том числе, и вопрос с государственной аккредитацией высших учебных заведений.

Профессиональные органы самоуправления юридической общественности имеются во всех странах БРИКС, в том числе и в России, где с 2005 года работает Ассоциация юристов России (АЮР), объединяющая профессиональных юристов страны. Указом Президента Российской Федерации «О мерах по совершенствованию высшего юридического образования в России» от 26 мая 2009 года предусматривалось привлечение АЮР с целью повышения качества программ высшего профессионального образования, усиления контроля за деятельностью высших образовательных учреждений, готовящих юридические кадры. В рамках организации были созданы специальные органы: Комиссия Ассоциации юристов России по общественной оценке качества юридического образования, Экспертный центр Ассоциации юристов России по оценке качества и квалификаций в области юриспруденции и Комиссия по юридической науке. В отличие от государственной аккредитации, основанной на формальных критериях, общественная аккредитация базируется на неформальных оценках деятельности и проводится преподавателями-практиками, изнутри знающими проблемы современной высшей школы и способными оценить востребованность выпускников того или иного вуза. Это – своеобразное общественное мнение о конкретном вузе. В настоящее время разработаны Положение об общественной аккредитации, Показатели и критерии оценки образовательных учреждений высшего юридического образования. За период с 2011 по 2017 гг. было проведено обследование и аттестовано Ассоциацией юристов России 170 из 1200 вузов с юридическими специальностями. В последние годы АЮР изменила порядок общественной аккредитации: вместо аккредитации вуза в целом, эту процедуру проходят образовательные программы (бакалавриата, магистратуры, специалитета) [30]. Прохождение общественной аккредитации – дело добровольное, но весьма влияющее на результат государственной аккредитации. Несмотря на общественный характер АЮР, государственное начало здесь весьма заметно: возглавляет АЮР государственный чиновник с большим чиновничьим стажем (ветеран спецвойск МВД, в прошлом – министр юстиции РФ, министр внутренних дел РФ).

Одновременно с АЮР в России действует и другая общественная организация, деятельность которой в большей степени носит академический характер, – Ассоциация юридических вузов. Основная цель – координация образовательной и научной деятельности юридических вузов России [31].

Качественно новым этапом в образовательной политике российского государства следует считать 2012 год. Указом Президента РФ «О мерах по реализации государственной политики в области образования и науки» от 7 мая 2012 года устанавливалось требование к российским вузам о вхождении к 2020 году не менее пяти российских университетов в первую сотню ведущих мировых университетов согласно мировому рейтингу университетов. В соответствии с этими установками, была запущена Федеральная программа «5-100», которая предусматривала на основе конкурсного отбора формирование элитной группы рос-

сийских вузов для их государственной поддержки с целью вхождения в мировые рейтинги. В 2015 году группа университетов «5-100» включала 21 вуз [32].

В настоящее время в качестве одного из инструментов независимой оценки эффективности и качества высшего образования довольно широко используются рейтинги вузов. В России, кроме трех наиболее авторитетных международных рейтингов, имеют хождение: национальный рейтинг качества преподавания в вузах (Round University Ranking – RUR), Национальный рейтинг университетов (НРУ), рейтинг агентства RAEX, Московский международный рейтинг вузов.

Необходимо отметить, что результатом подобного политического курса в образовательной политике является растущий процесс дифференциации высших учебных заведений на «элитные» с высоким качеством образования и «массовые», которые удовлетворяют потребность основной части населения в получении высшего образования при незначительном качестве образовательных услуг.

Китай: следование политическому курсу государства.

Высшее юридическое образование Китайской Народной Республики имеет достаточно четкую структуру, регламентируется государственными органами и создано по американскому образцу. Качество юридического образования в КНР, равно как и в России, контроль за качественными характеристиками образовательной деятельности, целиком зависят от колебания политического курса этого государства в образовательной сфере. Период с 1990 – до начала 2000-х годов для Китая, как и для России, характеризовался бурным развитием высшего юридического образования. Количество юридических факультетов Китая с 1990 г. по 2006 г. увеличилось в шесть раз (с 100 до 600). Более чем в шесть раз возросла и численность выпускников китайских юридических вузов (с 31 500 в 1999 г. до 208 000 в 2008 г.).

Основные требования к содержанию и качеству высшего юридического образования в КНР, также как и в России, устанавливают органы власти государства (Министерство образования и Министерство юстиции).

Взаимодействие министерств в Китае происходит следующим образом: Министерство юстиции контролирует подготовку магистров юриспруденции, в то время как Министерство образования несет ответственность за обучение по всем остальным степеням. При взаимодействии данные органы соперничают между собой за сферы контроля в образовательной деятельности [1, с. 23]. Эта ситуация весьма похожа на то, что происходит в образовательном менеджменте Индии: распределение ответственности за качество юридического образования между Советом адвокатов Индии (BCI) и Комиссией по университетским грантам (UGC). Только в Китае это распределение происходит между государственными органами исполнительной ветви власти. Ряд китайских учебных заведений находится под управлением местных органов власти (local governments).

В Китае существуют и общественные организации, контролирующие качество юридического образования – это Всекитайская ассоциация юристов (All

China Lawyers Association – ACLA), Китайское юридическое общество (the China Law Society – CLS), а также созданный в 2010 году с целью сотрудничества между юридическими школами Правовой Альянс (the Legal Alliance). ACLA был основан в 1986 году и представляет из себя профессиональный общественный орган юристов, некий аналог ассоциаций адвокатов в Индии и Бразилии (the Bar Association). CLS – это общественный орган академической (научно-педагогической) общественности, созданный в 1982 году [33]. Все эти организации китайских юристов действуют на общественных началах и имеют весьма ограниченные возможности влияния как на государственную политику в сфере образования, так и на контроль качества в юридических школах Китая. Они действуют в поле возможностей, определенных для них государственными органами Китая [34].

Китай, также как и Российская Федерация, взял на себя обязательство воплотить в жизнь основные принципы Болонского процесса, что означало необходимость изменения структуры высшего образования и ориентацию на общеевропейские образовательные ценности, реализацию социальной роли высшего образования, его доступности для населения. В связи с этим, в стране начали внедрять государственные программы, стимулирующие вхождение университетов в первую сотню рейтингов ведущих мировых университетов несколько раньше России. В Китае национальные образовательные проекты «211» (1995 г.) и «985» (1998 г.) выступили в качестве легальной основы и стимула для бурного роста высших образовательных учреждений по подготовке будущих юристов [34, с. 350].

Уже в 2018 году пять китайских университетов вошли в топ 100 рейтинга QS World University Rankings, в то время как лучший из российских (Московский госуниверситет) – лишь на 250-м месте [35]. По сути дела речь идет о вынужденном копировании американско-британской модели университета. Эта модель выступает в роли стандарта качества, и именно ее поддерживают международные рейтинговые агентства [36, с. 30]. Таким образом, государственные органы Китая ориентируют вузы на трансформацию в исследовательские университеты «мирового класса».

Разделение университетов на «элитные» и «массовые» еще более показательно в Китае, хотя в целом характерно и для всех остальных стран БРИКС. В 2011 г. Центральный Комитет по вопросам политики и права партии и Министерство образования Китая определили новое направление образовательной политики страны, суть которой – в создании нового механизма оценки юридических образовательных учреждений. Новая образовательная политика получила название «программа обучения выдающимся юридическим талантам» (outstanding legal talent training program) [34, р. 371-376]. В связи с внедрением этой программы учебные заведения, готовящие юридические кадры, подразделяются на три группы: 1) вузы, которые обучают элитных студентов работе в мировой экономике; 2) те, которые готовят юристов базового уровня для судов и

государственных учреждений сельского Западного Китая; 3) остальные учебные заведения [34, р. 373]. Тем самым на государственном уровне закреплялся процесс разделения юридических учебных заведений на вузы с различной специализацией в подготовке кадров, на «элитные» и «массовые». Наметилось также значительное сокращение юридических школ. Отличие этого процесса от того, что происходит в России, заключается в использовании не только административных, но и рыночных механизмов для реализации поставленных задач.

Южно-Африканская Республика: трансформация исторических традиций.

Модель юридического образования в Южно-Африканской Республике значительно отличается от других стран БРИКС, поскольку, во-первых, исторически она складывалась в рамках существующего расового разделения университетов, что не было свойственно ни одной другой стране блока. Во-вторых, политические, экономические и социальные проблемы государства не позволяют в полной мере провести модернизацию всей системы юридического образования и значительно повысить ее качество. «Исторически черные университеты» (НВU) были недостаточно обеспечены ресурсами и располагались в труднодоступных районах сельской местности. «Исторически белые университеты» (НWU) создавались в городах, и качество образования в них было несравнимо выше. Такое разделение сказывалось как на качестве получаемых знаний, так и на возможностях последующего трудоустройства в ведущих юридических фирмах. Стоимость последипломного образования, а также трудности, связанные с прохождением неоплачиваемой первичной стажировки (pupillage) исключали большинство начинающих чернокожих адвокатов из юридической профессии [37, р. 22-24]. Еще в 1992 году профессор права Чарльз Дламини отметил, что «юридическое образование в Южной Африке находится под сильным влиянием государственной политики апартеида. Эта политика не основывалась на идее справедливости и до сих пор оказывает влияние на наш подход к праву в целом, а также на отношения между преподавателем права и студентом юридических факультетов. В результате наше юридическое образование пронизано противоречиями, крайностями и недостатками» [38, р. 595-598].

Дискуссия о создании новой системы высшего юридического образования соответствующего качества началась с 1995 года. Первоочередными задачами стали снижение стоимости обучения для получения квалификации юриста, улучшение доступа к образованию для всех категорий граждан и предоставление образовательных услуг единого качества [39].

В Законе о высшем образовании № 101 от 1997 г. (the Higher Education Act 101 of 1997) образование рассматривается как «преобразующий инструмент», позволяющий обучать студентов нового поколения. Преобразование личности рассматривается как необходимый компонент развития всего общества [40, р. 600-604]. Программа мониторинга высшего образования 2007 года (the Higher Education Monitor of 2007) одной из специальных целей устанавливает

устранение различий в социально-экономических и образовательных показателях различных категорий студентов через «образовательные стратегии, связанные с обеспечением справедливости» [41, р. 11].

Тем не менее, практика показывает, что исторически белые университеты по-прежнему имеют значительно лучшие возможности и ресурсы для обучения. Они привлекают как большее количество студентов, так и государственное финансирование [42]. Многие из исторически неблагополучных учреждений по-прежнему страдают от наследия прошлого. Например, – некачественный менеджмент, финансовые кризисы и сокращение числа учащихся. Многие из таких университетов не имеют хорошей библиотечной и компьютерной базы, доступа к сети Интернет и правовым базам данных, необходимых для студентов-юристов [37, р. 23]. Таким образом, сохраняется и даже растет напряжение и конкуренция между университетами «белого» и «черного» мира, множатся расовые конфликты [43, р. 463].

В 2013 году была создана национальная целевая группа, занимающаяся вопросами улучшения качества юридического образования, а также рабочая группа из ученых-юристов и представителей Совета по высшему образованию (Council on Higher Education – CHE), которая начала разрабатывать квалификационные стандарты юриста, обязательные для всех выпускников программы «бакалавр права» [44, р. 15-20]. Итогом стал нормативно закрепленный в 2015 году Стандарт качества высшего юридического образования (Standard), содержащий перечень знаний, умений и навыков [45, р. 7-11].

Следующим шагом повышения качества юридических вузов ЮАР станет национальная аккредитация учреждений высшего образования. Учреждениям, которые не соответствуют критериям аккредитации, может быть предоставлена возможность устранить недостатки своей образовательной программы и пройти повторную аккредитацию [46, р. 533]. Как мы видим, институт аккредитации высших образовательных учреждений в сфере юридического образования лишь только зарождается в ЮАР.

Дополнительным инструментом повышения качества высшего юридического образования можно рассматривать обязательную неоплачиваемую стажировку (так называемое, «ученичество» или *pipillage*) в юридических клиниках. Поскольку реформа качества юридического образования в ЮАР проходила достаточно стихийно, не имея институциональной поддержки, то и первые юридические клиники учреждались исключительно на общественных началах студентами-юристами под наблюдением частных адвокатов. Таковой стала, например, юридическая клиника Университета Кейптауна, открытая в марте 1971 года. Вероятно, появление этой клиники было связано с ростом сопротивления правительству апартеида в стране в начале 1970-х годов, но ее создание привело еще к одному результату – появлению все большего числа таких клиник [47].

«Клиническое юридическое образование» подразумевает особую методику обучения, которая при наиболее общем рассмотрении, включает оказание

юридической помощи населению, стажировки [48, р. 155], общественные образовательные проекты, моделирование судебных заседаний [49] и другие способы практическому обучению навыкам, в том числе и интерактивные методы обучения [50, р. 374-379]. Большинство из этих клиник объединены в Ассоциацию образовательных учреждений по оказанию юридической помощи (AULAI). В Ассоциацию входит двадцать клиник, предоставляющих бесплатные юридические услуги малоимущим, а также обучающихся выпускников юридических факультетов «навыкам и ценностям, необходимым для юридической практики» [51, р. 1005, 1024-1025].

Все большую роль в повышении качества образования, правда лишь с недавнего времени, стали играть международные партнеры и ассоциации. Так, они финансируют или совместно реализуют программы, направленные на трансформацию африканской системы образования в целом и высшего образования в частности [52, р. 67]. В качестве примеров можно привести создание Ассоциацией университетов Содружества (ACU) при поддержке Ассоциации африканских университетов (AAU) Базы данных о деятельности в области высшего образования в Африке (АНЕAD). Активную работу в разных направлениях ведут Ассоциация университетов Содружества (ACU) и Ассоциация вице-канцлеров университетов Южной Африки (SAUVCA). Например, в рамках десятилетней партнерской программы собраны данные о 349 финансируемых извне проектах в области высшего образования в Африке [53].

Несмотря на отдельные предпринимаемые шаги, специалисты в области высшего юридического образования затрудняются точно обозначить вектор развития высшей правовой школы ЮАР. Определенно, в настоящее время юридические вузы вынуждены искать баланс между поставленными задачами и имеющимися у них возможностями. Можно выделить как минимум четыре основных проблемы: отсутствие необходимых финансовых ресурсов; нежелание перемен и сопротивление реформам, особенно в крупных образовательных учреждениях, включая юридические, нехватка преподавателей, обладающих необходимыми навыками, знаниями и опытом, а также разные по уровню знаний группы студентов [54, р. 182; 55; 56, р. 65].

Выводы по качеству юридического образования.

Качество образовательного процесса является общей проблемой юридических вузов развивающихся стран. У стран БРИКС, при наличии собственных специфических черт в области юридического образования, можно отметить наличие общих элементов в целеполагании образовательных процессов – между Индией и Бразилией, а также между Китаем и Россией. Отдельной моделью видится юридическое образование в Южно-Африканской Республике, основная цель которого – преодолеть наследие прошлой политики расового разделения и повысить качество базового образования.

Выявленные цели и задачи, стоящие перед юридическими образовательными учреждениями, позволяют сформулировать требования к качеству юриди-

ческого образования в странах БРИКС. Прежде всего, это необходимость создать гибкие механизмы регулирования качества как государственного, так и профессионально-общественного характера, которые обязательно должны сохранить важнейшие компоненты университетского образования – академическую свободу и равные условия для доступа к образовательным услугам.

Давая характеристику общим чертам стран БРИКС по качеству образовательного процесса, следует отметить взрывной рост популярности юридического образования, что породило ряд негативных последствий: избыток юристов на рынке труда; дефицит квалифицированных педагогических кадров; падение качества образовательных услуг и рост количества не готовых к профессиональной деятельности выпускников вузов. В решении проблем по регулированию качества юридического образования Индия, Бразилия, Китай и Россия использовали уже известный мировой опыт. Недавние реформы в ЮАР также показывают стремление этого государства интернационализировать юридическое образование.

Для всех стран БРИКС остро стоит проблема обеспечения связи теоретического образования с практикой, для чего повсеместно в учебный процесс внедряются практико-ориентированные курсы, развиваются студенческие юридические клиники, привлекаются юристы-практики для преподавания специальных дисциплин.

Во всех странах существуют процедуры рейтингов и аккредитации учебных заведений (общественно-государственная – в Индии; государственно-общественная – в Бразилии; государственная – в России и Китае). Получение сертификата об аккредитации является ключевым для ведения образовательной деятельности и выдачи диплома юриста-профессионала. Система государственной аккредитации в ЮАР еще только начала развиваться. Рейтинги же вузов (международные и внутригосударственные) проводят оценку по многим параметрам, но в первую очередь – по научной работе, востребованности выпускников, стандартам качества. Их применение позволяет не только привлечь больше абитуриентов в вузы-лидеры рейтингов, но и претендовать на государственную поддержку, а также позиционировать себя в национальном и международном образовательных пространствах. Китай является лидером среди стран БРИКС по количеству учебных заведений в престижных международных рейтингах. «Китай и Россия вот уже какое-то время довольно напористо проводят политику построения университетов «мирового класса», тогда как Бразилия и Индия ведут себя более невозмутимо» [36, с.245].

Важной чертой в регулировании качества образования Индии, Бразилии, Китая и России является растущая дифференциация учебных заведений: разделение юридических школ на «элитные» и «массовые». Международная исследовательская группа под руководством ученых из Стэнфордского университета, изучая тенденции современного высшего образования стран БРИКС, пришла к выводу о том, что дифференциация между «массовыми» университетами и колледжами является «...самым главным изменением в высшем образовании стран

БРИК» [36, с. 16-17]. В случае с ЮАР такое разделение еще более очевидно в исторически обусловленной системе «черных» и «белых» университетов.

Если говорить о качестве образования в условиях дифференциации вузов, то очевиден факт разрыва в качественных характеристиках: «элитные» университеты имеют уровень качества образовательных услуг, сопоставимый с эталонами мировых лидеров. В то время как подавляющая часть юридических школ стран БРИКС остается на достаточно низком уровне по качеству образования. Государственные органы и общественные профессиональные организации Индии, Бразилии, Китая, России и ЮАР предпринимают меры административного и рыночного характера по сокращению неэффективных учебных заведений, которых существенно меньше не становится. Почему? Результаты социологического исследования в России показали, что, во-первых, имеется спрос на рынке образовательных услуг на дешевый вариант юридического образования пусть даже менее качественного, чем в «элитных» вузах. Во-вторых, в условиях сильнейшего расслоения общества на богатых и бедных массовые юридические школы обеспечивают элемент социальной справедливости – проблему доступа к высшему образованию [57, с. 15-34].

Теперь об отличиях между странами БРИКС в обеспечении качества юридического образования. Источники стандартизации образовательного процесса весьма различны: в Индии – это преимущественно общественные органы с участием государственных федеральных органов и органов штатов. В Бразилии основными субъектами названного процесса являются государственные органы с активным участием представителей юридической общественности. В Китае, России и ЮАР – исключительно государственные органы исполнительной власти, несмотря на проведение общественной аккредитации российских вузов Ассоциацией юристов России (это еще не приняло массовый характер).

Бразилию и Индию объединяет то, что в функционировании юридического образования здесь большую роль играют органы самоуправления юридических профессий.

По уровню и степени регламентации в содержании образовательного процесса на первом месте, конечно же, Россия и Китай. Индия, Бразилия, ЮАР в стандартах прописывают лишь минимальные требования, предоставляя юридическим школам самостоятельно определять перечень, объем и порядок изучения учебных дисциплин. Справедливости ради, необходимо отметить расширение самостоятельности юридических вузов России в последнем образовательном стандарте, вступившем в силу с 2017 года.

Контроль качества образования в юридических школах БРИКС осуществляется тоже весьма различными способами. В Индии ежегодно проходит Всеиндийский экзамен для выпускников юридических школ (All India Bar Examination). В Бразилии имеется аналог этого экзамена: Национальный экзамен по оценке успеваемости студентов (National Exam for the Assessment of Student Performance). В Китае с 2002 года действует единый Национальный экзамен

(тест) для желающих работать в юридической профессии. В России выпускники юридических вузов сдают государственные экзамены, содержание которых определяет само учебное заведение. Для желающих сделать карьеру в адвокатском или судебном сообществе существуют специальные квалификационные экзамены. В ЮАР отсутствуют единые требования к проверке знаний выпускников юридических вузов.

Таковы основные аспекты качества юридического образования в Индии, Бразилии, России, Китае и ЮАР. В заключение хотим отметить, что одним из направлений сотрудничества государств в рамках БРИКС может стать развитие высшего образования и скоординированная политика государств для решения этих вопросов, в том числе в сфере высшего юридического образования. Например, представляется эффективной совместная разработка модельных, приемлемых для всех стран БРИКС критериев и требований к качеству высшего образования. Данная тема станет центральной в наших дальнейших исследованиях.

Библиографические ссылки

1. Flood J. Legal Education in the Global Context : Report for the Legal Services Board. University of Westminster School of Law, 2011 [Электронный ресурс]. URL: <http://studylib.net/doc/6726637/legal-education-in-the-global-context.html> (дата обращения: 03.04.2019).
2. БРИКС. Страны БРИКС – Бразилия, Россия, Индия, Китай, ЮАР [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ereport.ru/articles/ecunions/brics.htm> (дата обращения: 10.02.2019).
3. Малешин Д.Я. Вызовы для современной высшей школы // Закон. 2014. № 1. С. 29-40.
4. Vinnichenko O. & Gladun E. Legal Education in the BRICS Countries in the Context of Globalization: a Comparative Analysis // BRICS Law Journal. 2018. № 5 (3). P. 4-39.
5. Philip F. I. The Legal System and Legal Education in Southern Africa: Past Influences and Current Challenges // Journal of Legal Education. 2001. Vol. 51. № 3. P. 355-362.
6. Maisel P. Mahomed Sh. & Jain, M. Clinical Legal Education's Contribution to Building Constitutionalism and Democracy in South Africa: Past, Present, and Future [Электронный ресурс]. URL: https://scholarship.law.bu.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1281&context=faculty_scholarship (дата обращения: 03.04.2019).
7. Шепелева О. Как цели юридического образования связаны с пониманием его качества: страны Европы и Америки // Юридическое образование: поиск новых стандартов качества : материалы исследования / Новикова А., Шепелева О. и [др.] под ред. Д. Шабельникова. М. : Институт «Право общественных интересов» (PILnet), 2013. С. 167-175.
8. Parmar R. Problems and Challenges of Legal Education // International Journal of Management and Social Sciences Research. 2016. Vol. 5. № 9. P. 40-57.

9. Scenario of Legal Education in India, Ph.D. Thesis. Gujarat National Law University. Gandhinagar, 2015.
10. Kashyap A.K. Professional Legal Education in India: Challenges and the Way Forward // Educational Quest: An International Journal of Education and Applied Social Sciences. 2016. Vol. 7. № 3. P. 141-147.
11. Mitra N.L. Legal Education in India / Conference of International Legal Educators. Florence. Italy, 2000. URL: <http://www.aals.org/2000international/english/India.htm> (дата обращения: 03.04.2019).
12. Nirmal B.C. Legal Education in India: Problems and Challenges // International Islamic University Law Journal. 2012. Vol. 20. № 1. P. 164-166.
13. Sarker Sh. P. Empowering the Underprivileged: The Social Justice Mission for Clinical Legal Education in India // International Journal of Clinical Legal Education. 2013. Vol. 19. P. 321-339.
14. Legal Education in India: Issues and Challenges. Kalpeshkumar L. Guptan (Ed.). Lambert Academic Publication, 2017.
15. Phan P.N. Clinical Legal Education in China: In Pursuit of a Culture of Law and a Mission of Social Justice // Yale Human Rights and Development Journal. 2005. Vol. 8. P. 117-152.
16. Организация и управление в юридической клинике: опыт практической деятельности в современной России / отв. ред. : Л.А. Воскобитова, Л.П. Михайлова, Е.С. Шугрина. М. : Дело, 2003.
17. Dasgupta L. Reforming Indian Legal Education, Journal of Legal Education. 2010. Vol. 59. № 3. P. 432-449.
18. Cunha L. G. & Ghirardi J. G. Legal Education in Brazil: the challenges and opportunities of a changing context / Cunha L. G., Gabbay D. M., Ghirardi J. G. et al (Eds.) The Brazilian Legal Profession in the Age of Globalization. The Rise of the Corporate Legal Sector and its Impact on Lawyers and Society. Cambridge University Press, 2018.
19. Джуринский А.Н. Высшее образование в современном мире: тренды и проблемы (Монографические исследования: педагогика). М. : Прометей, 2017.
20. Левитан К.М. Проблема качества современного юридического образования // Современная наука: Актуальные проблемы теории и практики. Серия «Гуманитарные науки». 2012. № 3. С. 47-52.
21. Хузина А.Х. Эффективность профессионального юридического образования в российском обществе: социологические аспекты проблемы // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Проблемы высшего образования. 2013. №1. С. 131-134.
22. Федеральная программа развития образования // Собрание законодательства Российской Федерации. 2000. № 16. Ст. 1639.
23. Федеральная целевая программа развития образования на 2011–2015 гг. // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 10. Ст. 1377.
24. Государственная программа Российской Федерации «Развитие образования» на 2013 - 2020 гг. // Собрание законодательства Российской Федерации. 2013. № 21. Ст. 2671.

25. Федеральная целевая программа развития образования на 2016 - 2020 гг. // Собрание законодательства Российской Федерации. 2015. № 22. Ст. 3232.
26. Государственная программа Российской Федерации «Развитие образования» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2018. № 1 (Часть II). Ст. 375.
27. Приказ Минобрнауки России от 21 марта 2001 г. № 1113. Межведомственная программа «Развитие юридического образования в России на 2001–2005 гг.» [Электронный ресурс]. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 05.04.2019).
28. Межведомственная программа «Развитие юридического образования в Российской Федерации на 2006–2010 гг.» // Юридическое образование и наука. 2007. № 2. С. 3-9.
29. Приказ Министерства образования и науки от 1 декабря 2016 г. № 1511 [Электронный ресурс]. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 05.04.2019).
30. Ассоциация юристов России. Качество юридического образования [Электронный ресурс]. URL: <http://alrf.ru/directions/quality-of-legal-education> (дата обращения: 10.03.2019).
31. Ассоциация юридических вузов. Официальный сайт [Электронный ресурс]. URL: http://www.jurvuz.ru/ob_assotsiatsii.html (дата обращения: 10.03.2019).
32. Министерство науки и высшего образования Российской Федерации. Проект повышения конкурентоспособности ведущих российских университетов среди ведущих мировых научно-образовательных центров [Электронный ресурс]. URL: <https://www.5top100.ru/universities>. (дата обращения: 10.03.2019).
33. China Law Society. Official website [Электронный ресурс]. URL: <http://en.academic.ru/dic.nsf/enwiki/2697795> (дата обращения: 10.03.2019).
34. Minzner C. F. The Rise and Fall of Chinese Legal education // Fordham International Law Journal. 2013. Vol. 36. № 2. P. 334-395.
35. QS. World University Rankings [Электронный ресурс]. URL: <https://www.topuniversities.com/university-rankings/world-university-rankings/2018> (дата обращения: 11.04.2019).
36. Карной М., Лоялка П., Доссани Р. и др. Массовое высшее образование. Триумф БРИК? / пер. с англ. М. С. Добряковой, Л. Ф. Пирожковой; под науч. ред. М. С. Добряковой. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014.
37. Greenbaum L. The Undergraduate Law Curriculum: Fitness for Purpose? Unpublished Ph.D. dissertation, University of KwaZulu-Natal, 2009.
38. Dlamini C.R.M. The Law Teacher, the Law Student and Legal Education in South Africa. South Africa Law Journal. 1992. Vol. 109. P. 595-610.
39. Godfrey Sh. & Midgley R. Scarce and Critical Skills: Law Professionals, 2008 [Электронный ресурс]. URL: http://www.labour.gov.za/DOL/downloads/documents/research-documents/Law_DoL_Report.pdf (дата обращения: 10.04.2019).
40. Preamble to the Higher Education Act 101 of 1997; Smith S. R. & Bauling A. Aiming for Transformation: Exploring Graduatness in South Africa // Stellenbosch Law Review. 2013. Vol. 24. P. 601-604.
41. Scott, I. et al. Council on Higher Education, Higher Education Monitor No. 6: A Case for Improving Teaching and Learning in South African Higher Education, 2007.

42. The Truth and Reconciliation Commission, and the Bench, Legal Practitioners and Legal Academics, Written Representations // South African Law Journal. 1998. Vol. 115. P. 15-101.
43. Robus D. & McLeod C. White Excellence and Black Failure: The Reproduction of Racialised Higher Education in Everyday Talk // South African Journal of Psychology. 2006. Vol. 36. (3). P. 463-480.
44. Dicker L. The 2013 LLB Summit // ADVOCATE. 2013. P. 15-20.
45. Council on Higher Education: Qualifications Standard for Bachelor of Laws (LLB). 2015. P. 7-11.
46. Van Niekerk C. The Four-Year Undergraduate LLB: Where to from Here? // Obiter. 2013. Vol. 34 (3). P. 533-544.
47. Broun K. S. Black Lawyers, White Courts: The Soul of South African Law, 2000.
48. Ogilvy J.P. Guidelines with Commentary for the Evaluation of Legal Externship Programs // Gonzaga Law Review. 2003. Vol. 38. P. 155-185.
49. Innocent Anaba, Using Clinical Legal Education to Serve Society: A Challenge to African States [Электронный ресурс]. URL: <http://www.justiceinitiative.org/db/resource2?res id=102601> (дата обращения: 10.04.2019).
50. Maisel P. Expanding and Sustaining Clinical Legal Education in Developing Countries: What We Can Learn from South Africa // Fordham International Law Journal. 2007. Vol. 30. P. 374-420.
51. Mhlungu Th. Educating and Licensing Attorneys in South Africa // Georgia State University Law Review. 2004. Vol. 20. P. 1005-1025.
52. Samoff J. & Carrol B. The Promise of Partnership and Continuities of Dependence: External Support to Higher Education in Africa // African Studies Review. 2004. Vol. 47 (1). P. 67-199.
53. Kubler J. African Higher Education Activities in Development: The AHEAD Database (Association of Commonwealth Universities), 2005 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.acu.ac.uk/policyand research/publications/aheadpaper.pdf> (дата обращения: 10.04.2019).
54. Davis, D. Legal Transformation and Legal Education: Congruence or Conflict? // ACTA JURIDICA. 2015. P. 172-188.
55. Fedler J. Legal Education in South Africa // Oregon Law Review. 1993. Vol. 72. P. 999-1007.
56. Boughey C. From equity to efficiency: Access to higher education in South Africa // Arts and Humanities in Higher Education. 2003. Vol. 2. pp. 65-71.
57. Шепелева О., Новикова А. Качество юридического образования: стереотипы и реальные проблемы // Юридическое образование: поиск новых стандартов качества : материалы исследования / Новикова А., Шепелева О. и [др.] ; под ред. Д. Шабельникова. М. : Институт «Право общественных интересов» (PILnet), 2013. С. 15-34.

Дата поступления: 02.02.2020

QUALITY OF LEGAL EDUCATION IN THE BRICS COUNTRIES**VINNICHENKO Oleg Yuryevich***Doctor of Law, Professor of the Chair of Theory of State and Law and International Law of the Institute of State and Law of the FSAEI HE "Tyumen State University", Tyumen, Russia. E-mail: o.y.vinnichenko@utmn.ru***GLADUN Elena Fyodorovna***Candidate of Law, Professor of the Chair of State and Public Administration of the Institute of State and Law of the FSAEI HE "Tyumen State University", Tyumen, Russia. E-mail: e.f.gladun@utmn.ru*

The relevance of the topic is determined by recent transitional process in higher legal education, aiming at finding its new directions and role of legal professionals in a changing world. Quality of higher legal education is one of the crucial problems in each state of the BRICS block. The objective of this article is to make a comparative analysis of legal education quality in the BRICS countries. In plethora of research literature related to higher education in general and legal education specifically in selected BRICS countries, there is a difficulty to find a comprehensive comparative analysis of the quality of legal training across educational institutions in Brazil, Russia, India, China and South Africa. The authors identify common and specific features of legal training in the BRICS countries. The common drivers for legal education are global influence of the American education system, "explosive" growth in the popularity of legal education, urgent needs to reform educational process and its quality, growing differentiation of educational institutions into "elite" and "mass", with a special role of each type of university in society. The peculiarities of legal education in Brazil, Russia, India, China and South Africa are primarily in the structure of educational institutions and bodies controlling quality of educational training; solutions to the borrowing educational experience and attempts at self-identification in the global educational space. The problems of legal education have been studied in dynamics over the past 20 years holistically (complex analysis). In their conclusions, the authors propose some results of a comparative legal analysis related to quality of higher legal education. In particular, they outline the leading role of the government in setting requirements for the content of educational process and lawyer's competencies; the increasing role of employers, public organizations and students in establishing requirements for law schools. The results of the research can be used both for academic studies and for practical purposes in reforming BRICS legal education.

Key words: quality of legal education, BRICS, comparative legal analysis, educational reforms.

References

1. Flood J. Legal Education in the Global Context : Report for the Legal Services Board. University of Westminster School of Law, 2011 Available at: <http://studylib.net/doc/6726637/legal-education-in-the-global-context> html (accessed date: 03.04.2019)
2. BRIKS. Strany BRIKS – Braziliya, Rossiya, Indiya, Kitay, YUAR (BRICS. BRICS countries – Brazil, Russia, India, China, South Africa) Available at: <http://www.ereport.ru/articles/ecunions/brics.htm> (accessed date: 10.02.2019)
3. Maleshin D.YA. Vyzovy dlya sovremennoy vysshey shkoly (Challenges for modern universities), *Zakon*, 2014, No 1, pp. 29-40.
4. Vinnichenko O. & Gladun E. Legal Education in the BRICS Countries in the Context of Globalization: a Comparative Analysis, *BRICS Law Journal*, 2018, No. 5 (3), pp. 4-39.
5. Philip F.I. The Legal System and Legal Education in Southern Africa: Past Influences and Current Challenges, *Journal of Legal Education*, 2001, Vol. 51, No. 3, pp. 355-362.
6. Maisel P. Mahomed Sh. & Jain, M. Clinical Legal Education's Contribution to Building Constitutionalism and Democracy in South Africa: Past, Present, and Future. Available at: https://scholarship.law.bu.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1281&context=faculty_scholarship (accessed date: 03.04.2019)
7. Shepeleva O. Kak tseli yuridicheskogo obrazovaniya svyazany s ponimaniyem yego kachestva: stra-ny Yevropy i Ameriki (How the goals of legal education are related to the understanding of its quality: countries of Europe and America), Legal education: the search for new quality standards: Materials of research, D. Shabelnikov (ed.), Moscow, PILnet, 2013, pp. 167-175.
8. Parmar R. Problems and Challenges of Legal Education, *International Journal of Management and Social Sciences Research*, 2016, Vol. 5, No. 9, pp. 40-57.
9. Scenario of Legal Education in India, Ph.D. Thesis. Gujarat National Law University. Gandhinagar, 2015.
10. Kashyap A.K. Professional Legal Education in India: Challenges and the Way Forward, *Educational Quest: An International Journal of Education and Applied Social Sciences*, 2016, Vol. 7, No 3, pp. 141-147.
11. Mitra N.L. Legal Education in India / Conference of International Legal Educators. Florence. Italy, 2000. Available at: <http://www.aals.org/2000international/english/India.htm> (accessed date: 03.04.2019)
12. Nirmal B.C. Legal Education in India: Problems and Challenges, *International Islamic University Law Journal*, 2012, Vol. 20, No. 1, pp. 164-166.
13. Sarker Sh. P. Empowering the Underprivileged: The Social Justice Mission for Clinical Legal Education in India, *International Journal of Clinical Legal Education*, 2013, Vol. 19, pp. 321-339.
14. Legal Education in India: Issues and Challenges. Kalpeshkumar L. Guptan (Ed.). Lambert Academic Publication, 2017.

15. Phan P.N. Clinical Legal Education in China: In Pursuit of a Culture of Law and a Mission of Social Justice, *Yale Human Rights and Development Journal*, 2005, Vol. 8, pp. 117-152.
16. Organizatsiya i upravleniye v yuridicheskoy klinike: opyt prakticheskoy deyatel'nosti v so-vremennoy Rossii (Organization and management in a legal clinic: practical experience in modern Russia), L.A. Voskobitova, L.P. Mikhailova, E.S. Shugrina (eds). Moscow, Delo, 2003.
17. Dasgupta L. Reforming Indian Legal Education, *Journal of Legal Education*, 2010, Vol. 59, No. 3, pp. 432-449.
18. Cunha L. G. & Ghirardi J. G. Legal Education in Brazil: the challenges and opportunities of a changing context, Cunha L. G., Gabbay D. M., Ghirardi J. G. et al (Eds.) *The Brazilian Legal Profession in the Age of Globalization. The Rise of the Corporate Legal Sector and its Impact on Lawyers and Society*. Cambridge University Press, 2018.
19. Dzhurinskiy A.N. Vyssheye obrazovaniye v sovremennom mire: trendy i problem (Higher education in the modern world: trends and problems). Moscow, Prometey, 2017.
20. Levitan K.M. Problema kachestva sovremennogo yuridicheskogo obrazovaniya (The quality problem of modern legal education), *Sovremennaya nauka: Aktual'nyye problemy teorii i praktiki (Modern Science: Actual Problems of Theory and Practice): Humanities*, 2012, No 3, pp. 47-52.
21. Khuzina A.Kh. Effektivnost' professional'nogo yuridicheskogo obrazovaniya v rossiyskom obshchestve: sotsiologicheskiye aspekty problemy (The effectiveness of professional legal education in Russian society: sociological aspects of the problem), *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Problemy vysshego obrazovaniya*, 2013, No 1, pp. 131-134.
22. Federal'naya programma razvitiya obrazovaniya (Federal Program for the Development of Education), *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 2000, No. 16, Art. 1639.
23. Federal'naya tselevaya programma razvitiya obrazovaniya na 2011–2015 gg. (Federal target program for the development of education for 2011–2015), *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 2011, No 10, Art. 1377.
24. Gosudarstvennaya programma Rossiyskoy Federatsii «Razvitiye obrazovaniya» na 2013 - 2020 gg. (The state program of the Russian Federation "Development of education" for 2013 – 2020), *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 2013, No. 21, Art. 2671.
25. Federal'naya tselevaya programma razvitiya obrazovaniya na 2016 - 2020 gg. (The federal target program for the development of education for 2016 – 2020), *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 2015, No. 22, Art. 3232.
26. Gosudarstvennaya programma Rossiyskoy Federatsii “Razvitiye obrazovaniya” (The state program of the Russian Federation “Development of education”), *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 2018, No. 1 (Part II), Art. 375.
27. Prikaz Minobrazovaniya Rossii ot 21 marta 2001 g. № 1113. Mezhdedomstvennaya programma “Razvitiye yuridicheskogo obrazovaniya v Rossii na 2001 - 2005 gg.” (Order of the Ministry of Education of Russia dated March 21, 2001 No. 1113. Inter-

- departmental program "Development of Legal Education in Russia for 2001-2005"). Available at: <http://pravo.gov.ru> (accessed date: 05.04.2019)
28. Mezhdovedomstvennaya programma "Razvitiye yuridicheskogo obrazovaniya v Rossiyskoy Federatsii na 2006 - 2010 gg." (The interdepartmental program "Development of legal education in the Russian Federation for 2006 - 2010"), *Legal education and science*, 2007, No. 2, pp. 3-9.
29. Prikaz Ministerstva obrazovaniya i nauki ot 1 dekabrya 2016 g. № 1511 (Order of the Ministry of Education and Science of December 1, 2016, No. 1511). Available at: <http://pravo.gov.ru> (accessed date: 05.04.2019).
30. Assotsiatsiya yuristov Rossii. Kachestvo yuridicheskogo obrazovaniya (The Association of Lawyers of Russia. The quality of legal education). Available at: <http://alrf.ru/directions/quality-of-legal-education> (accessed date: 10.03.2019).
31. Assotsiatsiya yuridicheskikh vuzov (Association of law schools), *Ofitsial'nyy sayt*. Available at: http://www.jurvuz.ru/ob_assotsiatsii.html (accessed date: 10.03.2019).
32. Ministerstvo nauki i vysshego obrazovaniya Rossiyskoy Federatsii. Proyekt povysheniya konkurentosposobnosti vedushchikh rossiyskikh universitetov sredi vedushchikh mirovykh nauchno-obrazovatel'nykh tsentrov (The Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation. The project to increase the competitiveness of leading Russian universities among the world's leading research and educational centers). Available at: <https://www.5top100.ru/universities>. (accessed date: 10.03.2019).
33. China Law Society. Official website. Available at: <http://en.academic.ru/dic.nsf/enwiki/2697795> (accessed date: 10.03.2019).
34. Minzner C. F. The Rise and Fall of Chinese Legal education, *Fordham International Law Journal*, 2013, Vol. 36, No. 2, pp. 334-395.
35. QS. World University Rankings. Available at: <https://www.topuniversities.com/university-rankings/world-university-rankings/2018> (accessed date: 11.04.2019).
36. Karnoy M., Loyalka P., Dossani R. et al. Massovoye vyssheye obrazovaniye. Triumf BRIK? (Mass higher education. Triumph of BRIC?), M.S. Dobryakova, L.F. Pirozhkova (trans), M.S. Dobryakova (ed.). Moscow, Publishing House of the Higher School of Economics, 2014.
37. Greenbaum L. The Undergraduate Law Curriculum: Fitness for Purpose? Unpublished Ph.D. dissertation, University of KwaZulu-Natal, 2009.
38. Dlamini C.R.M. The Law Teacher, the Law Student and Legal Education in South Africa, *South Africa Law Journal*, 1992, Vol. 109, pp. 595-610.
39. Godfrey Sh. & Midgley R. Scarce and Critical Skills: Law Professionals, 2008. Available at: http://www.labour.gov.za/DOL/downloads/documents/research-documents/Law_DoL_Report.pdf (accessed date: 10.04.2019)
40. Preamble to the Higher Education Act 101 of 1997; Smith S. R. & Bauling A. Aiming for Transformation: Exploring Graduateness in South Africa// *Stellenbosch Law Review*. 2013. Vol. 24. P. 601, 604.
41. Scott, I. et al. Council on Higher Education, Higher Education Monitor No. 6: A Case for Improving Teaching and Learning in South African Higher Education, 2007.

42. The Truth and Reconciliation Commission, and the Bench, Legal Practitioners and Legal Academics, Written Representations, *South African Law Journal*, 1998, Vol. 115, pp. 15-101.
43. Robus D. & McLeod C. White Excellence and Black Failure: The Reproduction of Racialised Higher Education in Everyday Talk, *South African Journal of Psychology*, 2006, Vol. 36. (3), pp. 463-480.
44. Dicker L. The 2013 LLB Summit, *ADVOCATE*, 2013, pp. 15-20.
45. Council on Higher Education: Qualifications Standard for Bachelor of Laws (LLB), 2015, pp. 7-11.
46. Van Niekerk C. The Four-Year Undergraduate LLB: Where to from Here?, *Obiter*, 2013, Vol. 34 (3), pp. 533-544.
47. Broun K. S. Black Lawyers, White Courts: The Soul of South African Law, 2000.
48. Ogilvy J.P. Guidelines with Commentary for the Evaluation of Legal Externship Programs, *Gonzaga Law Review*, 2003, Vol. 38, pp. 155-185.
49. Innocent Anaba, Using Clinical Legal Education to Serve Society: A Challenge to African States. Available at: <http://www.justiceinitiative.org/db/resource2?resid=102601> (accessed date: 10.04.2019).
50. Maisel P. Expanding and Sustaining Clinical Legal Education in Developing Countries: What We Can Learn from South Africa, *Fordham International Law Journal*, 2007, Vol. 30, pp. 374-420.
51. Mhlungu Th. Educating and Licensing Attorneys in South Africa, *Georgia State University Law Review*, 2004, Vol. 20, pp. 1005-1025.
52. Samoff J. & Carrol B. The Promise of Partnership and Continuities of Dependence: External Support to Higher Education in Africa, *African Studies Review*, 2004, Vol. 47 (1), pp. 67-199.
53. Kubler J. African Higher Education Activities in Development: The AHEAD Database (Association of Commonwealth Universities), 2005. Available at: http://www.acu.ac.uk/policyand_research/publications/aheadpaper.pdf (accessed date: 10.04.2019).
54. Davis, D. Legal Transformation and Legal Education: Congruence or Conflict? *ACTA JURIDICA*, 2015, pp. 172-188.
55. Fedler J. Legal Education in South Africa, *Oregon Law Review*, 1993, Vol. 72, pp. 999-1007.
56. Boughey C. From equity to efficiency: Access to higher education in South Africa, *Arts and Humanities in Higher Education*, 2003, Vol. 2, pp. 65-71.
57. Shepeleva O., Novikova A. Kachestvo yuridicheskogo obrazovaniya: stereotipy i real'nyye problemy (The quality of legal education: stereotypes and real problems). In *Yuridicheskoye obrazovaniye: poisk novykh standartov kachestva* (Legal Education: Searching for New Quality Standards), D. Shabelnikov (ed.). Moscow, PILnet, 2013, pp. 15-34.

Received: 02.02.2020

**ПЕРСПЕКТИВНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ ОБУЧЕНИЯ СТУДЕНТОВ
ПО ДИСЦИПЛИНЕ «ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС»**

ГОРЕЛОВ Максим Владимирович

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского процесса Института права ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет», г. Уфа, Россия. E-mail: gorelov-maxim@yandex.ru

ЖЕМАЛЕТДИНОВ Рустэм Маратович

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского процесса Института права ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет», г. Уфа, Россия. E-mail: jurisconsult80@mail.ru

В преподавании юридических дисциплин продолжают развиваться методы, направленные на повышение эффективности усвоения студентами теоретического материала, и выработку ими навыков действий в реальных судебных процессах. Интерактивные игровые формы проведения учебных занятий, моделирующие типичные практические ситуации, исторически доказали свою эффективность. В новых условиях электронного правосудия, внедрения видеоконференц-связи, качественной компьютерной видео графики образование не должно отставать от новых технических достижений. В статье рассматриваются примеры применения технологий виртуальной реальности (VR – Virtual Reality) и дополненной реальности (AR – Augmented Reality) в юридическом образовании. Обосновывается тезис о позитивном значении указанных технологий для формирования развитого правосознания будущих профессионалов и дальнейшей эволюции правового государства.

Ключевые слова: интерактив; технологии обучения студентов; гражданский процесс; модельный судебный процесс; истец; ответчик.

Интерактивные методики проведения занятий по дисциплине гражданский процесс имеют глубокие корни в юридическом образовании России, прошли достаточно большой исторический период становления и развития, начиная с XVIII века. Они были внедрены известным юристом-практиком, профессором Московского университета З.А. Горюшкиным. Являясь автором «Руководства к познанию российского законоискусства», он проводил со студентами практические занятия по русскому праву, знакомил их с действующим законодательством, формами и практикой судопроизводства. На этих занятиях большое место занимала «практика производства дел на разные задачи, где раздавались роли истцов, ответчиков, судей, секретарей, а в следственных делах роли допросов, свидетелей, очных ставок и проч. Сочиняемые бумаги он исправлял по порядку

на общем чтении, а дела за окончанием представляемы были участниками в лицах драматически» [1].

В настоящий период в системе высшего юридического образования ряда развитых и развивающихся стран происходит постоянный поиск новых перспективных технологий обучения. Используются различные методики интерактивных занятий и по дисциплине гражданский процесс (сократический диалог, демонстрация материала, мозговой штурм и т.д.). И в этом направлении необходимо обращать внимание на перспективные технологии обучения студентов юристов зарубежных стран. Например, достаточно интересными являются программы российско-американского сотрудничества в сфере юридического образования «Юридический образовательный обмен».¹

Однако следует учитывать особенности интерактивных методик обучения студентов-юристов, которые имеют свою специфику. Специфика проявляется в том, что до недавнего времени невозможно было применить интерактивную методику обучения при дистанционной форме занятий с обучающимися по дисциплине гражданский процесс (в качестве примера возможно привести такой вид интерактива, как модельный судебный процесс по гражданскому делу), поскольку трафик (количество пересылаемого объема цифровой информации за единицу времени) был недостаточным для воссоздания условий и атмосферы одного и того же судебного разбирательства (визуальных и аудио-сигналов) одновременно (синхронно, в режиме реального времени) в разных точках доступа к сети Интернет.

Технологии виртуальной реальности (VR – Virtual Reality) и дополненной реальности (AR – Augmented Reality) в образовании.

Трудно переоценить значение этих новых технологий для применения в сфере образования: они способны симулировать единое «реальное» (виртуальное) пространство, в которое синхронно погружаются студенты, находящиеся не только в разных районах одной страны, но даже в разных точках земного шара. В силу экономических, финансовых, трудовых и учебных условий, нахождения в разных часовых поясах, такие встречи и общение до этого были невозможны в реальном мире и теперь стали доступны с помощью качественной передачи видео и звука, специальных аксессуаров (очков объемного изображения, микрофонов, гарнитуры). Появилась возможность побывать в лабораториях ведущих ученых, в кабинетах юристов, «присутствовать» на судебных заседаниях, научно-практических конференциях, где в числе прочего можно «вернуться» к интересному собеседнику, задать ему вопрос, не мешая в тот же самый момент другим участникам, обсуждать что-то другое. Думается, что именно этим вирту-

¹ Кафедрой гражданского процесса Уральского государственного юридического университета при сотрудничестве со Школой права Университета Эмори (США) в течение 2014–2015 учебного года был осуществлен проект «Использование интерактивных методик обучения при преподавании гражданского процесса».

альное пространство будет отличаться от обычного (и уже привычного) вебинара, видеоконференц-связи.

Ученые-физики с помощью данной технологии получают бесценную возможность консультироваться между собой и наблюдать результаты своих опытов в современных лабораториях. Студенты смогут в трехмерном пространстве «увидеть» большой андронный коллайдер или детектор гравитационных волн, провести в них лабораторные работы, а это, несомненно, пробудит в них дополнительный интерес и увлечение современной наукой, её достижениями и перспективами.

У будущих лингвистов значительный прогресс в освоении иностранных языков достигается при непосредственном бытовом общении с их носителем, для которого язык является родным. Но нередко такого человека трудно встретить в небольших городах вдали от мегаполисов, а дальше согласовать с ним время встречи и доставить в аудиторию. Виртуальная реальность уже сейчас дает возможность переноситься в пространства, где можно не только общаться, но и взаимодействовать с другими пользователями. Например, можно совместить группу, изучающую испанский язык в Башкирском государственном университете, и группу изучающих русский язык в университете города Барселоны, в одно пространство, в котором они могли бы общаться, видеть особенности мимики и жестов друг друга, в процессе разговора усвоить особенности диалектов, произношения друг друга, выполнять задания преподавателей, задавать вопросы и рассказывать о себе. А следующее занятие, например, провести с группой из Ирана. Такой интерактивный формат заинтересует студентов.

В биологии технология открывает возможность масштабироваться до размера органа, клетки или даже молекулы ДНК. Интерактивные возможности позволяют не только увидеть статическую картину, но и посмотреть, к примеру, процесс репликации ДНК.

В области химии электронные технологии позволяют совместно проводить дорогостоящие опыты, и таким образом, тратить меньше расходных материалов, изучать протекание химических реакций, особенности взаимодействия элементов.

В области литературы можно, например, визуализировать наиболее яркие моменты художественных произведений. Интересным видится совмещение материала и события. Например, побывать на экзамене в Царскосельском лицее и увидеть, как А.С. Пушкин читает «Воспоминания в Царском Селе». Конечно, голоса поэта и главное той энергии уже не воссоздать, но такой формат позволит обучаемым почувствовать ту атмосферу, которая царила в то время.

VR (Virtual Reality) и технологии дополненной реальности (Augmented Reality - AR) в юридическом образовании.

На данный момент несколько юридических школ в США экспериментируют с VR и технологией дополненной реальности AR и происходит их внедрение в учебную программу. Студенты из Далласского юридического колледжа

США провели пилотное тестирование обучения ораторскому мастерству в судебных заседаниях с использованием VR приложения. Чтобы использовать приложение, которое позволяет студентам практиковать свои навыки в реальной среде, понадобится только смартфон и гарнитура. Конечная цель этого эксперимента – создать VR зал суда, в котором студенты могли бы практиковать навыки по защите своих аргументов, отстаиванию правовой позиции.

Виртуальная реальность включает в себя использование компьютерных технологий для создания моделируемой среды, погружая пользователя в 3D-опыт. В последние несколько лет юридические колледжи США начали экспериментировать с технологией VR, используя ее, например, для воссоздания сцен судебных заседаний по гражданскому делу т.д. Некоторые юридические школы, экспериментирующие с технологией VR, сосредоточены на создании видеороликов, которые можно использовать в качестве дополнительного материала к занятиям. При этом они используют 360-градусные камеры для передачи реальных впечатлений. Студенты юридического факультета Университета Миссури в Канзас-Сити используют такие камеры для записи самих себя при проведении собеседования, например, с потенциальными присяжными заседателями. Таким образом, студенты могут взглянуть на себя со стороны, а преподаватели могут их объективнее оценивать. В 2016 году Университет Оклахомы запустил виртуальную академическую лабораторию с собственными гарнитурами и компьютерами, чтобы предоставить студентам технологически продвинутый опыт получения образования.

Таким образом, возможности современных технологий следует поставить на службу получения преподавателями и студентами нового опыта международного общения, присутствия при рассмотрении гражданских дел в России и за рубежом, публичных выступлений с возможностью записи и просмотра в 3D-формате, погружения в виртуальный мир компьютерной игры, моделирующей реальный судебный процесс. Эти обучающие игры с эффектом нахождения в одном виртуальном зале всех студентов группы могут в дальнейшем включать в себя «виртуальные образы» реальных судей, открывающих по заданной фабуле судебное заседание, взаимодействующих с помощью искусственного интеллекта с реальными студентами, разрешающих дело по существу тем или иным образом в зависимости от точности процессуальных действий обучающихся, правильного оформления ими процессуальных документов.

Возникнет множество сопутствующих возможностей по изучению иностранных языков в процессе непосредственного знакомства с особенностями судебных процессов разных государств, правовых систем. Благодаря опыту аудирования студенты освоят юридический иностранный язык, виртуальная среда обеспечит качественный перевод (субтитры) с учетом контекста. Все это обеспечит адекватное, а не стереотипное, рекламное, представление о преимуществах и недостатках работы судов в России и зарубежных странах из первых уст, в общении с опытными правоприменителями.

Думается, что, как ни парадоксально это звучит вначале, компьютерные технологии со временем начнут выполнять свое призвание не разобщения, а объединения людей, профессионалов, представителей юридического сообщества, позволят расширить круг знакомств в научном мире студентам и преподавателям в условиях плотного рабочего и учебного графика нехватки времени на поездки в командировки. В научной и образовательной среде появится больше частных международных контактов, при осуществлении которых станет понятно, что в большинстве своем люди стремятся к миру и прогрессу, произойдет разрушение многих мифов и представлений о недоброжелательности и воинственности отдельных национальностей. Эффективнее будет происходить препятствование искажению исторических фактов (например, о причинах и результатах Второй мировой войны) и станет меньше возможностей для политических манипуляций, дискредитации и умаления в сознании общества важнейших институтов, таких как демократия, права человека, правовое государство, социальное обеспечение. Научное сообщество сможет сыграть в данном вопросе не последнюю роль.

Также вследствие развития данных технологий исследователи с мировым именем расширят влияние на умы студентов не только через учебную литературу, но и путем чтения виртуальных лекций. Это будет способствовать созданию реального (не книжного!) образа известного ученого в сознании молодого поколения профессионалов, формированию живых впечатлений от человеческих качеств, манер, уровня развития и культуры общения. Мы полагаем, что виртуальная среда повысит роль личности и личного примера в обучении студентов в небольших городах, филиалах крупных юридических университетов.

Таким образом, в сфере образовательных услуг вновь повысится значение компоненты воспитания, самоотверженности служения юридической науке на благо стране. Придет понимание ценности знаний, сделанных наукой выводов, законов, отражающих гуманизм, справедливость, равенство граждан перед законом и судом.

Современное, качественное, высокотехнологичное, некоммерциализированное и не коррумпированное юридическое образование имеет для нашей страны первостепенное значение. От его уровня зависит формирование правосознания будущих законодателей, судей, прокуроров, адвокатов, правозащитников. Следовательно, создание внутренне непротиворечивого законодательства, единообразного и грамотного правоприменения, наличие в стране гражданского общества в будущем во многом зависят от того, каким является юридическое образование в настоящее время. То есть состояние образования напрямую определяет наличие предпосылок и условий формирования и сохранения правового государства в России. Одной из предпосылок ученые справедливо называют высокий уровень политического и правового сознания людей, высокий уровень их культуры [2].

Таким образом, грамотное использование цифровых технологий (наряду с другими мерами повышения качества) в обучении будущих юристов будет способствовать проявлению таких признаков правового государства, как верховенство закона, гарантированность прав и свобод граждан и реальное их обеспечение.

Библиографические ссылки

1. История Московского университета. Т. I (1755–1917). М., 1955. С. 52–53.
2. Марченко М.Н. Теория государства и права: учеб. 2-е изд., перераб. и доп. М. : ТК Велби, Изд-во Проспект, 2005.

Дата поступления: 25.02.2020

DOI: 10.33184/pravgos-2020.1.13

PERSPECTIVE TECHNOLOGIES OF TEACHING THE SUBJECT “CIVIL PROCEDURE” TO STUDENTS

GORELOV Maxim Vladimirovich

Candidate of Science (Law), Assistant Professor of the Chair of Civil Procedure of the Institute of Law of the Bashkir State University, Ufa, Russia. E-mail: gorelov-maksim@yandex.ru

ZHEMALETDINOV Rustem Maratovich

Candidate of Science (Law), Assistant Professor of the Chair of Civil Procedure of the Institute of Law of the Bashkir State University, Ufa, Russia. E-mail: jurisconsult80@mail.ru

In legal disciplines teaching, the development of methods continues, aimed at increasing the efficiency of students' assimilation of theoretical material, and forming skills of action in real judicial processes. Interactive game forms for conducting lessons simulating typical practical situations have historically proven to be effective. In the new conditions of e-justice, the introduction of video conferencing, high-quality computer video graphics, education should not lag behind new technological advances. The article discusses examples of the application of virtual reality technologies (VR - Virtual Reality) and augmented reality (AR - Augmented Reality) in legal education. The thesis of the positive importance of these technologies for the formation of a developed legal awareness of future professionals and the further evolution of the rule-of-law state is substantiated.

Key words: interactive; student teaching technologies; civil procedure; model litigation; claimant; defendant.

References

1. Istoriya Moskovskogo universiteta (History of Moscow University), T. I (1755–1917). Moscow, 1955, pp. 52–53.
2. Marchenko M.N. Teoriya gosudarstva i prava (Theory of state and law), ucheb. 2-ye izd., pererab. i dop. Moscow, TK Velbi, Izd-vo Prospekt, 2005.

Received: 25.02.2020

УДК 37.014.15

DOI: 10.33184/pravgos-2020.1.14

**ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ
ВНЕУРОЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ОБ ОБРАЗОВАНИИ**

ХАЙРЕТДИНОВА Ольга Айбулатовна

старший преподаватель кафедры «Туризм, гостиничный и ресторанный сервис» Института экономики и сервиса ФГБОУ ВО «Уфимский государственный нефтяной технический университет», г. Уфа, Россия.

E-mail: khairtdinova.oa@gmail.com

ЮСУПОВ Рахимьян Галимьянович

доктор исторических наук, профессор кафедры государственного права Института права ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет», г. Уфа, Россия. E-mail: yusupovr.g@yandex.ru

В статье поднят вопрос о правовом регулировании внеурочной деятельности российских школ. Установлено, что в Федеральном законе «Об образовании», Федеральных государственных образовательных стандартах и ряде других нормативных актов внеурочная деятельность наряду с урочной деятельностью рассматривается как направление основной образовательной программы. Особенностью внеурочной деятельности является добровольное участие обучающихся на основе индивидуального выбора. Этот принцип пересмотрен в письмах Министерства образования и науки (просвещения) РФ, где утверждается обязательное участие обучающихся во внеурочных мероприятиях. Логика этих писем понятна – внеурочная работа с детьми влияет на общие результаты их обучения и воспитания в школе. Вместе с тем на примере экскурсии показано, что не всякая форма внеурочной работы методически адаптирована к контингенту инклюзивных учебных заведений. Авторы подводят к выводу, что нынешние требования Министерства просвещения РФ к организации внеурочной деятельности долж-

ны быть, во-первых, закреплены в нормативных правовых актах и, во-вторых, методически адаптированы к условиям обычных, коррекционных и инклюзивных школ.

Ключевые слова: правовое регулирование; внеурочная деятельность; экскурсия; экскурсия в инклюзивной школе; методика экскурсионной деятельности.

Согласно Федеральному закону «Об образовании», деятельность российских школ заключается, прежде всего, в реализации основных образовательных программ. Образовательные программы разрабатываются в соответствии с уровнями образования (речь идет о начальном общем, основном общем, среднем общем уровнях образования) (ст. 12). Для каждого уровня разработан Федеральный государственный образовательный стандарт (ФГОС) (ст. 11).¹ На всех уровнях стандарты предусматривают формирование двух направлений реализации основной образовательной программы – урочной и внеурочной деятельности. План внеурочной деятельности разрабатывается учебным заведением с учетом «индивидуальных особенностей и потребностей обучающихся». Рекомендованы различные формы внеурочной деятельности (студии, клубы, секции и пр.). Для обучающихся предусмотрено добровольное участие в мероприятиях по индивидуальному выбору.² Это положение стандартов соответствует нормам СанПиН 2.4.2.2821-10 (раздел X)³ и не противоречит положению закона «Об образовании», где сказано, что обязанностью учеников является посещение учебных занятий. Внеурочные мероприятия в данном контексте напрямую не упоминаются (п. 1 ч. 1 ст. 43).

Понимание ситуации осложняют некоторые письма Министерства образования и науки РФ, а после реорганизации – Министерства просвещения РФ. Сначала было обнародовано письмо от 14.12.2015 № 09-3564, в котором сообщается, что внеурочная деятельность «является обязательной».⁴ Возникает вопрос: для образовательной организации или для обучающихся? Но далее имеется уточнение: обучающийся имеет право выбирать «направления и формы вне-

¹ Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (в ред. ФЗ от 06.02.2020 № 9-ФЗ) [Электронный ресурс]. URL: <https://base.garant.ru/70291362/> (дата обращения: 10.02.2020).

² Федеральный государственный образовательный стандарт основного общего образования (утв. приказом Министерства образования и науки РФ от 17.12.2010 № 1897) [Электронный ресурс]. URL: <https://base.garant.ru/55170507/53f89421bbdaf741eb2d1ecc4ddb4c33/> (дата обращения: 19.01.2020).

³ Санитарно-эпидемиологические правила и нормативы СанПиН 2.4.2.2821-10 «Санитарно-эпидемиологические требования к условиям и организации обучения в общеобразовательных организациях» [Электронный ресурс]. URL: <https://base.garant.ru/12183577/> (дата обращения: 19.01.2020).

⁴ Письмо Министерства образования и науки РФ от 14.12.2015 № 09-3564 «О внеурочной деятельности и реализации дополнительных общеобразовательных программ» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71187190/> (дата обращения: 19.01.2020).

урочной деятельности» из числа предложенных общеобразовательной организацией. Иными словами, организация обязана разрабатывать планы внеурочной деятельности, за учеником же сохраняется право добровольного выбора.

Далее появилось письмо Министерства образования и науки РФ от 18.08.2017 № 09-1672, в котором утверждается несколько иной принцип. Ввиду того что внеурочная деятельность – это неотъемлемая часть общеобразовательной программы, участие во внеурочных мероприятиях «является для обучающихся обязательным».⁵

Из письма Министерства просвещения РФ от 05.09.2018 № 03-ПГ-МП-42216 следует, что такая трактовка вызвала у участников образовательных отношений вопрос о нормативном обосновании обязательности участия обучающихся во внеурочной деятельности. В ответ на возникший вопрос в данном письме сообщается, что основная образовательная программа включает учебный план и план внеурочной деятельности, а ученики «обязаны добросовестно осваивать образовательную программу», что отвечает статье 43 Федерального закона «Об образовании».⁶ Здесь уместно отметить, что указанная статья Федерального закона уточняет, как следует понимать добросовестное освоение образовательной программы: «в том числе посещать предусмотренные учебным планом или индивидуальным учебным планом учебные занятия, осуществлять самостоятельную подготовку к занятиям, выполнять задания, данные педагогическими работниками в рамках образовательной программы». То есть формально к обязанностям обучающихся участие во внеурочной деятельности закон не относит.

В целом видение ситуации Министерством просвещения РФ понятно. Действительно, образовательная программа включает план внеурочной деятельности, который, к слову, образовательная организация создает самостоятельно, исходя из своих реалий, и внеурочная работа с детьми рассматривается как фактор, влияющий на общие результаты обучения и воспитания. Логично, скорее, поднимать вопрос о необходимости поправки в Федеральный закон и другие нормативные правовые акты, чтобы исключить двоякое толкование проблемы (выше представлены варианты толкования). Но торопиться с поправками, на наш взгляд, не стоит. Прежде необходимо тщательно разработать методические указания по разным формам внеурочной деятельности 1) для разных категорий обучающихся, 2) для всех разновидностей организации образования (обычные, коррекционные и инклюзивные школы).

Рассмотрим проблему на примере одной из рекомендованных форм внеурочной работы – экскурсии. В рамках внеурочной деятельности экскурсии, как

⁵ Письмо Министерства образования и науки РФ от 18.08.2017 № 09-1672 «О направлении методических рекомендаций» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71670346/> (дата обращения: 19.01.2020).

⁶ Письмо Министерства просвещения РФ от 05.09.2018 № 03-ПГ-МП-42216 «Об участии учеников муниципальных и государственных школ РФ во внеурочной деятельности» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71938994/> (дата обращения: 19.01.2020).

и другие внеурочные мероприятия, организуют педагоги. Вместе с тем следует учитывать, что экскурсионная работа – это методически самостоятельное направление профессиональной деятельности. Несомненно, педагоги, будучи людьми образованными, в состоянии изучить и освоить экскурсионную методику. Не может быть особых затруднений и с информационным насыщением мероприятия. Ведь профессиональный экскурсовод перманентно расширяет информационную базу, необходимую для большого перечня разнообразных по тематике экскурсий, рассчитанных на любые категории экскурсантов, а педагог опирается на конкретную учебную тему или задачу воспитательного характера. Кроме того, некоторые виды экскурсий (например, в музей, на производство) предполагают участие в мероприятии не только педагога, но и экскурсовода. На первый взгляд, организация экскурсии в школе вызывает не меньше сложностей, чем организация какого-либо другого внеурочного занятия. Однако на некоторые моменты хотелось бы обратить внимание.

Использование экскурсий в общеобразовательных школах можно считать удачным форматом работы и в плане изучения отдельных тем учебных дисциплин, и в плане воспитания личности на основе духовно-нравственных ценностей. Сложнее обстоят дела с детско-юношеским туризмом, в том числе экскурсионным, на базе общеобразовательной школы – в данном случае требуются высококвалифицированные специалисты в сфере туризма, но пока наблюдается их нехватка [1, с. 113; 2, с. 59].

Накоплен некоторый опыт экскурсионной работы с детьми с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ) в коррекционных школах. Педагоги знают физические и интеллектуальные возможности своих учеников, включая особенности восприятия информации, и фактически переносят мероприятия, используя принятые методы взаимодействия, из стен школы в музей, на природу и пр. Мы обратили внимание на то, что находящиеся в открытом доступе сведения об экскурсионной работе школ с «особенными» детьми касаются однородных по составу групп, т.е. работа ведется с детьми-ровесниками, имеющими сходные проблемы со здоровьем.

Так, иркутский учитель О.В. Иванова успешно внедряет экскурсионный метод во внеурочной работе со слабовидящими детьми. Планируя посещение музея, она заранее просит музейного экскурсовода знакомить детей с ограниченным количеством экспонатов (учитывая их утомляемость), не слишком задерживаться у экспонатов (учитывая слабость произвольного внимания), предоставлять возможность брать некоторые предметы в руки (учитывая особенности восприятия зрительной информации). Как считает О.В. Иванова, информационно насыщенной должна быть первая половина экскурсии, а когда у слабовидящих экскурсантов начинают проявляться признаки утомления, лучше вводить паузы с элементами двигательной разрядки, игры или творческой работы. Детям экскурсии нравятся, информация об окружающем мире усваивается лучше, чем

на уроке. Кроме того, формируются коммуникационные навыки, в т.ч. в общении с незнакомыми людьми [3].

Еще пример. Учитель естествознания С.В. Корякина из Кировской школы VIII вида, где обучаются дети с умственной отсталостью (интеллектуальными нарушениями), использует экскурсионный метод для наблюдений за сезонными изменениями в природе и воспитания у учеников эстетических чувств. Она тщательно планирует каждое мероприятие, готовит задания, подбирает наиболее выразительные объекты показа, места для отдыха и пр. [4].

Примеров на самом деле много. Даже известные нам молодые экскурсоводы, не являющиеся сотрудниками школы, получив задание совместно со специалистами разработать и провести экскурсию для детей с ОВЗ, отметили, что экскурсия для таких детей – это «маленькое чудо» [5, с. 9].

Можно утверждать, что уже немало учителей адаптирует экскурсионную методику к условиям работы в коррекционных школах, причем для детей с разными патологиями предусматриваются особые подходы (одним экскурсантам нужен сурдопереводчик, другим – образная подача устного материала и возможность тактильного контакта с объектами показа, третьи усваивают только существенно упрощенную информацию и т. д.).

Итак, не только в обычных, но и коррекционных школах экскурсия как форма внеурочной деятельности внедряется без чрезвычайных затруднений. Можно даже говорить о том, что педагоги, работающие с детьми с особыми потребностями, вносят вклад в развитие экскурсионной методики, профессионально расширяя представление об особенностях экскурсионного обслуживания нетрадиционных целевых групп.

На наш взгляд, использование экскурсионного метода выглядит проблематичным применительно к инклюзивной среде. Изучив литературу, мы заметили, что эту тему почти никто не освещает. Встретилась лишь одна публикация, в которой авторы утверждают, что дети с ОВЗ должны «знать большой мир: музеи, театры, стадионы, культурно-просветительские учреждения» и «иметь возможность посещать все те места, где бывают и обычные дети». Из публикации следует, что совместные экскурсии стирают границы между здоровыми детьми и детьми с ОВЗ [6, с. 166]. К сожалению, методические особенности совместных экскурсий в статье не описаны.

Саму идею совместных экскурсий в инклюзивных образовательных организациях переоценить невозможно. Действительно, с введением инклюзивного образования, базирующегося на уважении к человеческому разнообразию, в российском обществе наступил очередной этап гуманизации и «установления новых правил правового взаимодействия между представителями разных слоев социума» [7, с. 11]. Иными словами, посещение детьми с ОВЗ мест, «где бывают и обычные дети» – это не только возможность, определенная современными социальными установками, но и право. Вместе с тем совместные экскурсии широкого распространения пока получить не могут, в том числе и потому, что в

научной, учебной и методической литературе не описано, как методически верно провести экскурсию для группы, в которую входят здоровые дети и дети с разными физическими и умственными отклонениями.

Подытоживая, отметим, что с 2017 г. в письмах Министерства просвещения (ранее образования и науки) РФ, касающихся вопросов организации внеурочной деятельности школ, прослеживаются некоторые противоречия с нормативно-правовой документацией. Если аргументированная позиция Министерства просвещения РФ, настаивающего на обязательном участии школьников во внеурочных мероприятиях, должна рассматриваться как норма, то соответствующие поправки должны быть внесены в закон, юридическую силу которого ведомственные письма не подменяют. Вместе с тем Министерство просвещения РФ не может не учесть, что любые обязательства участников образовательных отношений должны быть методически обеспечены. Инклюзивное образование – относительно новое направление российского образования, находящееся в развитии, поэтому важно не только закрепить на законодательном уровне обязательность внеурочной деятельности, но и помочь педагогам понять, как следует действовать, организуя внеурочные мероприятия в инклюзивной среде.

Библиографические ссылки

1. Хайретдинова Н.Э., Хайретдинова О.А. Концепт «экологии души» через призму «сказочного туризма»: региональные кейсы России // Современные проблемы сервиса и туризма. 2017. Т. 11. № 4. С. 112–123.
2. Зарипова Д.Ф., Хайретдинова О.А. Туристско-краеведческое объединение «Школа юного туриста» на базе студенческого научно-исследовательского сообщества «Клуб экскурсий и путешествий» // Тур-фактор 2014: Стратегии развития туристско-рекреационной сферы региона : материалы VII Междунар. науч.-практ. конф. Казань : ЮНИВЕРСУМ, 2014. С. 58–61.
3. Иванова О.В. Экскурсия как одна из эффективных форм успешной социализации детей с ОВЗ [Электронный ресурс]. URL: <https://urok.1sept.ru/> (дата обращения: 21.01.2020).
4. Корякина С.В. Экскурсия как форма обучения детей с ОВЗ [Электронный ресурс]. URL: <https://www.prodlenka.org/metodicheskie-razrabotki/> (дата обращения: 21.01.2020).
5. Сайгафарова А.Р., Хайретдинова О.А. Доступный туризм. Проведение экскурсий для людей с особенностями // Проблемы развития индустрии туризма и гостеприимства: опыт и инновации : сб. материалов I Междунар. студ. науч.-практ. конф. Чита : Забайкальск. гос. ун-т, 2015. С. 8–10.
6. Зайцева С.Н., Кузнецова Н.Н., Лабазова Т.А. Организация внеурочной деятельности обучающихся с ОВЗ через взаимодействие с другими организациями // ФГОС ОВЗ: опыт, проблемы, перспективы : материалы Всерос. науч.-практ. конф. Белгород : Белгород. ин-т развития образования, 2019. С. 164–168.

7. Юсупов Р.Г., Зайнуллин Р.И. К вопросу о формировании инклюзивной культуры как элемента правовой культуры в обществе и учебных заведениях // Вестник Института права БашГУ. 2019. № 2. С. 5–14.

Дата поступления: 04.02.2020

DOI: 10.33184/pravgos-2020.1.14

**PROBLEMS OF LEGAL REGULATION OF AFTER-HOURS ACTIVITIES
IN THE LAW OF THE RUSSIAN FEDERATION ON EDUCATION**

KHAIRETDINOVA Olga Aibulatovna

Senior Instructor of the Department of Tourism, Hotel and Restaurant Services of the Institute of Economics and Service of the Ufa State Petroleum Technological University, Ufa, Russia. E-mail: khairtdinova.aa@gmail.com

IUSUPOV Rakhimian Galimianovich

Doctor of Sciences (History), Professor of the Chair of State Law of the Institute of Law of the Bashkir State University, Ufa, Russia. E-mail: yusupovr.g@yandex.ru

The article raises the question of legal regulation of after-hours activities in Russian schools. It is defined that in the Federal Law “On Education”, the Federal State Educational Standards and a number of other normative acts, after-hours activities along with lesson activities are considered as a direction of the main educational program. A feature of after-hours activities is learners’ voluntary participation on the basis of individual choice. This principle is revised in the letters of the Ministry of Education and Science (Enlightenment) of the Russian Federation, which states learners’ mandatory participation in after-hours activities. The logic of these letters is understandable as after-hours activities with children affect the overall results of their education and upbringing at school. At the same time, it is shown by the example of an excursion that not every form of after-hours work is methodologically adapted to the contingent of inclusive educational institutions. The authors conclude that the current requirements of the Ministry of Enlightenment of the Russian Federation for organizing after-hours activities should be, firstly, enshrined in regulatory legal acts and, secondly, methodologically adapted to the conditions of ordinary, correctional and inclusive schools.

Key words: legal regulation, after-hours activities, excursion, excursion in inclusive school, methods of excursion activity.

References

1. Khairtdinova N.E., Khairtdinova O.A. Koncept «e`kologii dushi» cherez prizmu «skazochnogo turizma»: regional`ny`e kejsy` Rossii (The concept of “ecology of the soul” through the prism of “fairy tourism”: regional cases of Russia). *Sovremennyye problemy` servisa i turizma*, 2017, No. 4, pp. 112–123.

2. Zaripova D.F., Khairtudinova O.A. Turistsko-kraevedcheskoe ob`edinenie «Shkola yunogo turista» na baze studencheskogo nauchno-issledovatel'skogo soobshhestva «Klub e`kskursij i puteshestvij» (Tourist and regional studies association “School of young tourists” on the basis of the student research community “Club of excursions and travel”), *Tur-faktor 2014: Strategii razvitiya turistsko-rekreacionnoj sfery` regiona*, materialy` VII Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. Kazan, YuNIVERSUM, 2014, pp. 58–61.
3. Ivanova O.V. E`kskursiya kak odna iz e`ffektivny`x form uspešnoj socializacii detej s OVZ (Excursion as one of the effective forms of successful socialization of children with disabilities). Available at: <https://urok.1sept.ru/> (accessed date: 21.01.2020).
4. Koryakina S.V. E`kskursiya kak forma obucheniya detej s OVZ (Excursion as a form of education for children with disabilities). Available at: <https://www.prodlenka.org/metodicheskie-razrabotki/> (accessed date: 21.01.2020).
5. Sajgafarova A.R., Khairtudinova O.A. Dostupny`j turizm. Provedenie e`kskursij dlya lyudej s osobennostyami (Affordable tourism. Guided tours for people with disabilities), *Problemy` razvitiya industrii turizma i gostepriimstva: opy`t i innovacii*, sb. materialov I Mezhdunar. stud. nauch.-prakt. konf. Chita, Zabajkal'sk. gos. un-t, 2015, pp. 8–10.
6. Zajceva S.N., Kuzneczova N.N., Labazova T.A. Organizaciya vneurochnoj deyatel`nosti obuchayushhixsya s OVZ cherez vzaimodejstvie s drugimi organizacijami (Organization of extracurricular activities for students with disabilities through interaction with other organizations), *FGOS OVZ: opy`t, problemy`, perspektivy*, materialy` Vseros. nauch.-prakt. konf. Belgorod, Belgorod. in-t razvitiya obrazovaniya, 2019, pp. 164–168.
7. Yusupov R.G., Zajnullin R.I. K voprosu o formirovanii inklyuzivnoj kul`tury` kak e`lementa pravovoj kul`tury` v obshhestve i uchebny`x zavedeniyax (To the issue of forming inclusive culture as an element of legal culture in society and educational institutions). *Vestnik Instituta prava BashGU*, 2019, No. 2, pp. 5–14.

Received: 07.02.2020

**ПРАВО ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН:
ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ**

**LAW OF FOREIGN COUNTRIES:
PROBLEMS OF THEORY AND PRACTICE**

УДК 343.848

DOI: 10.33184/pravgos-2020.1.15

**ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ
ПОСТПЕНИТЕНЦИАРНОЙ АДАПТАЦИИ ОСУЖДЕННЫХ
В КАЗАХСТАНЕ**

КОПАЛКИНА Евгения Геннадьевна

кандидат философских наук, доцент кафедры социологии и психологии Института экономики, управления и права Иркутского национального исследовательского технического университета, г. Иркутск, Россия.

E-mail: kopalkina2017@list.ru

ИЛТАКОВА Наталья Владимировна

кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры теории и истории права и государства юридического факультета Бурятского государственного университета, г. Улан-Удэ, Россия. E-mail: ulynpa@mail.ru

В работе дается краткий обзор основных нормативно-правовых актов Республики Казахстан – Уголовно-исполнительный кодекс (2014), законы Республики Казахстан «О профилактике правонарушений» (2010), «О пробации» (2016), «О специальных социальных услугах» (2008), Указы Президента Республики Казахстан «О Концепции правовой политики Республики Казахстан на период с 2010 до 2020 года» (2009), «Об утверждении Комплексной стратегии социальной реабилитации граждан, освободившихся из мест лишения свободы и находящихся на учете службы пробации, в Республике Казахстан на 2017-2019 годы» (2016), Приказ Министра внутренних дел Республики Казахстан «Об утверждении Правил проведения воспитательной работы с осужденными к лишению свободы» (2014), в которых раскрываются нормы, регламентирующие процесс ресоциализации и постпениitenciарной адаптации осужденных. На основе сравнительно-правового метода были выделены такие особенности ее правового регулирования, в отличие, например, от России, как принятие самостоятельного документа, регулирующего процесс постпениitenciарной адаптации осужденных Казахстана, институционализация дополнительных форм и органов в системе уголовно-исполнительной системы Республики Казахстан (интернет-блог «Занятость в колониях», службы пробации, добровольные организации осужден-

ных), отсутствие организационно-правовой основы деятельности неправительственных организаций, волонтерских объединений по социальному сопровождению осужденных Республики Казахстан.

Ключевые слова: Казахстан, постпенитенциарная адаптация, осужденные, пробация, правовое регулирование, социальная реабилитация, ресоциализация, уголовно-исполнительная система, добровольные организации осужденных, социальная работа.

В Казахстане как одной из постсоветских стран – стран СНГ во многом сохраняются единые методологические подходы к построению пенитенциарной системы [6, с. 195]. Уголовно-исполнительные кодексы стран СНГ формировались в русле единого правового поля, означающего их ментальное единство, где основополагающим документом, выступающим ориентиром для правотворчества в уголовно-исполнительной сфере, является Модельный Уголовно-исполнительный кодекс стран СНГ [16, с. 134].

Согласно данным Institute for Crime & Justice Policy Research (ICPR) Казахстан занимает 55 место в мировом рейтинге по количеству заключенных, на сегодняшний день насчитывается 29609 заключенных. Для сравнения возьмем такие страны Центральной Азии, как, например, Узбекистан занимает 44 место (43900 чел.), Туркмения – 53 (30452 чел.), Киргизия – 90 (10574 чел.), Монголия – 138 (3099 чел.), Таджикистан – 101 (9317 чел.), Россия – 4 (530460 чел.) [20].

Kazakhstan

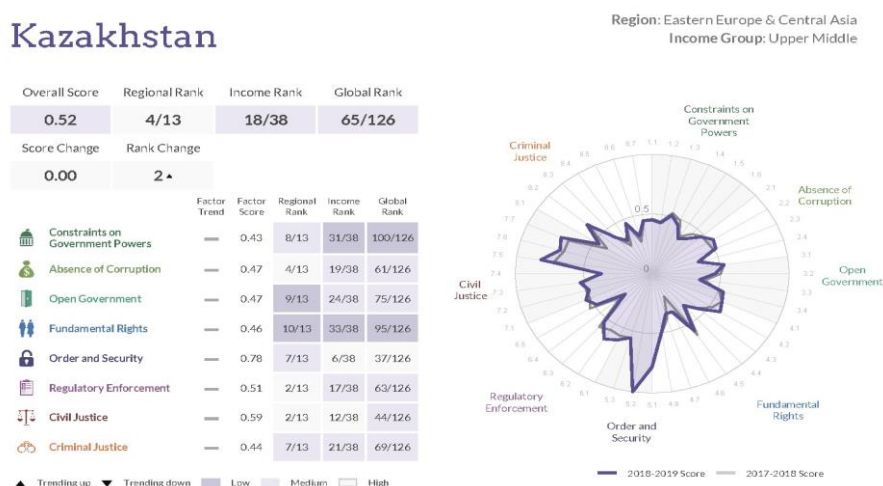

Рис. 1 – Глобальный рейтинг Казахстана в Индексе верховенства права Всемирного проекта правосудия за 2018-2019 год [21]

Глобальный рейтинг Казахстана в WJP Rule of Law Index (индекс верховенства закона стран мира) за 2018-2019 год составил 65 из 126; страна получила хорошие оценки по «Порядку и безопасности» (37/126) и плохие по «Ограни-

чениям правительственных полномочий» (100/126), «Открытому правительству» (75/126) и «Основным правам» (95/126) (см. рис. 1).

На сегодняшний день в системе уголовно-исполнительной системы Казахстана 86 учреждений (69 учреждений и 17 следственных изоляторов), функционируют 57 общеобразовательных школ, 3 соматические, 4 противотуберкулезные и 1 психиатрическая больницы, с 2003 года введена психологическая служба [19].

Основными факторами, влияющими на эффективность постпенитенциарной адаптации осужденных, являются [1, с. 96]:

- глубина деформации личности, на которую влияет режим содержания и социальная среда (ближайшее окружение, администрация исправительного учреждения);

- социальная ситуация освобождения (наличие или отсутствие профессионального образования, тяжелых заболеваний, поддержки от родных и др.);

- отлаженность механизмов социального контроля в постпенитенциарный период.

Постпенитенциарная адаптация осужденных регулируется основными нормативно-правовыми актами Республики Казахстан, такими как:

- Уголовно-исполнительный кодекс Республики Казахстан от 5 июля 2014 года № 234-V ЗРК [17], в котором оказание помощи осужденным в социальной адаптации является одной из основных четырех задач уголовно-исполнительного законодательства Республики Казахстан (ст. 4, п.2). В статье 125 УИК отмечается, что работа по социальной адаптации и психологической помощи проводится в индивидуальном порядке и имеет комплексный характер, поскольку оказывается помощь осужденным не только в адаптации к условиям изоляции, социальной среде и режиму содержания, оптимизации межличностных отношений, но и в подготовке к освобождению.

В статье 157 УИК указываются основные способы формирования право-послушного поведения у осужденных – единый учебно-воспитательный процесс, трудовая деятельность, получение профессионального образования, повышение культурного уровня. Большая роль отводится межведомственному взаимодействию администрации учреждения с местными исполнительными органами, органами внутренних дел, службой пробации, органами социальной защиты, центрами социальной адаптации, поскольку не позднее, чем за один год до истечения срока лишения свободы, они должны уведомить о предстоящем освобождении каждого осужденного, наличии у него жилья, его трудоспособности, имеющихся специальностях, а также составить индивидуальную программу по объему социально-правовой помощи, необходимой для социальной адаптации после освобождения (ст. 166, п. 1).

Важнейшим фактором постпенитенциарной адаптации осужденных является также организация воспитательной работы, проводимой с ними в учреждениях УИС РК. При регулировании воспитательной работы с осужденными к

лишению свободы УИК Республики Казахстан по сравнению с УИК России обладает определенными преимуществами, более подробный сравнительно-правовой анализ, выявление преимуществ и недостатков законодательного регулирования воспитательной работы в России и Казахстане, представлен в работе А.Н. Сирякова [14, с. 259]. Исследователи А.М. Потапов и А.Н. Лепшиков, занимаясь анализом правового регулирования воспитательного воздействия на осужденных в Республике Казахстан, отмечают, что в отличие от России, из главы о воспитательном воздействии (гл. 20) были выведены такие институты, как меры поощрения и взыскания и порядок их применения, нарушения установленного порядка отбывания наказания, а также перечень должностных лиц, применяющих меры поощрения и взыскания. Меры поощрения и взыскания, безусловно, имеют отличия от аналогичных мер в России, но во многом и совпадают с ними [9, с. 896].

Помимо воспитательной работы большую роль в ресоциализации осужденных играет профессиональное образование. Согласно мнению исследователей Е.Н. Пилецкой и А.Н. Медведевой, в УИК РК необходимо ввести отдельную главу, которая закрепляет основные положения получения профессионального и высшего образования среди осужденных, соответствующего требованиям работодателей на рынке труда, и способствующего их исправлению и правопослушному поведению. Введение отдельной главы в УИК направлено на решение таких проблем, связанных с правовым регулированием и реализацией права осужденных на образование, как недостаточная гарантированность общедоступности образования, неотработанность механизма дистанционного способа получения образования, проблемы в обеспечении непрерывности и преемственности образования, связанные с режимными требованиями, реализацией дисциплинарной практики, отбыванием наказания в определенных видах учреждений УИС, а также с определенным сроком отбывания наказания [8, с. 38].

- Закон Республики Казахстан «О профилактике правонарушений» от 29 апреля 2010 года № 271-IV [4], в котором даются определения понятий социальной адаптации и социальной реабилитации (ст. 1), принципы профилактики правонарушений (ст. 4), объем и содержание компетенций различных субъектов профилактики правонарушений (ст. 5-17), а также перечень общих, специальных и индивидуальных мер профилактики правонарушений (ст. 20-29). Данный закон подчеркивает, что одной из важнейших превентивных мер правонарушений является социальная адаптация и социальная реабилитация лиц, находящихся в трудной жизненной ситуации (ст. 3, п. 2).

- Закон Республики Казахстан «О пробации» от 30 декабря 2016 года № 38-VI ЗРК [3] устанавливает понятие, цель, задачи, принципы, виды и формы осуществления пробации, а также правовой статус лиц, в отношении которых применяется пробация, и субъектов, ее осуществляющих (ОВД, служба пробации, местные исполнительные органы, общественные организации). Основными видами пробации являются досудебная (ст. 13), приговорная (ст. 15), пенитенци-

арная (ст. 16) и постпенитенциарная (ст. 17). Постпенитенциарная пробация реализуется в форме пробационного контроля и путем оказания социально-правовой помощи. Как отмечает исследователь Г.Н. Жунисбаева, в условиях одномоментного введения всех видов пробации, тем не менее, «институт пенитенциарной и постпенитенциарной ресоциализации в стране еще не сформировался из-за отсутствия практики проведения такого рода деятельности» [2, с. 274]. Более того, особенностью правового института пробации, в котором важную роль сыграло глубокое изучение международного опыта развитых стран, является то, что отсутствует единое общепринятое его понимание [15, с. 38].

- «О Концепции правовой политики Республики Казахстан на период с 2010 до 2020 года», утвержденной Указом Президента Республики Казахстан от 24 августа 2009 года № 858 [18], являющейся основой для разработки соответствующих программ в области правовой политики государства, перспективных и ежегодных планов законопроектных работ Правительства Республики Казахстан, проектов нормативных правовых актов Республики. В Концепции определяются основные направления развития отраслей национального законодательства, в том числе уголовно-исполнительного, также подчеркивается актуальность и необходимость системных мер в сфере ресоциализации граждан, освободившихся из мест лишения свободы, путем решения проблем занятости, привлечения к обучению, социальным программам ресоциализации, социально-активной деятельности (глава 2, п. 10).

- Приказ Министра внутренних дел Республики Казахстан «Об утверждении Правил проведения воспитательной работы с осужденными к лишению свободы» от 13 августа 2014 года № 508 [10], где особо выделяется организация воспитательной работы с осужденными в период их подготовки к освобождению (глава 6). Ресоциализация осужденных осуществляется службой пробации (по месту дислокации учреждения, затем по месту убытия осужденного) в форме оказания социально-правовой помощи на основе составления индивидуальной программы, которая также включает и психологическую подготовку осужденного к освобождению (беседы о специфических трудностях новой жизни, неопределенностях трудового и бытового устройства, возможных проблемах во взаимоотношениях с родными, друзьями, об активизации психики, настрое чувств, привычек, психических состояний, помощи в вопросах профориентации).

Данный приказ регулирует также деятельность добровольных организаций осужденных, которые формируются из числа положительно зарекомендовавших себя осужденных, в целях поощрения инициативы и оказание влияния на исправление других осужденных, участия в решении вопросов организации труда, быта и досуга (глава 8, п. 57). ДОО состоят из четырех основных секций – секции досуга и самовоспитания, секции прикладного искусства и художественной самодеятельности, производственной секции, санитарно-гигиенической секции, деятельность которых организуются старшими секций, избранными на основе коллективного принятия решений (глава 8, п. 58). Члены ДОО не поль-

зуются дополнительными льготами, привилегиями и не обладают полномочиями администрации учреждения (глава 8, п. 63). ДОО существует также в Белоруссии, Азербайджане, Кыргызстане, Украине, Туркменистане, Таджикистане, в России такие организации в 2010 году были ликвидированы, поскольку привели к расцвету неформальных криминальных группировок среди осужденных в местах лишения свободы. В 2014 году в Казахстане остро стоял вопрос о целесообразности ДОО из-за имеющихся проблем в организации их деятельности таких, как неверное истолкование предназначения этой организации сотрудниками УИС, возросший объем нагрузки на начальников отрядов вследствие дефицита кадров УИС и перекладывания части своих функций на добровольных помощников. Тем не менее, ДОО были сохранены, поскольку на сегодняшний день не имеется в арсенале альтернативных методов воспитательной работы с осужденными [7, с. 320].

Важнейшим нормативным документом, непосредственно регулирующим вопросы постпенитенциарной адаптации осужденных в Казахстане, является Указ Президента Республики Казахстан от 8 декабря 2016 года № 387 «Об утверждении Комплексной стратегии социальной реабилитации граждан, освободившихся из мест лишения свободы и находящихся на учете службы пробации, в Республике Казахстан на 2017–2019 годы» [19], направленный на создание национальной системы комплексной ресоциализации лиц, освободившихся из мест лишения свободы, и находящихся на учете службы пробации. Основными целевыми индикаторами являются 1) уровень повторной преступности, 2) доля граждан, которым оказана социально-правовая помощь. В данном документе дается анализ текущей ситуации в Казахстане, раскрываются проблемные аспекты, освещается мировой опыт (Германия, Чехия, Норвегия, Великобритания, Нидерланды, США, Россия), определяются концептуальные направления совершенствования социальной реабилитации граждан, освободившихся из мест лишения свободы через построение системы социального сопровождения на всех этапах ресоциализации: подготовительный, исправительный, адаптационный. Исследователем И.А. Смирновым подчеркивается то, что реализация Комплексной стратегии связана «с градацией осужденных в зависимости от позитивного поведения в целях адресности работы по социальной адаптации и стимулированию к законопослушному поведению» [16, с. 135].

Важную роль для граждан, освободившихся из мест лишения свободы и находящихся на учете службы пробации, играет Закон Республики Казахстан «О специальных социальных услугах» от 29 декабря 2008 года № 114-IV [5], согласно которому они могут признаваться лицами, находящими в трудной жизненной ситуации (ст. 6, п. 1) на основе заключения, составленного социальным работником в течение 10 рабочих дней со дня поступления заявления, в котором им отмечается вид услуги, категория получателя, место предоставления, продолжительность предоставления услуги, содержание услуги, индивидуальные особенности (ст. 14, пп. 3-4).

На основе вышесказанного можно выделить следующие важнейшие особенности правового регулирования постпенитенциарной адаптации осужденных в Казахстане:

- определение системы социальной реабилитации граждан, освободившихся из мест лишения свободы, в один из ключевых составляющих реформирования системы обеспечения верховенства закона (п. 33 Программы Президента Республики Казахстан «План нации – 100 конкретных шагов») [12], что предопределило принятие самостоятельного документа [19], регулирующего процесс постпенитенциарной адаптации осужденных Казахстана, в отличие, например, от России, в которой данные вопросы рассматриваются в рамках общей Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации [13];

- институционализация дополнительных форм и органов в системе УИС Республики Казахстан (интернет-блог «Занятость в колониях», службы пробации, добровольные организации осужденных – ДОО), закрепленных в соответствующих нормативно-правовых актах, например, не имеют аналогов в уголовно-исполнительной системе России. Интернет-блог «Занятость в колониях» на вебсайте Комитета УИС Казахстана позволил размещать дополнительные заказы на предприятиях УИС, что привело к повышению уровня трудоустройства среди осужденных. Динамика развития службы пробации показывает процент снижения количества совершенных бывшими осужденными повторных преступлений с каждым годом;

- отсутствие организационно-правовой основы деятельности неправительственных организаций, волонтерских объединений по социальному сопровождению осужденных Республики Казахстан в отличие от мировой опыта, предусматривающего сотрудничество государства с институтами гражданского общества. Основная нагрузка по трудовой и бытовой адаптации бывших осужденных приходится на службу пробации, в которой реализуется в больших объемах социально-правовая помощь, но в которой не предусмотрена должность психолога по психологическому сопровождению освободившихся осужденных.

Таким образом, в Республике Казахстан обеспечивается правовое регулирование не только процесса надлежащего исполнения наказаний, но и создания необходимых условий для постпенитенциарной адаптации осужденных. Несмотря на имеющиеся проблемы, законодательство Казахстана на пути реформирования и развития целой системы социальной реабилитации граждан, освобожденных из учреждений УИС, результатами которой станут возвращение к нормальной жизни в обществе лиц, освобожденных из мест лишения свободы, предупреждение повторных преступлений и обеспечение безопасности граждан [11, с. 162].

Библиографические ссылки

1. Аюбаев М.А. Некоторые проблемы ресоциализации осужденных в республике Казахстан // Актуальные научные исследования в современном мире. 2018. № 10-4 (42). С. 92-98.
2. Жунисбаева Г.Н. Вопросы ресоциализации граждан, находящихся в орбите уголовно-исполнительной системы, как первостепенные позиции в уголовной политике государства // Теоретические и практические проблемы развития уголовно-исполнительной системы в Российской Федерации и за рубежом : сборник тезисов выступлений и докладов участников Международной научно-практической конференции (г. Рязань 28-29 ноября 2018 г.) / отв. ред. А.А. Крымов. В 2-х т. Т. 1. Рязань : Академия ФСИН России, 2018. С. 271-281.
3. Закон Республики Казахстан «О пробации» от 30 декабря 2016 года № 38-VI ЗРК [Электронный ресурс] // Министерство юстиции Республики Казахстан: документы. URL: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1600000038> (дата обращения: 21.12.2019).
4. Закон Республики Казахстан «О профилактике правонарушений» от 29 апреля 2010 года № 271-IV [Электронный ресурс] // Министерство юстиции Республики Казахстан: документы. URL: http://adilet.zan.kz/rus/docs/Z100000271_ (дата обращения: 21.12.2019).
5. Закон Республики Казахстан «О специальных социальных услугах» от 29 декабря 2008 года № 114-IV [Электронный ресурс] // Министерство юстиции Республики Казахстан: документы. URL: http://adilet.zan.kz/rus/docs/Z080000114_ (дата обращения: 22.12.2019).
6. Махмудов З.Ш. Постпенитенциарная адаптация осужденных в странах СНГ // Вестник Владимирского юридического института. 2011. № 2 (19). С. 195-199.
7. Мухтабаева Р.К. К вопросу о целесообразности сохранения добровольных организаций, осужденных в республике Казахстан // Техника и безопасность объектов уголовно-исполнительной системы : сборник материалов Международной научно-практической конференции (г. Воронеж 23-24 мая 2018 г.) / отв. ред. Д.Г. Зыбин. Воронеж : ИПЦ «Научная книга», 2018. С. 318-320.
8. Пилецкая Е.Н., Медведева А.Н. О некоторых проблемах получения осужденными профессионального образования в учреждениях уголовно-исполнительной системы республики Казахстан // Уголовное наказание в России и за рубежом: проблемы назначения и исполнения : сборник материалов международной научно-практической конференции, посвященной 10-летию принятия Европейских пенитенциарных правил (г. Вологда 11 ноября 2016 г.) / отв. ред. П.В. Голодов. В 2 ч. Ч. 2. Вологда : ВИПЭ ФСИН России, 2017. С. 34-38.
9. Потапов А. М., Лепшиков А. Н. О воспитательном воздействии на осужденных в республике Казахстан // Уголовно-исполнительная политика и вопросы исполнения уголовных наказаний : сборник материалов Международной научно-практической конференции (г. Рязань 24-25 ноября 2016 г.). В 2-х томах. Т. 1. Рязань : Академия ФСИН России, 2016. С. 893-897.

10. Приказ Министра внутренних дел Республики Казахстан «Об утверждении Правил проведения воспитательной работы с осужденными к лишению свободы» от 13 августа 2014 года № 508 [Электронный ресурс] // Министерство юстиции Республики Казахстан: документы. URL: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/V14C0009729#z146> (дата обращения: 28.11.2019).
11. Примкулова А.А. О некоторых аспектах социальной адаптации и ресоциализации лиц, освободившихся из мест лишения свободы // Научное обеспечение психолого-педагогической и социальной работы в уголовно-исполнительной системе : сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции (г. Рязань 30 марта 2018 г.) / отв. ред. Т.В. Кириллова. Рязань : Академия ФСИН России, 2018. С. 154-163.
12. Программа Президента Республики Казахстан от 20 мая 2015 года «Планы нации – 100 конкретных шагов» [Электронный ресурс] // Министерство юстиции Республики Казахстан: документы. URL: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/K1500000100> (дата обращения: 22.11.2019).
13. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 14.10.2010 N 1772-р (ред. от 23.09.2015) «О Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года» [Электронный ресурс] // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс» по законодательству России: URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_106055/ (дата обращения: 27.12.2019).
14. Сирыхов А.Н. Законодательство о воспитательной работе с осужденными к лишению свободы в России и Казахстане // Пенитенциарная безопасность: национальные традиции и зарубежный опыт : материалы Международной научно-практической конференции (г. Самара 11-12 октября 2018 г.). Самара : Самарский юридический институт ФСИН России, 2018. С. 259-261.
15. Скаков А.Б. Совершенствование уголовно-исполнительного законодательства Казахстана в сфере социальной адаптации осужденных // Стратегические направления противодействия преступности на национальном и трансграничном уровнях : сборник научных трудов по материалам международной научно-практической конференции (г. Ханты-Мансийск 21 мая 2018 г.) [Электронный ресурс] / отв. ред. В.А. Авдеев, С.В. Розенко. Ханты-Мансийск, 2018. С. 36-44.
16. Смирнов И.А. Критерии исправления положительно характеризующихся осужденных по законодательству стран СНГ (Россия, Казахстан, Белоруссия) // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2019. № 3. С. 134-142.
17. Уголовно-исполнительный кодекс Республики Казахстан от 5 июля 2014 года № 234-V ЗРК [Электронный ресурс] // Министерство юстиции Республики Казахстан: документы. URL: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000234> (дата обращения: 21.12.2019).

18. Указ Президента Республики Казахстан от 24 августа 2009 года № 858 «О Концепции правовой политики Республики Казахстан на период с 2010 до 2020 года» [Электронный ресурс] // Министерство юстиции Республики Казахстан: документы. URL: http://adilet.zan.kz/rus/docs/U090000858_ (дата обращения: 10.12.2019).

19. Указ Президента Республики Казахстан от 8 декабря 2016 года № 387 «Об утверждении Комплексной стратегии социальной реабилитации граждан, освободившихся из мест лишения свободы и находящихся на учете службы пробации, в Республике Казахстан на 2017–2019 годы» [Электронный ресурс] // Министерство юстиции Республики Казахстан: документы. URL: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/U1600000387> (дата обращения: 15.11.2019).

20. Prison Population Total [Электронный ресурс] URL: https://www.prisonstudies.org/highest-to-lowest/prison-population-total?field_region_taxonomy_tid=All (дата обращения: 21.10.2019)

21. WJP Rule of Law Index [Электронный ресурс] URL: <http://data.worldjusticeproject.org/#/groups/KAZ> (дата обращения: 21.10.2019).

Дата поступления: 12.02.2020

DOI: 10.33184/pravgos-2020.1.15

FEATURES OF LEGAL REGULATION OF POST-PENITENTIAL ADAPTATION OF CONVICTS IN KAZAKHSTAN

KOPALKINA Evgenia Gennadevna

Candidate of Sciences (Philosophy), Assistant Professor of the Department of Sociology and Psychology of the Institute of Economics, Management and Law of the Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk, Russia. E-mail: kopalkina2017@list.ru

ILTAKOVA Natalya Vladimirovna

Candidate of Sciences (History), Senior Instructor of the Department of Theory and History of Law and State of the Law Faculty of the Buryat State University, Ulan-Ude, Russia. E-mail: ulynpa@mail.ru

The paper gives a brief overview of the main regulatory legal acts of the Republic of Kazakhstan – the Criminal Executive Code (2014), the laws of the Republic of Kazakhstan “On Crime Prevention” (2010), “On Probation” (2016), “On Special Social Services” (2008), Decrees of the President of the Republic of Kazakhstan “On the Concept of the legal policy of the Republic of Kazakhstan for the period from 2010 to 2020” (2009), “On approval of the Comprehensive Strategy for the social rehabilitation of citizens released from prison and registered with probation services in the Republic of Kazakhstan for 2017-2019” (2016), Order of the Minister of Internal Affairs

of the Republic of Kazakhstan “On the Approval of the Rules for Conducting Educational Work with Sentenced to Deprivation of Liberty” (2014), which disclose the rules governing the process of re-socialization and post-penitential adaptation of convicts. Based on the comparative legal method, such features of its legal regulation are distinguished, in contrast, for example, from Russia, such as the adoption of an independent document regulating the process of post-penitential adaptation of convicts of Kazakhstan, the institutionalization of additional forms and bodies in the system of the penal system of the Republic of Kazakhstan (Employment in Colonies” Internet blog, probation services, voluntary organizations of convicts), the lack of an organizational and legal basis for activities of non-governmental organizations, volunteer associations for social support of convicts in the Republic of Kazakhstan.

Key words: Kazakhstan, post-penitential adaptation, convicts, probation, legal regulation, social rehabilitation, re-socialization, penal system, voluntary organizations of convicts, social work.

References

1. Ayubaev M.A. Nekotorye problemy resocializacii osuzhdennyh v respublike Kazahstan (Some problems of re-socialization of convicts in the Republic of Kazakhstan), *Aktual'nye nauchnye issledovaniya v sovremennom mire*, 2018, No. 10-4 (42), pp. 92-98.
2. Zhunisbaeva G.N. Voprosy resocializacii grazhdan, nahodyashchihsya v orbite ugolovno-ispolnitel'noj sistemy, kak pervostepennyye pozitsii v ugolovnoj politike gosudarstva (The issues of re-socialization of citizens in the orbit of the penal system as primary positions in the criminal policy of the state), *Teoreticheskie i prakticheskie problemy razvitiya ugolovno-ispolnitel'noj sistemy v Rossijskoj Federacii i za rubezhom*, sbornik tezisov vystuplenij i dokladov uchastnikov Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii (g. Ryazan' 28-29 noyabrya 2018 g.), otv. red. A.A. Krymov, V 2-h tomah, T. 1, Ryazan', Akademiya FSIN Rossii, 2018, pp. 271-281.
3. Zakon Respubliki Kazahstan «O probacii» ot 30 dekabrya 2016 goda № 38-VI ZRK (The Law of the Republic of Kazakhstan “On Probation” dated December 30, 2016 No. 38-VI ZPK), *Ministerstvo yusticii Respubliki Kazahstan*, dokumenty. Available at: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1600000038> (accessed date: 21.12.2019).
4. Zakon Respubliki Kazahstan «O profilaktike pravonarushenij» ot 29 aprelya 2010 goda № 271-IV (The Law of the Republic of Kazakhstan “On Crime Prevention” dated April 29, 2010 No. 271-IV), *Ministerstvo yusticii Respubliki Kazahstan*, dokumenty. Available at: http://adilet.zan.kz/rus/docs/Z100000271_ (accessed: 21.12.2019).
5. Zakon Respubliki Kazahstan «O special'nyh social'nyh uslugah» ot 29 dekabrya 2008 goda № 114-IV (The Law of the Republic of Kazakhstan “On Special Social Services” dated December 29, 2008 No. 114-IV), *Ministerstvo yusticii Respubliki Kazahstan*, dokumenty. Available at: http://adilet.zan.kz/rus/docs/Z080000114_ (accessed date: 22.12.2019).

6. Mahmudov Z.Sh. Postpenitenciarnaya adaptaciya osuzhdennyh v stranah SNG (Post-prison adaptation of convicts in the CIS countries), *Vestnik Vladimirskego yuridicheskogo instituta*, 2011, No. 2 (19), pp. 195-199.
7. Muhtabaeva R.K. K voprosu o celesoobraznosti sohraneniya dobrovol'nyh organizacij, osuzhdennyh v respublike Kazahstan (To the question of the advisability of maintaining voluntary organizations of convicts in the Republic of Kazakhstan), *Tekhnika i bezopasnost' ob"ektov ugovolno-ispolnitel'noj sistemy*, sbornik materialov Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii (g. Voronezh 23-24 maya 2018 g.), otv. red. D.G. Zybin, Voronezh, IPC «Nauchnaya kniga», 2018, pp. 318-320.
8. Pileckaya E.N., Medvedeva A.N. O nekotoryh problemah polucheniya osuzhdennymi professi-onal'nogo obrazovaniya v uchrezhdeniyah ugovolno-ispolnitel'noj sistemy respubliki Kazahstan (On some problems of convicts getting professional education in institutions of the penal system of the Republic of Kazakhstan), *Ugovolnoe nakazanie v Rossii i za rubezhom: problemy naznacheniya i ispolneniya*, sbornik materialov mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, posvyashchennoj 10-letiyu prinyatiya Evropejskih penitenciarnyh pravil (g. Vologda 11 noyabrya 2016 g.), otv. red. P.V. Golodov, V 2 ch, CH. 2, Vologda, VIPE FSIN Rossii, 2017, pp. 34-38.
9. Potapov A. M., Lepshchikov A. N. O vospitatel'nom vozdejstvii na osuzhdennyh v respublike Kazahstan (On the educational impact on convicts in the Republic of Kazakhstan), *Ugovolno-ispolnitel'naya politika i voprosy ispolneniya ugovolnyh nakazaniy*, sbornik materialov Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii (g. Ryazan' 24-25 noyabrya 2016 g.), V 2-h tomah, T. 1, Ryazan', Akademiya FSIN Rossii, 2016, pp. 893-897.
10. Prikaz Ministra vnutrennih del Respubliki Kazahstan «Ob utverzhdenii Pravil provedeniya vospitatel'noj raboty s osuzhdennymi k lisheniyu svobody» ot 13 avgusta 2014 goda № 508 (The order of the Minister of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan "On approval of the Rules for educational work with prisoners sentenced to imprisonment" dated August 13, 2014 No. 508), *Ministerstvo yusticii Respubliki Kazahstan*, dokumenty. Available at: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/V14C0009729#z146> (accessed date: 28.11.2019).
11. Primkulova A.A. O nekotoryh aspektah social'noj adaptacii i resocializacii lic, osvobodivshihsy iz mest lisheniya svobody (On some aspects of social adaptation and resocialization of persons released from prison), *Nauchnoe obespechenie psichologopedagogicheskoy i social'noj raboty v ugovolno-ispolnitel'noj sisteme*, sbornik materialov Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii (g. Ryazan' 30 marta 2018 g.), otv. red. T.V. Kirillova, Ryazan', Akademiya FSIN Rossii, 2018, pp. 154-163.
12. Programma Prezidenta Respubliki Kazahstan ot 20 maya 2015 goda «Plan natsii – 100 konkretnyh shagov» (The program of the President of the Republic of Kazakhstan dated May 20, 2015, "The Plan of the Nation - 100 Concrete Steps"), *Ministerstvo yusticii Respubliki Kazahstan*, dokumenty. Available at: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/K1500000100> (accessed date: 22.11.2019).

13. Rasporyazhenie Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 14.10.2010 N 1772-r (red. ot 23.09.2015) «O Konceptii razvitiya ugolovno-ispolnitel'noj sistemy Rossijskoj Federacii do 2020 goda» (Order of the Government of the Russian Federation of October 14, 2010 No. 1772-r (as amended on September 23, 2015) “On the Concept of Development of the Penal System of the Russian Federation until 2020”), Spravochno-pravovaya sistema «Konsul'tantPlyus» po zakonodatel'stvu Rossii. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_106055/ (accessed date: 27.12.2019).
14. Siryakov A.N. Zakonodatel'stvo o vospitatel'noj rabote s osuzhdennymi k lisheniyu svobody v Rossii i Kazahstane (Legislation on educational work with prisoners in Russia and Kazakhstan), *Penitenciarnaya bezopasnost': nacional'nye tradicii i zarubezhnyj opyt, materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii* (g. Samara 11-12 oktyabrya 2018 g.), Samara, Samarskij yuridicheskij institut FSIN Rossii, 2018, pp. 259-261.
15. Skakov A.B. Sovershenstvovanie ugolovno-ispolnitel'nogo zakonodatel'stva Kazakhstana v sfere social'noj adaptacii osuzhdennykh (Improving the penal legislation of Kazakhstan in the field of social adaptation of convicts), *Strategicheskie napravleniya protivodejstviya prestupnosti na nacional'nom i transnacional'nom urovnyah, sbornik nauchnykh trudov po materialam mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii* (g. Hanty-Mansijsk 21 maya 2018 g.) [Elektronnyj resurs], otv. red. V.A. Avdeev, S.V. Rozenko, Hanty-Mansijsk, 2018, pp. 36-44.
16. Smirnov I.A. Kriterii ispravleniya polozhitel'no harakterizuyushchihsya osuzhdennykh po zakonodatel'stvu stran SNG (Rossiya, Kazahstan, Belorussiya) (Criteria for the correction of positively characterized convicts under the laws of the CIS countries (Russia, Kazakhstan, Belarus), *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo*, 2019, No. 3, pp. 134-142.
17. Ugolovno-ispolnitel'nyj kodeks Respubliki Kazahstan ot 5 iyulya 2014 goda № 234-V ZRK (The Penal Code of the Republic of Kazakhstan dated July 5, 2014 No. 234-V ZPK), *Ministerstvo yusticii Respubliki Kazahstan, dokumenty*. Available at: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000234> (accessed date: 21.12.2019).
18. Ukaz Prezidenta Respubliki Kazahstan ot 24 avgusta 2009 goda № 858 «O Konceptii pravovoj politiki Respubliki Kazahstan na period s 2010 do 2020 goda» (Decree of the President of the Republic of Kazakhstan dated August 24, 2009 No. 858 “On the Concept of the legal policy of the Republic of Kazakhstan for the period from 2010 to 2020”), *Ministerstvo yusticii Respubliki Kazahstan, dokumenty*. Available at: http://adilet.zan.kz/rus/docs/U090000858_ (accessed date: 10.12.2019).
19. Ukaz Prezidenta Respubliki Kazahstan ot 8 dekabrya 2016 goda № 387 «Ob utverzhdenii Kompleksnoj strategii social'noj rehabilitacii grazhdan, osvobodivshihsya iz mest lisheniya svobody i nahodyashchihsya na uchete sluzhby probacii, v Respublike Kazahstan na 2017-2019 gody» (Decree of the President of the Republic of Kazakhstan dated December 8, 2016 No. 387 “On the approval of the Comprehensive Strategy for the social rehabilitation of citizens released from places of deprivation of liberty

and registered with the probation service in the Republic of Kazakhstan for 2017-2019”), *Ministerstvo yusticii Respubliki Kazahstan*, dokumenty. Available at: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/U1600000387> (accessed date: 15.11.2019).

20. Prison Population Total. URL: https://www.prisonstudies.org/highest-to-lowest/prison-population-total?field_region_taxonomy_tid=All (accessed date: 21.10.2019).

21. WJP Rule of Law Index. URL: <http://data.worldjusticeproject.org/#/groups/KAZ> (accessed date: 21.10.2019).

Received: 12.02.2020

УДК 340.1+34(091)

DOI: 10.33184/pravgos-2020.1.16

К ВОПРОСУ О РАВНЫХ ПРАВАХ МУЖЧИН И ЖЕНЩИН В ЗЕМЛЕ БРАНДЕНБУРГ

ТУЛУПОВА Елена Олеговна

кандидат юридических наук, доцент кафедры теории государства и права Института права ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет», г. Уфа, Россия. E-mail: lena118@yandex.ru

ДЕМИДОВА Татьяна Константиновна

кандидат политических наук, старший преподаватель кафедры международного права и международных отношений Института права ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет», г. Уфа, Россия.

E-mail: dtatyana12@yandex.ru

Равноправие и равенство относятся к центральным принципам прав человека, являясь особенными ценностями (стандартами) любого демократического и правового государства. Норму, закрепляющую равенство всех людей и равноправие мужчин и женщин, следует рассматривать как гарантию, опосредующую функционирование всех ветвей государственной власти. В статье рассматриваются особенности законодательного закрепления и реализации на практике конституционного положения о равноправии мужчин и женщин в Земле Бранденбург. Кроме того, анализируется Закон о паритете, принятый Землей в 2019 году, согласно которому партии обязаны включать в списки Земли на выборах столько же женщин, сколько мужчин в качестве кандидатов. Изучаются различные точки зрения относительно его целесообразности и эффективности.

Ключевые слова: право, равноправие, равенство, конституция, мужчина, женщина, паритет, земля, партия, принцип.

Статья 12 Конституции Земли Бранденбург закрепляет, что все люди равны перед законом. Представителям государственной власти запрещаются любые проявления произвола и неправомерного обращения, посягающие на этот принцип.

Также статья содержит запрет на поставление в более или менее выгодное положение кого бы то ни было на основании происхождения, национальной, половой принадлежности, сексуальной ориентации, социального статуса, инвалидности, религиозных, мировоззренческих, политических убеждений или из расистских побуждений.

Женщины и мужчины имеют равные права. Кроме того, положения статьи обязывают земельные органы принимать эффективные меры для обеспечения равноправия женщины и мужчины в профессиональной, общественной жизни, образовании, обучении, в семье, а также в сфере социального обеспечения. Последний пункт статьи требует, чтобы земельные органы, общины и объединения общин следили за соблюдением равноценных условий для жизни инвалидов (людей с ограниченными возможностями) и здоровых людей.

Наиболее интересным автору видится конституционное положение о мужчинах и женщинах. Проанализируем его с точки зрения правового обеспечения, защиты и реализации на практике.

Государственная политика Земли с начала 90-х годов активно решала проблемы, связанные с устранением дискриминации в отношении женщин, особенно, когда речь идет о руководящих должностях, пенсиях или заработных платах. Одним из первых был разработан и принят Закон о равных государственных возможностях, вступивший в силу в 1994 г. (в редакции 2013 г.), главными задачами которого стали достижение реального равенства между женщинами и мужчинами на государственной службе, содействие совмещению работы и семейной жизни женщин и мужчин, а также улучшение профессионального положения женщин в частном секторе. Он обязывает на государственном и местном уровне приравнивать женщин и мужчин.

Однако статистические данные [1], опубликованные в 2015 г., красноречиво продемонстрировали нерешенность проблемы и необходимость продолжения работы в этом направлении. Например, цифры ярко показали сохранение типичного поведения женщины при выборе профессии. В Бранденбурге около 330 ученических курсов, однако, 51% молодых женщин концентрировали свои карьерные устремления только на десяти профессиях (мужчины – на 36%).

Анализ участия женщин в рабочей силе, с одной стороны, говорил о том, что с долей участия женщин в ней – 72,8%, Бранденбург занимает одно из первых мест в стране, но в то же время, 78,5% всех занятых неполный рабочий день – это женщины, из которых почти 40% хотели бы работать дольше.

Уровень безработицы среди женщин в Бранденбурге с 2005 по 2014 гг. в целом снизился. В 2014 г. ставка составила 8,9%. Этот показатель еще выше для мужчин – 9,8%, но женщины особенно страдают от длительной безработицы. Их

доля среди всех длительно безработных составляет 47%. Доля женщин среди длительно безработных, которые были безработными в течение пяти и более лет, особенно высока – 53%. Бранденбургские женщины зарабатывали за ту же работу в среднем на 8% меньше, чем их коллеги-мужчины (по всей стране 21,6%). Женщины чаще имеют перерывы в карьере и чаще оказываются на низкооплачиваемой работе. Средняя пенсия по старости для бранденбургской женщины ниже, чем у мужчины.

Работа по реализации конституционного положения земельными органами шла по всем фронтам. К примеру, в Законе о Конституционном суде Земли были предусмотрены положения согласно которым: «Президент и вице-президент избираются исключительно из профессиональных судей или лиц, отвечающих требованиям, установленным для должности судьи. Женщин или мужчин среди них должно быть не менее 3 человек» [2, 3].

В 2011 г. Бранденбург стал вторым после Берлина, получившим рамочную программу по обеспечению равенства между женщинами и мужчинами. В 2016 г. правительство Земли приняло вторую рамочную программу по улучшению равных возможностей для женщин и мужчин. В ней содержится обширный каталог мер до 2019 г. Одна из основных задач заключается в мобилизации всех сил для защиты женщин и детей от насилия, продвижение и поддержка местной женской политики, женских альянсов, сетей и структур сотрудничества.

Ориентирование правительства Земли на построение общества, учитывающего гендерную проблематику, позволило в январе 2019 г. Бранденбургу установить новую планку правовых гарантий с принятием Закона о паритете [4]. Закон обязывает партии включать в списки Земли на выборах столько же женщин, сколько мужчин, как кандидатов. Отметим, что правила паритета для выдвижения списков кандидатов уже можно найти в уставах партий Bündnis 90/Grüne, Die Linke и SPD. Именно благодаря этим трем партиям доля женщин-депутатов в Бундестаге с 1998 г. не изменилась.

Позже Закону будет посвящено немало дискуссий. Некоторые назовут его неконституционным, препятствующим свободной демократии своими искусственными барьерами [5, 6]. К примеру, Marc Felix Serrao в своем комментарии напишет: «Государственный парламент Бранденбурга должен стать более женственным. Не на что жаловаться кроме дискриминационного, антиисполнительного и, скорее всего, неконституционного способа, который для этого выбрали депутаты от СДПГ, Левой партии и зеленых. Законодательно требуя от всех партий включать в списки кандидатов столько же женщин, сколько и мужчин, парламентское большинство левого толка не продвигает равенство...».

Партии А. Меркель и А. Крамп-Карренбауэр также оказались не на стороне Закона. В принципе, парламентский паритет женщин и мужчин – верная мысль, но добиваться его необходимо не введением квот, а созданием условий, благоприятных для равноправного участия женщин в общественной жизни и их политического роста – считают христианские демократы. Представители «Аль-

тернативы для Германии» констатировали, что «вслед за безумием гендерной нейтральности землю ожидает безумие квот» [7].

Однако немало сторонников выскажется в его защиту. Вот что напишет о нем проф. Сильке Рут Ласковски: «В настоящее время граждане с правом голоса, с их социально-политическими взглядами и интересами не представлены должным образом в парламентах. Они не имеют возможности эффективно влиять на решения правительства. Это конституционная проблема, потому что действующее законодательство требует, чтобы (избиратели) люди «эффективно влияли» на них, обеспечивая демократическую легитимность отношений между гражданами и государственной властью. В противном случае она отсутствует. Федеральный Конституционный суд Германии недавно заявил в «Постановлении NPD» [8], что: «Для демократической системы возможность участия всех граждан в равной степени в процессе формирования политической воли ... абсолютно необходимы».

Если парламенты состоят преимущественно из депутатов-мужчин, в законодательстве преобладает «мужской взгляд»¹. Снова и снова в такой «оккупации» законодательный орган будет устанавливать правила в ущерб женщинам, которые впоследствии будут признаны неконституционными Федеральным Конституционным судом Германии из-за наличия «косвенной дискриминации». Это изменится только в том случае, если «мужской взгляд» будет дополнен столь же сильным «женским взглядом». Только тогда «равный взгляд» определит политику» [9].

На сегодняшний день государственная политика по обеспечению конституционного положения координируется Министерством труда, социальных дел, здравоохранения, женщин и семьи Бранденбурга (MASGF). Министерство объединяет и координирует политику в отношении женщин и гендерного равноправия всех департаментов. Цель состоит в том, чтобы учитывать гендерные последствия во всех политических действиях (решения). Основой является осознание того, что политические и административные решения могут по-разному влиять на женщин и мужчин. Этот подход также упоминается как гендерный мейнстрим и подвергается резкой критике, особенно со стороны правых популистских и правых экстремистских партий.

Существует также государственный представитель по вопросам равноправия между женщинами и мужчинами. Его задача состоит в том, чтобы укрепить равные права на местах, работать над обеспечением гендерного равнопра-

¹ Только 30,9% членов Бундестага составляют женщины – менее чем за 20 лет. 61,5 млн немцев имели право голоса, в том числе 31,7 млн граждан, то есть 51,5% людей, имеющих право голоса. Аналогичная ситуация в 16 государственных парламентах: в среднем женщины составляют около 30%. Женщины недопредставлены в Бранденбурге с 1990 г. – их доля в приемлемом населении составляет хорошие 51%, но доля женщин-парламентариев составляет всего 38,6%.

вия в Бранденбурге и повысить осведомленность общественности о проблемах равенства и равноправия.

О том насколько эффективной и оправданной окажется политика Земли в целом и в частности новый Закон, остается гадать. Только со временем можно будет оценить его влияние на ситуацию и способность ее разрешить.

Библиографические ссылки

1. Gleichstellung in Brandenburg. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.politische-bildung-brandenburg.de/themen/was-ist-demokratie/gleichstellung-brandenburg> (дата обращения: 12.02.2020).
2. Юсупова Е.О. Конституционный Суд Земли Бранденбург на защите основных прав и свобод человека и гражданина // Научная жизнь. 2006. № 6. С. 100-104.
3. Тулупова Е.О., Ларинбаева И.И. Особенности конституционного процесса в субъекте федерации (на примере Конституционного суда Земли Бранденбург) // Правовое государство: теория и практика. 2018. № 51. С. 93-98.
4. Закон о паритете в Бранденбурге [Электронный ресурс]. URL: https://www.parlamentsdokumentation.brandenburg.de/parladoku/w6/drs/ab_10400/10466.pdf. (дата обращения: 12.02.2020).
5. Frauenquoten fürs Parlament: Wie man die Idee des Bürgertums verrät und das Leistungsprinzip aushebelt [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nzz.ch/international/deutschland/paritaetsgesetz-in-brandenburg-die-quote-ist-ein-irrweg-ld.1456571> (дата обращения: 12.02.2020).
6. Alexander Hobusch Wahlrechtliche Irrwege in Brandenburg <https://www.lto.de/recht/hintergruende/h/paritaetsgesetz-brandenburg-verfassungswidrig-quoten-wahlrecht-geschlecht-landesliste/> (дата обращения 12.02.2020).
7. Бранденбург уравнил женщин с мужчинами [Электронный ресурс]. URL: http://www.rg-rb.de/index.php?option=com_rg&task=item&id=23993 (дата обращения 12.02.2020).
8. Die NPD hat nicht genug Potential [Электронный ресурс]. URL: <https://www.lto.de/recht/hintergruende/h/bverfg-2-bvb-1-13-npd-verbotsverfahren-partei-verbot-voraussetzungen-potentialitaet-bedeutung/> (дата обращения: 12.02.2020).
9. Prof. Dr. Silke Ruth Laskowski Schritt zur gleichberechtigten demokratischen Teilhabe [Электронный ресурс]. URL: <https://www.lto.de/recht/hintergruende/h/paritaetsgesetz-brandenburg-wahlrecht-frauen-maenner-geschlecht-verfassungsrecht/> (дата обращения: 12.02.2020).

Дата поступления: 02.03.2020

**TO THE ISSUE OF THE EQUAL RIGHTS OF MEN AND WOMEN
IN THE STATE OF BRANDENBURG**

TULUPOVA Elena Olegovna

Candidate of Sciences (Law), Assistant Professor of the Chair of Theory of State and Law of the Institute of Law of the Bashkir State University, Ufa, Russia. E-mail: lena118@yandex.ru

DEMIDOVA Tatyana Konstantinovna

Candidate of Sciences (Law), Senior Instructor of the Chair of International Law and International Relations of the Institute of Law of the Bashkir State University, Ufa, Russia. E-mail: dtatyana12@yandex.ru

Equality and equity are the central principles of human rights, being special values (standards) of any democratic and rule-of-law state. A provision that enshrines the equity of all human beings and the equality of men and women should be seen as a guarantee that mediates the functioning of all branches of government. The article reviews the peculiarities of the legislative consolidation and implementation of the constitutional provision on the equality of men and women in Brandenburg. In addition, the article analyzes the Law on Parity adopted by the State in 2019, according to which parties are obliged to include equal number of men and women as candidates in the lists of the State in elections. Different views on its feasibility and effectiveness are studied.

Key words: right, equality, equity, constitution, man, woman, parity, land, party, principle.

References

1. Gleichstellung in Brandenburg. Available at: <https://www.politische-bildung-brandenburg.de/themen/was-ist-demokratie/gleichstellung-brandenburg> (accessed date: 12.02.2020).
2. Yusupova Ye.O. Konstitutsionnyy Sud Zemli Brandenburg na zashchite osnovnykh prav i svobod cheloveka i grazhdanina (The Constitutional Court of Brandenburg on the protection of the fundamental rights and freedoms of man and citizen). *Nauchnaya zhizn'*, 2006, No. 6, pp. 100-104.
3. Tulupova Ye.O., Larinbayeva I.I. Osobennosti konstitutsionnogo protsessa v sub'yekte federatsii (na primere Konstitutsionnogo suda Zemli Brandenburg) (Features of the constitutional process in the subject of the federation (on the example of the Constitutional Court of Brandenburg)). *Pravovoye gosudarstvo: teoriya i praktika*, 2018, No. 51, pp. 93-98.
4. Zakon o paritete v Brandenburge (The Parity Act in Brandenburg). Available at: https://www.parlamentsdokumentation.brandenburg.de/parladoku/w6/drs/ab_10400/10466.pdf. (accessed date: 12.02.2020).

5. Frauenquoten fürs Parlament: Wie man die Idee des Bürgertums verrät und das Leistungsprinzip aushebelt. Available at: <https://www.nzz.ch/international/deutschland/paritaetsgesetz-in-brandenburg-die-quote-ist-ein-irrweg-ld.1456571> (accessed date: 12.02.2020).
6. Alexander Hobusch Wahlrechtliche Irrwege in Brandenburg. Available at: <https://www.lto.de/recht/hintergruende/h/paritaetsgesetz-brandenburg-verfassungswidrig-quoten-wahlrecht-geschlecht-landesliste/> (accessed date: 12.02.2020).
7. Brandenburg uravnyal zhenshchin s muzhchinami (Brandenburg equalized women with men). Available at: http://www.rg-rb.de/index.php?option=com_rg&task=item&id=23993 (accessed date: 12.02.2020).
8. Die NPD hat nicht genug Potential. Available at: <https://www.lto.de/recht/hintergruende/h/bverfg-2-bvb-1-13-npd-verbotsverfahren-partei-verbot-voraussetzungen-potentialitaet-bedeutung/> (accessed date: 12.02.2020).
9. Prof. Dr. Silke Ruth Laskowski Schritt zur gleichberechtigten demokratischen Teilhabe. Available at: <https://www.lto.de/recht/hintergruende/h/paritaetsgesetz-brandenburg-wahlrecht-frauen-maenner-geschlecht-verfassungsrecht/> (accessed date: 12.02.2020).

Received: 02.03.2020

УДК 341.225.5

DOI: 10.33184/pravgos-2020.1.17

К ВОПРОСУ ОБ ЭВОЛЮЦИИ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОГО СОТРУДНИЧЕСТВА ГОСУДАРСТВ В ОБЛАСТИ РАЦИОНАЛЬНОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ И ОХРАНЫ РЕСУРСОВ МИРОВОГО ОКЕАНА

ЕЛИЗАРОВ Михаил Владимирович

кандидат философских наук, доцент кафедры международного права и международных отношений Института права ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет», г. Уфа, Россия. E-mail: mikeufa@yandex.ru

На протяжении многих десятилетий предпринимались попытки юридически регламентировать механизм рационального использования ресурсов Мирового океана в рамках единого документа, который был бы приемлем для всех стран. Кульминацией данного процесса стало принятие Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. Вступив в силу в 1994 г., эта Конвенция заложила правовую основу обеспечения рационального использования ресурсов Мирового океана и их сохранения в интересах будущих поколений. Вместе с тем по-прежнему сохраняется острая проблема, связанная с поиском баланса между достижением глобального консенсуса по общим для всех проблемам и выявлением тем, которые

могут быть затронуты и решены лидерами на глобальном уровне. По мере того как человечество продолжает откладывать принятие срочных мер по предотвращению последствий изменений климата, экология продолжает ухудшаться, при том что меры для смягчения этих последствий становятся всё более дорогостоящими и сложными.

Ключевые слова: Мировой океана; загрязнение морской среды; рациональное использование; экология прибрежных районов; Стокгольмская конференция; ЮНКЛОС 1982; «Саммит Земли».

Благополучие миллиардов людей и даже стабильность жизни на Земле прямо или косвенно зависит от благоприятного состояния морской среды. Мировой океан покрывает 71% земной поверхности и содержит более 90% обитаемого пространства для жизни на Земле. В океане обитает примерно 90% биомассы планеты, притом, что около 10% земной суши покрыто ледниками. Океан и ледники поддерживают на планете уникальную среду обитания и взаимосвязаны с другими компонентами климатической системы посредством глобального обмена водой, энергией и углеродом. [1, с. 22].

В то же время Мировой океан – это очень хрупкая система, что стало очевидно в последние десятилетия, когда загрязнение океанских вод достигло невиданных прежде масштабов. Огромные размеры, продуктивность и разнообразие жизни в Мировом океане вызвали ложное чувство самоуспокоенности. Люди веками осуществляли нещадную добычу морских ресурсов, используя моря для расширения международных контактов. Сегодня моря и океаны становятся и местом для утилизации различных материалов и отходов, поступающих через впадающие в него реки.¹

На протяжении многих десятилетий неоднократно предпринимались попытки юридически регламентировать использование ресурсов Мирового океана в рамках единого документа, который был бы приемлем для всех стран. В связи с ухудшением состояния прибрежных вод и океанов вследствие увеличения масштабов освоения прибрежных районов, загрязнения с судов, наземных источников, разрушением среды обитания и других угроз, в 1954 г. государства подписали Международную конвенцию по предотвращению загрязнения моря нефтью. Конвенция использовала зональный подход к загрязнению морской среды, поскольку она запрещала слив нефти в пределах пятидесяти миль от суши. Несмотря на поправки, внесенные в 1962, 1969, 1970 и 1971 гг., положения

¹ Доклад Генерального секретаря от 10 мая 2017 г. «Ход достижения целей в области устойчивого развития» // Официальный сайт Организации Объединённых Наций [Электронный ресурс]. URL: <https://undocs.org/ru/E/2017/66> (дата обращения 05.03.2020).

Конвенции 1954 г. были недостаточны для значительного уменьшения загрязнения нефтью.²

В связи с растущим осознанием промышленно развитыми странами экологических проблем, таких как трансграничное загрязнение воздуха и воды, уже в середине 1960-х гг. назрела потребность проведения глобального саммита. Политическая инициатива исходила от шведского правительства, которое в то время находилось под сильным внутривластным давлением, требовавшим решения проблемы кислотных дождей. Так, в 1968 г. на заседании Парижской конференции по проблемам биосферы, организованной под эгидой ЮНЕСКО при содействии ВОЗ и ФАО, представитель Швеции предложил идею созыва глобальной экологической конференции.

Четыре года спустя в 1972 г. в Стокгольме состоялась Конференция ООН по проблемам окружающей среды, – первая экологическая всемирная. Генеральным секретарём Конференции стал предприимчивый канадец Морис Стронг. На Конференции присутствовали представители 113 стран и члены ряда международных организаций, в том числе Международной организации труда и Всемирного банка. На конференции были приняты три документа: Декларация принципов (26 принципов), План мероприятий, содержащий 109 пунктов, и Резолюция об институциональных и финансовых договоренностях. В этих документах изложены политические, организационные и экономические вопросы охраны окружающей среды. В Декларации устанавливались важные принципы, на основе которых были разработаны экологические стандарты, применимые ко всей окружающей среде.³

Несмотря на то, что до начала конференции звучали мощные призывы к политической поддержке охраны и улучшения состояния окружающей среды, на практике много внимания было уделено вопросам, не относящимся к основной теме. Среди них – бедность и социальная несправедливость. Особенно активно в дискуссию вступили представители развивающихся стран из группы Группы 77 (G77), созданной в 1964 г. Они выступали за совместное рассмотрение проблем экологии и развития человеческого потенциала. В то же время коалиция представителей развитых стран, более известная как «брюссельская группа», в которую входили США, Великобритания, Франция, Бельгия и Германия, стремились подорвать итоги переговорного процесса и сорвать выдвинутую программу ООН по окружающей среде (ЮНЕП). Этим они хотели защитить свои собственные торговые и промышленные интересы за счёт развивающихся стран [3].

² International Convention for the Prevention of Pollution of the Sea by Oil, 1954 // Official site of Admiralty and maritime law guide [Электронный ресурс]. URL: <http://www.admiraltylawguide.com/convention/oilpol1954.html> (дата обращения 05.03.2020).

³ Декларация Конференции Организации Объединённых Наций по проблемам окружающей человека среды от 16 июня 1972 г. // Официальный сайт Организации Объединённых Наций [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declarathenv.shtml (дата обращения 05.03.2020).

Стокгольмская конференция положила начало продолжающемуся по настоящее время международному переговорному процессу по вопросам экологии. Важным новшеством стал политико-правовой принцип, согласно которому национальный суверенитет над природными ресурсами не должен оказывать отрицательного воздействия на другие государства [2]. На стокгольмской конференции приняты 109 практических рекомендаций о проведении мероприятий на международном уровне для защиты окружающей человека среды. Девять из этих рекомендаций касаются загрязнения морской среды. Принятые на Стокгольмской конференции документы оказали прямое и непосредственное воздействие на работу Комитета по морскому дну (предшественника третьей Конференции ООН по морскому праву) и, в частности, его Подкомитета III. Этот Подкомитет отвечал за подготовку проектов статей о защите и сохранении морской среды для рассмотрения Конференцией по морскому праву.

В 1973 г. Международную конвенцию по предотвращению загрязнения с судов (МАРПОЛ 73/78).⁴ Данная конвенция имеет шесть технических приложений, каждое из которых касается потенциального источника загрязнения с судов:

- загрязнение нефтью (сырой нефтью, мазутом);
- вредными жидкими веществами, перевозимыми навалом / насыпью;
- вредными веществами, перевозимыми в упакованном виде;
- загрязнение сточными водами;
- загрязнение мусором;
- загрязнение воздуха.

В 1982 г. в 1982 г. на 11 сессии Генеральной Ассамблеи ООН в г. Монтего-Бее была принята Конвенция ООН по морскому праву (далее – ЮНКЛОС 1982).⁵ Принятие ЮНКЛОС было продиктовано требованиями времени, необходимостью выработки единых правил и стандартов для регламентации новых видов деятельности на море, в том числе, касающихся инцидентов с нефтеналивными танкерами, выдвинувших на повестку дня проблему защиты морских экосистем и биоразнообразия. Положения ЮНКЛОС вытекают непосредственно из Устава Организации Объединенных Наций.⁶ ЮНКЛОС регламентирует вопросы, касающиеся суверенитета, прав и обязанностей прибрежных стран в области управления морской средой и её ресурсами. Кроме того, данная конвенция включает положения целого ряда международных соглашений по вопросам, ка-

⁴ Международная конвенция по предотвращению загрязнений с судов от 2 ноября 1973 г. (с посл. измен. и доп. от 26 сентября 1997 г.) // Официальный сайт Международной Ассоциации по опасным грузам и контейнерам [Электронный ресурс]. URL: http://www.idgca.org/doc/app6_020215.pdf (дата обращения 05.03.2020).

⁵ Конвенция ООН по морскому праву 1982 г./ United Nations Convention on the Law of the Sea (UNCLOS). [Электронный ресурс]. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/lawsea.shtml (дата обращения 05.03.2020).

⁶ Устав Организации Объединенных Наций (Сан-Франциско, 26 июня 1945 г.) [Электронный ресурс]. URL: <http://un.org/ru/documents/charter> (дата обращения 05.03.2020).

сающихся управления рыбными ресурсами, безопасности морского судоходства, борьбы с загрязнением, защиты и охраны биоразнообразия, реагирования на предполагаемое изменение климата.⁷

В 1992 г. в Рио-де-Жанейро под эгидой ООН проходила Конференция по окружающей среде и развитию (ЮНСЕД), собравшая практически все государства мира (178 стран) и 114 глав государств, а также 9000 представителей СМИ и 1400 членов неправительственных организаций. Конференция 1992 г. в Рио была значительно масштабнее конференции в Стокгольме. Повестка дня была более широкой и гораздо более сложной. Рио-де-Жанейрская конференция затмила Стокгольмскую по количеству задействованных участников. Она привлекла гораздо больше внимания СМИ и мировых лидеров. На Конференции, получившей название «Саммита Земли», был принят ряд важных соглашений: 1) Рио-де-Жанейрская Декларация принципов; 2) Рамочная конвенция об изменении климата; 3) Конвенция о биологическом разнообразии; 4) Повестка дня на XXI век – план действий в 40 главах, который выполняет функцию дорожной карты устойчивого развития; и 5) Свод принципов лесного хозяйства. Так, в рамках Повестки дня 21/2030 ЮНСЕД сформулировала принципы устойчивого развития, такие как интеграция, предупреждение загрязнения, равноправие поколений, принцип «платит загрязнитель», управления ресурсами на уровне прибрежных общин, участие общественности, права женщин из числа коренного населения. Причём три принципа имеют особое значение в деле управления и рационального использования морской среды, а именно: интеграция, у управления ресурсами на уровне прибрежных общин и «платит загрязнитель».⁸ В то же время Конференция ЮНСЕД 1992 оставила нерешёнными многие вопросы. К числу таких вопросов относятся реализация посредством права принципов устойчивого развития, а также необходимость укрепления принятых Рио-де-жанейрскими конвенциями обязательств. Как ЮНКЛОС, так и ЮНСЕД сформулировали несколько принципов «мягкого права», которые должны направлять национальные политические реформы по вопросам, касающимся управления прибрежными и морскими районами. В то же время ЮНСЕД не смогла повысить эффективность международного сотрудничества в морской деятельности, например, между рыболовством и охраной природы.

В сентябре 2002 г. под эгидой ООН состоялся всемирный саммит по устойчивому развитию Рио+10, который состоялся в Йоханнесбурге (ЮАР). Его цель состояла в оценке международного сотрудничества государств в области

⁷ Резолюция A/70/L.1 «Преобразование нашего мира: повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года» // Организация Объединённых Наций, Нью-Йорк, 21 октября 2015 г. [Электронный ресурс]. URL: https://unctad.org/meetings/en/SessionalDocuments/ares70d1_ru.pdf (дата обращения 05.03.2020).

⁸ Повестка дня на XXI век от 2-14 июня 1992 г. // Официальный сайт Организации Объединённых Наций [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/agenda21.shtml (дата обращения 05.03.2020).

устойчивого развития за десятилетие, за десятилетия, прошедшее со времени Конференции ООН по окружающей среде и развитию в Рио-де-Жанейро. На саммите при обсуждении разного рода проблем, связанных с достижением устойчивого развития, приняли участие представители 191 страны, члены межправительственных и неправительственных организаций, крупные промышленники и видные эксперты. В отличие от «Саммита Земли» в Рио-де-Жанейро, на котором были выработаны четыре основных природоохранных соглашения и повестка дня на XXI век, саммит в Йоханнесбурге не имел цели разрабатывать новые конвенции или пересматривать Повестку дня 21/2030. Вместо этого саммит утвердил План действий, содержащий набор целей и графиков, конкретных мер, которые обеспечат устойчивое развитие. План действий является скорее политическим документом и поэтому не имеет обязательной юридической силы для правительств. Однако, как и Повестка дня 21/2030, План действий призван служить ориентиром для правительств, международных организаций и других заинтересованных сторон в области развития, финансов и инвестиций. В План действий были специально включены вопросы, касающиеся Мирового океана, и для некоторых из них был чётко определён срок выполнения.⁹ Йоханнесбургский План действий был рассчитан более чем на 10 лет. Ниже мы рассмотрим часть Плана с целями указанием срока их выполнения.

В целом можно отметить, что План действий 2002 г. предусматривал недвусмысленное признание управления морскими ресурсами населением прибрежных районов, включая признание их ключевой роли в устойчивом развитии. Вместе с тем история Йоханнесбургского саммита вызывает тревогу. Неспособность правительств принять и согласовать эффективный план действий (в том числе по вопросам финансирования) и институциональные механизмы, заставляет полагать, что успехи встречи на высшем уровне могут оказаться бессмысленными. Прежде всего, прогрессу в решении проблем развития и окружающей среды в течение многих лет или даже десятилетий будут препятствовать разногласия, имеющие место между правительствами, между элементами гражданского общества, а также между правительствами и гражданским обществом.

При всём при этом следует учитывать, что целевые показатели и графики ЮНСЕД и Плана Действий 2002 г. не являются «самореализующимися». Правительствам различных стран требуется поддержка и сотрудничество с представителями океанских, прибрежных и островных сообществ для практической реализации того, что задумано, для мобилизации необходимых знаний и финансов. Затрудняет оценку прогресса в осуществлении целевых показателей ЮНСЕД и Плана Действий, касающихся океанов, прибрежных районов и малых островных развивающихся государств целый ряд причин:

⁹ План выполнения решений Всемирной встречи на высшем уровне по устойчивому развитию / A/CONF.199/20 / [Электронный ресурс]. URL: http://www.un.org/ru/events/pastevents/pdf/plan_wssd.pdf (дата обращения 05.03.2020).

- отсутствие каких-либо системы оценивания, которой можно было бы руководствоваться при определении степени прогресса на глобальном уровне, и это притом, что существуют механизмы оценки, используемые на местном или региональном уровнях;

- не существует органа или инстанции, которым было бы поручено на регулярной основе собирать на международном и национальном уровнях данные по всему спектру вопросов, связанных с океанами, особенно в том, что касается общих целей;

- отсутствует регулярный сбор и оценка информации о социальном и экономическом благосостоянии прибрежных общин, что весьма затрудняет определение прогресса в области развития.

Трудная задача состоит в том, чтобы найти баланс между достижением глобального консенсуса по общим для всех проблемам и выявлением тем, которые могут быть затронуты и решены лидерами на глобальном уровне. Важно отметить, что неспособность ряда конференций (например, Стокгольмской) финансировать должное развитие в глазах многих развивающихся стран предстаёт как самая большая их слабость.

В заключение отметим, что последствия изменения климата могут оказаться ещё хуже, чем те прогнозы, которые были даны Межправительственной группой экспертов по изменению климата (МГЭИК). Многие негативные изменения происходят быстрее, чем ожидалось, в том числе в результате таяния арктического льда, Гренландского ледового щита и Антарктического ледового щита. По мере того как человечество продолжает как и раньше откладывать принятие срочных и критических мер, необходимых для предотвращения последствий климатических изменений, экология продолжает ухудшаться, при том что благополучие население прибрежных районов по-прежнему зависит от туризма и рыболовства, а меры для смягчения этих последствий, становятся всё более дорогостоящими и сложными. Масштабы взаимодействия человека и океана призывает к выработке междисциплинарного подхода к рациональному использованию морских ресурсов, и этот подход должен дополняться переосмыслением отношений общества с миром природы.

Библиографические ссылки

1. Судариков В.Н. Геология и минеральные ресурсы Мирового Океана : учебное пособие. Оренбург : ОГУ, 2012. // ЭБС "Университетская библиотека онлайн" [Электронный ресурс]. URL: <http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=270306> (дата обращения: 05.03.2020).
2. Haas P., Levy M., and Edward Parson (1992), Appraising the Earth Summit: How Should We Judge UNCED's Success? // Environment 34, no. 6 (October 1992), pp. 7-11 and 26-33.
3. Williams M. (1997) The Group of 77 and global environmental politics // Global Environmental Change no. 7 (3). P. 295-298.

Дата поступления: 02.03.2020

**TO THE ISSUE OF THE DEVELOPMENT OF INTERNATIONAL LEGAL
COOPERATION OF STATES IN THE FIELD OF THE RATIONAL USE
AND PROTECTION OF RESOURCES OF THE WORLD OCEAN**

YELIZAROV Mikhail Vladimirovich

Candidate of Sciences (Philosophy), Assistant Professor of the Chair of International Law and International Relations of the Institute of Law of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Bashkir state university", Ufa, Russia.

E-mail: mikeufa@yandex.ru

Over the decades, attempts were made to elaborate a legally binding single document on ocean resource management that would be acceptable to all countries. The culmination of this process was the adoption of the 1982 UN Convention on the law of sea. Since its entry into force, the Convention has become an important legal basis for ensuring the rational use of the world's ocean resources and their long-term conservation on behalf of future generations. At the same time, there remains the very acute challenge associated with finding a balance between reaching a global consensus on issues that are common to all and identifying topics that can be addressed and resolved by leaders at the global level. As humankind continues to postpone the adoption of urgent measures to prevent the effects of climate change, the environment deteriorates, while measures to mitigate these effects get more expensive and complex.

Key words: World Ocean; marine pollution; rational use; coastal ecosystems; Stockholm conference; UNCLOS of 1982; Earth Summit.

References

1. Sudarikov, V. N. *Geologiya i mineral'nye resursy Mirovogo Okeana* (Geology and mineral resources of the World Ocean), *uchebnoe posobie*. Orenburg. OGU, 2012. 139 pp. *EBS "Universitetskaya biblioteka onlajn"*. Available at: <http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=270306> (accessed date: 05.03.2020).
2. Haas P., Levy M., and Edward Parson (1992), Appraising the Earth Summit: How Should We Judge UNCED's Success? // *Environment* 34, No. 6 (October 1992), pp. 7-11 and 26-33.
3. Williams M. (1997) The Group of 77 and global environmental politics. *Global Environmental Change*, No. 7 (3), pp. 295-298.

Received: 02.03.2020

УДК 341

DOI: 10.33184/pravgos-2020.1.18

**ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ЗАЩИТЫ СВИДЕТЕЛЕЙ
В СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ АМЕРИКИ****КАРИМОВА Гузель Юрисовна***кандидат юридических наук, доцент кафедры финансового и экологического права Института права ФГБОУ ВО «Бакинский государственный университет», г. Уфа, Россия. E-mail: guzel-karimova-80@mail.ru***КАРИМОВ Рим Римович***кандидат юридических наук, начальник кафедры истории и теории государства и права Уфимского юридического института МВД России, г. Уфа, Россия. E-mail: karimov_rim@mail.ru*

В статье изучаются организационные и правовые аспекты реализации программы защиты свидетелей в США. Отдельное внимание уделяется деятельности по данному направлению Министерства юстиции США, службы маршалов США, которая непосредственно обеспечивает защиту свидетелей и федерального бюро тюрем. Приводятся некоторые статистические данные по защите свидетелей. Рассматриваются конкретные меры защиты и их применение по отношению к участникам уголовного процесса.

Ключевые слова: защита свидетелей, Генеральный прокурор, Служба маршалов США, Министерство юстиции США, Федеральное бюро тюрем США.

Программа обеспечения безопасности свидетелей (WITSEC) была санкционирована в рамках Закона о борьбе с организованной преступностью 1970 года. В нем говорилось, что Генеральный прокурор может обеспечить защиту свидетеля «любым способом, который считается наиболее полезным при особых обстоятельствах каждого дела». Этот закон также позволил Министерству юстиции определять, какие адвокаты будут наиболее необходимыми для защиты свидетелей. Весь процесс построения защиты, ее методов и тактики является очень сложным и многоступенчатым, в нем задействовано несколько правоохранительных органов.

Всё начинается с момента подачи заявления о необходимости предоставления защиты правоохранительными органами, ведущими расследование, которые заинтересованы в показаниях свидетеля и обеспечения его безопасности. С этого момента начинается работа одного из важнейших должных лиц – генерального прокурора США. Генеральный прокурор США – он же глава министерства юстиции США, выполняет функции надзора за соблюдением законности на территории Соединённых Штатов, контролирует деятельность правоохранительных органов. Входит в состав Кабинета президента США.

Согласно Свода Законов США¹ только это лицо вправе одобрять или отказывать лицу в предоставлении защиты. Прокурору предоставляются все материалы дела, доказательства причастности свидетеля к делу, а также о ценности самого свидетеля и его показаний для раскрытия дела, рекомендации и личное мнение по поводу свидетелей от маршалов, после проверки ими решительности свидетеля. Основное решение принимается на основе того, перевешивает ли значимость показаний свидетеля степень опасности для общества, в которое его планируется переселить. Если свидетель проходит по всем основаниям, то прокурор выносит вердикт о включении его в программу защиты.

Свидетель и члены его семьи являются важнейшими участниками процесса защиты, они должны осознавать опасность своего положения и важность соблюдения всех требований. Ими подписывается меморандум о взаимопонимании, подтверждающий, что они полностью осознают все правила программы, а также свои права и обязанности.

Непосредственная разработка операций, принятие определённых решений во время осуществления защиты, вопросы безопасности рассматриваются в Министерстве юстиции США и её управлениях. Министерство юстиции Соединённых Штатов – подразделение федерального правительства США, предназначенное для обеспечения исполнения законов и отправления правосудия. Это некий эквивалент министерства внутренних дел прокуратуры в других странах. Возглавляется министерство Генеральным прокурором США. Здесь же выдаются разрешения о въезде и выезде в страну, о получении гражданства, изменении документов, места работы и т.д. Таким образом, через министерство проходит вся процессуальная часть защиты свидетеля [1].

Дальнейшая работа возложена на плечи подведомственных министерству органов, ими являются служба судебных маршалов США и федеральное бюро тюрем.

Служба судебных маршалов США обеспечивает безопасность, охрану здоровья и личную охрану государственных свидетелей, и их близких родственников, чьи жизни находятся в опасности в результате показаний против наркоторговцев, террористов, членов других организованных преступных группировок.

С момента начала действия программы защиты свидетелей маршалы защищали и перемещали более 8600 свидетелей и 9900 членов их семей.² Положительные результаты этой программы помогли получить ей широкое признание как уникальному и ценному инструменту в борьбе правительства против крупных преступных кланов и организованной преступности в целом. В соответствии с программой, свидетели и их семьи обычно получают новые удостоверения личности, обеспечиваются жильем, им также устанавливается прожиточный минимум для покрытия основных расходов и оказывается медицинская помощь. Помощь также оказывается в профессиональной подготовке и трудоустройстве свидетеля. Американские маршалы предоставляют круглосуточную охрану для всех свидетелей, пока они находятся в повышенной опасности, включая досу-

¹ <https://uscode.house.gov/browse/prelim@title34&edition=prelim>

² <https://www.usmarshals.gov/witsec/index.html>

дебные конференции, судебные свидетельства и явка в суд. Вопросы, касающиеся защиты свидетелей, американские маршалы решают в сотрудничестве с местными правоохранительными и судебными органами.

Федеральное бюро тюрем осуществляет такие же функции по оказанию защиты и безопасности лица, которое на момент дачи показаний находилось в местах лишения свободы. Если ситуация, в которой находится свидетель, попадает под критерии программы, то он также может претендовать на защиту. Решение принимается в результате теста на детекторе лжи, который обязательно должен проходить свидетель. Меры, применяемые к свидетелям находящимся в тюрьмах, заключаются в следующем: защита их от потенциально опасных заключенных, предоставление специальной охраны, изолирование от других заключенных, а также осуществление безопасности при освобождении лица от ареста. Но чаще всего заключенных просто переводят в другую тюрьму, до окончания отбытия срока наказания.

Хотелось бы более подробно остановиться на том, как осуществляется программа защиты. Защита не представляется всем свидетелям подряд и для того чтобы её получить, необходимо соблюсти ряд факторов, влияющих на одобрение при предоставлении защиты [2].

Прежде всего, показания должны попадать в перечень определённых преступлений:

- преступления связанные с организованной преступной деятельностью;
- преступления связанные с оборотом наркотиков;
- любое серьёзное федеральное уголовное преступление, за показания по которому может появиться опасность для свидетеля и его близких;
- любое иное преступление схожее с вышеперечисленными.

В заявках подаваемых правоохранительными органами на получение защиты проводится оценка всех рисков. Основным является риск переселения. Риск переселения – это риск, которому подвергается общество, на территорию которого в дальнейшем будет переселено защищаемое лицо, т.к. зачастую большинство свидетелей являются преступниками, то они представляют непосредственную угрозу другим людям.

Также очень важным моментом в процессе защиты является встреча свидетеля с маршалами. В беседе с ними ему разъясняются все его права и обязанности, сведения о его новой жизни, личности и выдуманной легенде, помимо этого разъясняется тактика проведения защиты. Относительно каждого из свидетелей разработаны оценочные факторы:

- имел ли свидетель в прошлом судимости и его склонность к преступному поведению на сегодняшний день;
- имеются ли альтернативные способы для его защиты;
- насколько ценны его сведения, есть ли возможность использовать других участников уголовного процесса.

Перед применением мер защиты между свидетелем и Министерством юстиции заключается соглашение, в котором определяется следующее:

1. Лицо соглашается предоставить информацию по уголовному делу и выступить свидетелем в суде.

2. Лицо дает обязательство о несовершении им преступления.

3. Лицо дает обязательство о неразглашении сведений о предоставленной ему защите.

4. Лицо дает обязательство о сотрудничестве с должностными лицами.

5. Определяются меры защиты, применяемые в отношении данного свидетеля.

Первым и важнейшим шагом после вступления свидетеля в защиту является его исчезновение. Для осуществления защиты свидетель должен полностью пропасть из своей прошлой жизни, не оставляя никаких следов. Т.е. это говорит о том, что свидетель обрывает контакты со всеми знакомыми людьми и больше никогда не выходит с ними на связь. Он должен оставить свой дом и работу и полностью начать новую жизнь, с новой личностью и новыми данными. Создание новой личности имеет не менее важный аспект, свидетель должен принять свою новую личность и вжиться в неё. Защищаемый получает на выбор несколько новых личностей с измененными фамилией и инициалами, все изменения проводятся официально и они известны только малому кругу лиц.

Следует отметить, что вышеперечисленное касается не только свидетеля, но и всех членов его семьи попавших под программу. Казалось бы, что мало кто сможет пойти на такие изменения своей жизни. Но, как известно из практики маршалов, – желание выжить всегда стоит на первом месте. Если свидетель пренебрегает установленным правилам и сам подвергает свою жизнь опасности, то меры защиты прекращаются.

Судебные маршалы всегда с гордостью заявляли, что добросовестно выполняют свою работу и случаи гибели минимальны. По известным на сегодняшний день данным за всё время программы погибло всего 19 человек, все эти случаи стали важным и горьким опытом для службы судебных маршалов США.

В плане рецидива показатели тоже можно назвать положительными, из всех участников программы только 17% снова встают на тропу преступности, этот процент является очень низким в сравнении с людьми, освободившимися из тюрем – их процент варьируется от 40% до 50%.

После начала вступления программы в силу маршалы самостоятельно увозят свидетеля и членов его семьи с прежнего места жительства и больше они туда никогда не возвращаются. Некоторое время они проживают в безопасных местах, для этого обычно выбираются оперативные квартиры или номера отелей. После этого их отвозят в новое место жительства. После перевода защищаемого лица на новое место жительства маршалы обязаны помочь ему устроиться, а именно:

- найти новую работу;
- обеспечить его прожиточным минимумом;
- выдать новые документы для свидетеля и его семьи;
- обеспечить его всеми необходимыми специалистами, оказание ему помощи, например психологической [5].

До необходимого момента маршалы обеспечивают ему круглосуточную защиту, чтобы в дальнейшем он смог дать показания в суде против преступных

организаций. В осуществлении безопасности применяются различные тактики. Часто свидетеля доставляли в здание суда на лодках, катерах, вертолётах. Известны случаи, когда организовали защищённую автоколонну с броневым автомобилем, в которой якобы находился свидетель, а он сам спокойно приезжал в здание суда на такси. Важнейшим элементом защиты является сокрытие информации о свидетеле. В век информационных технологий программа встречается с новой проблемой: сохранение информации в интернете. Вся возможная информация удаляется, если же с этим возникают сложности, то технические специалистам приходится взламывать серверы и подчищать их. Вся информация в базах данных полиции, ФБР и т.д. точно также заменяется на новые данные. Даже сотрудникам этих правоохранительных органов не будет известно о том, что эти люди состоят в программе.

Также в соответствии с частью 3 параграфа 3521 Свода Законов США за разглашение информации о свидетеле предусмотрена ответственность, которая предусматривает штраф размером в 5000 долларов или тюремное заключение сроком на 5 лет. Есть единственная возможность разглашения данных предусмотренная параграфом 3523 Свода Законов США. Если в отношении лица попавшего под защиту возбуждён гражданский иск, если заблаговременно ответчик не принял решений по закрытию этого вопроса в его отсутствие.

Перед государством стоит обязанность помочь свидетелю начать новую жизнь и адаптироваться в ней. Конечно же, данный период не может длиться вечно, как и государство не сможет постоянно обеспечивать семью свидетеля. Деньги расходуются рационально и только на необходимые вещи, служба маршалов и министерство юстиций тщательно контролируют расходы на свидетелей и отчитываются за каждый потраченный доллар. Имеются некоторые исключения из правил, в случае которых расходуются большее количество бюджетных средств на необходимые затраты, такие как проведение пластической операции для изменения внешности, создание кредитной истории для свидетеля, а также выплата пенсионных пособий для престарелых родителей свидетеля. После прохождения периода адаптации контакты свидетеля с представителями программы производятся не чаще в год. В исключительных случаях встречи могут проводиться чаще, например, если свидетель захочет сменить место жительства, о чем он должен сообщить незамедлительно и получить разрешение.

История создания и действия программы защиты свидетелей в Соединённых Штатах является отличным примером для мировой практики в борьбе с организованной преступностью. Если мы не можем считать программу защиты свидетелей (WITSEC) идеальной, то, по крайней мере, она считается максимально качественной и эффективной.

Библиографические ссылки

1. Slate, Risdon N. The federal Witness Protection Program: its evolution and continuing growing pains // Criminal Justice Ethics. 1997. 22 Jun.
2. Witness security Program. URL: http://www.justice.gov/usao/eousa/foia_reading_room/usam/title9/21mcrm.htm.

3. Slate, Risdon N. The federal Witness Protection Program: its evolution and continuing growing pains. *Criminal Justice Ethics*. 1997. 22 Jun.

4. Witness security Program. URL: http://www.justice.gov/usao/eousa/foia_reading_room/usam/title9/21mcrm.htm.

Дата поступления: 02.03.2020

DOI: 10.33184/pravgos-2020.1.18

ORGANIZATIONAL AND LEGAL ASPECTS OF WITNESS PROTECTION IN THE UNITED STATES OF AMERICA

KARIMOVA Guzel YurISOVna

Candidate of Sciences (Law), Assistant Professor of the Chair of Financial and Environmental Law of the Institute of Law of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Bashkir State University", Ufa, Russia.

E-mail: guzel-karimova-80@mail.ru

KARIMOV Rim Rimovich

Candidate of Sciences (Law), Head of the Department of History and Theory of State and Law Of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Ufa, Russia. E-mail: kari-mov_rim@mail.ru

The article examines organizational and legal aspects of the implementation of the witness protection program in the United States. Special attention is paid to activities in this area of the US Department of Justice, the US Marshals Service, which directly provide protection for witnesses and the Federal Bureau of Prisons. Some statistics on witness protection are provided. Concrete protective measures and their application in relation to the participants in criminal proceedings are considered.

Key words: witness protection, Attorney General, US Marshals Service, US Department of Justice, US Federal Prison Bureau.

References

5. Slate, Risdon N. The federal Witness Protection Program: its evolution and continuing growing pains. *Criminal Justice Ethics*, 1997, 22 Jun.

6. Witness security Program. URL: http://www.justice.gov/usao/eousa/foia_reading_room/usam/title9/21mcrm.htm.

7. Slate, Risdon N. The federal Witness Protection Program: its evolution and continuing growing pains. *Criminal Justice Ethics*, 1997, 22 Jun.

8. Witness security Program. URL: http://www.justice.gov/usao/eousa/foia_reading_room/usam/title9/21mcrm.htm.

Received: 02.03.2020

РЕЦЕНЗИИ

УДК 340.1+34(091)

DOI: 10.33184/pravgos-2020.1.19

ИДЕЯ СВОБОДЫ В СУВЕРЕННОЙ ФИЛОСОФИИ ПРАВА

Рецензия на монографию: «Идея свободы. Право. Мораль (классическая и постклассическая философия права): Монография / Под ред. докт. юрид. наук С.И. Захарцева; И.А. Ананских., И.Н. Грибов, С.И. Захарцев, Н.В. Зорина, И.Р. Исмагилов, О.А. Клименко, О.Ю. Лежнева, С.Ф. Мазурин, Б.В. Маков, Д.В. Масленников, А.К. Мирзоев, П.А. Петров, Е.А. Поливко, К.Г. Прокофьев, О.В. Пылева, В.П. Сальников, М.В. Сальников, Ф.О. Чудин-Курган. – М.: Юрлитинформ, 2020. – 288 с.»

РАЯНОВ Фанис Мансурович

доктор юридических наук, профессор, член-корреспондент Академии наук Республики Башкортостан, профессор кафедры теории государства и права Института права ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет», г. Уфа, Россия. E-mail: rfm-2011@ya.ru

ГАЛИЕВ Фарит Хатипович

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории государства и права Института права ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет», г. Уфа, Россия. E-mail: galievfarikhat@mail.ru

Дается отзыв на монографию «Идея свободы. Право. Мораль (классическая и постклассическая философия права)», изданную в 2020 году в издательстве «Юрлитинформ» (Москва). Показана актуальность и новизна исследования, широкий охват теоретически важных проблем истории правовых учений, систематический характер исследования важнейших категорий классической правовой теории.

Ключевые слова: философия; свобода; мораль; нравственность; методология; государство; право.

Восстановление суверенитета России является важнейшей политической задачей, выдвинутой Президентом Российской Федерации, относительно которой вполне очевидно сложился общенациональный консенсус. Однако ее решение невозможно без разработки концептуальных основ современной российской правовой идеологии и ее научной и мировоззренческой основы – оригинальной национальной философии права. До тех пор, пока правовая идеология – основа всей национальной системы права и государства – будет строиться не на концептуальной платформе, вся система суверенитета российского общества и государства будет неустойчива и уязвима для внешнего влияния.

Созданию оригинальной отечественной философии права, прежде всего, посвящена деятельность известных петербургских ученых В.П. Сальникова, С.И. Захарцева и Д.В. Масленникова. Согласно той позиции, которую они стремятся отстаивать, только классическая философско-правовая традиция, понятая в ее целостности и единстве ее внутренних смыслов, может быть соразмерна задаче разработке современной российской философии права. Для этого, однако, необходима ее интерпретация в свете традиций народов России. Ключевым моментом такой интерпретации авторы вслед за П.И. Новгородцевым считают философию Ф.М. Достоевского.

Важным этапом этой научной деятельности является рецензируемая монография, которая была подготовлена коллективом ученых, объединенных принадлежностью к научной школе В.П. Сальникова. Она представляет собой своего рода историко-правовое дополнение фундаментального труда «Логос права: Парменид – Гегель – Достоевский. К вопросу о спекулятивно-логических основаниях метафизики права» [17], являющегося, в свою очередь, определенным промежуточным результатом в процессе создания суверенной неоклассической философии права. В этой монографии на суд научной общественности были представлены теоретические и методологические предпосылки такой философии, разработанные В.П. Сальниковым, С.И. Захарцевым и Д.В. Масленниковым в их научных трудах последних 30 лет [2; 3; 4; 13; 16; 20; 24].

С удовлетворением отметим, что результаты этого опыта, прежде чем лечь в основу фундаментального исследования, были апробированы ими в изданиях и нашего университета. Укажем хотя бы на их статьи последних лет: «Философия права Ф.М. Достоевского как источник развития теории российского государства и права» [22], «Институты права и идея абсолютного Добра» [23], «Теоретико-методологические основания философии права Ф.М. Достоевского как идеолога «предъевразийства»» [19].

В.П. Сальников, С.И. Захарцев и Д.В. Масленников предлагают в понимании сущности права исходить из идеи абсолютной свободы как духовной сущности человека и общества [17, с. 327]. Эта идея была последовательно выражена, концептуально обоснована и методологически проработана в немецкой классической философии, но «вызревала» она в процессе всего исторического развития философского мышления. В работе «Логос права...» этот подход получил развернутое теоретическое обоснование. Но он нуждался и в историко-правовом обосновании.

Необходимо было рассмотреть взаимосвязь идей свободы, права и морали во всех эпохальных философско-правовых учениях, чтобы утверждать о взаимной значимости и неотъемлемости друг от друга этих идей. Для осуществления такой работы В.П. Сальниковым как раз и был собран коллектив его учеников. Хотя, разумеется, в пределах сравнительно небольшой по объему монографии «Идея свободы. Право. Мораль» не могла идти речь об исчерпывающем изложении вопроса. Однако узловые результаты, необходимые для обоснования и

разъяснения теоретической философско-правовой конструкции авторов «Логоса права...», в ней все же удалось представить.

В основе авторской концепции было положено восходящее к Платону понимание права как социального воплощения идеи абсолютного Добра личности [1, с. 11-14]. Если следовать известной интерпретации В.С. Соловьева, Платон понимал высшее единство мироздания как единство абсолютной Истины, абсолютного Добра и абсолютной Красоты. Авторам рассматриваемой концепции было важно сохранить определения абсолютного в праве и морали, без чего последние теряют свой императивный характер для человека, осознающего себя в качестве субъекта свободы, проще говоря: в качестве свободной личности [1, с. 14-15]. Право в ипостаси абсолютного Добра исторически осознавалось в определениях абсолютной свободы, с которыми неизбежно были связаны и определения морали.

По мысли авторов, основание права по мере исторического развития философского, социального и религиозного мышления конкретизировалось в понимание свободы как абсолютной сущности бытия человека. При этом речь идет именно о смысловой трансформации идеи абсолютного Добра, но отнюдь, не об отрицании ее. Смысловой импульс такого развития философско-правовой мысли авторы монографии усматривают в философских и религиозных идеях поздней античности [1, с. 20-27].

Философия права Нового времени (XVI–XVIII вв.) представляла собой необходимую ступень дальнейшего развития мысли, углубленно разрабатывая понятие субъективности, которого не знала античность и которое составляет саму сердцевину понятия свободы. В данном аспекте исследуется наследие круга мыслителей от Марсилия Падуанского до Томаса Гоббса и Джона Локка, от Бенедикта Спинозы до Шарля-Луи Монтескье [1, с. 31-63]. В правовых теориях этой эпохи, прежде всего в учениях линии эмпиризма XVII в., понятие естественного права отходит на задний план, но при этом оно сохраняет свое содержание и интегрируется в дискурсивно-смысловое пространство новой философско-правовой парадигмы, связанной с идеей свободы.

Идея свободной воли как правового принципа Нового времени имеет своей теоретической предпосылкой античную идею свободного человека, реализующего себя как субъекта свободы в правовом пространстве города-государства и посредством этого органично вписанного в гармонию космического порядка. В христианском мышлении Бог и человек впервые понимаются как личность. В волюнтаристских концепциях Средневековья в качестве исходного начала определения личности как субъекта права принимается идея свободной воли. В секуляризированном виде эта идея воспринимается теоретико-правовым мышлением Нового времени в качестве высшего правового принципа.

В свою очередь, основы естественно-правовых концепций рационализма Нового времени определяла установка на дедукцию правовых и этических понятий из идеи естественного права, которая трактовалась как «врожденная идея»,

открывающаяся «естественному свету разума». Естественное право должно быть постигнуто посредством применения рассудка на основе законов логики. В этом случае начала естественного права могут быть положены в основу норм позитивного законодательства и принципов морали. Таким образом, правовые мыслители XVII–XVIII вв. впервые связывают естественное право, мораль, разум, свободу и позитивное право в единое понятийное пространство.

Именно в ту эпоху Нового времени на смену схоластическим дискуссиям о приоритете божественной мысли или божественной воли в создании основ права приходит идея свободной воли личности, впервые объявленная классиками философско-правовой мысли высшим принципом права. Принципы права, основанные на идее свободы отвечают социальным особенностям эпохи и в своем теоретическом осмыслении получают всеобщее, универсальное значение. Однако свое действительно теоретико-правовое основание эта идея получила лишь в немецкой классике рубежа XVIII–XIX вв., которые возводят ее от уровня особенного (свобода личности) до уровня всеобщего (свобода как субстанция духа, по Гегелю)

Немецкая классическая философия стремилась дедуцировать всю систему этических и правовых категорий из понятой таким образом идеи всеобщей свободы [1, с. 65-142]. Ее основоположник И. Кант усматривал условия этой дедукции в способности познания и в способности воли субъекта. Опираясь на новую правовую парадигму, отсылающую нас к идее свободы как трансцендентного основания активности личности, Кант стремился восстановить единство права и морали, утраченное метафизическим мышлением классиков права Нового времени. Но при этом он не возвращается к единству мышления в духе естественно-правовой парадигмы, а опирается на методологию трансцендентального синтеза, которая, с одной стороны позволяет показать нам всю глубину и значимость понятия свободы, но с другой стороны, ограничивает возможности его познания.

Кантовская философия права имеет дело лишь с методом анализа условий реализации свободы в мире, опытное знание о которых заставляет нас всего лишь предполагать существование свободы, права и морали, но не дает возможности познания их сущности. И.Г. Фихте преодолевает эту ограниченность кантовской теории права на основе метода содержательной рефлексии свободы субстанции-субъекта самосознания, из понятия о деятельности которого он непосредственно выводит понятие права. В работах И.Г. Фихте осуществлена попытка дедуцировать из высшего основоположения наукоучения содержание теории естественного права. Одновременно тем же самым актом дедукции продуцируется само естественное право как социальная объективность. В результате Кант и Фихте высказывают диаметрально противоположные суждения об отношении права и морали, этики и теории права.

Особого внимания заслуживает глубокий анализ авторами монографии того теоретического содержания, которое можно раскрыть, анализируя смысл различия в подходе Канта и Фихте к задаче дедукции права и морали [1, с. 84-90].

Авторы показывают, что Кант в силу своего понимания опыта как единственно возможной формы познания не дедуцирует право как чистую форму реализации свободы субъекта из самого субъекта, а абстрагирует ее от целостного единства формы и содержания процесса реализации свободы. В таком случае первичным оказывается единство формы и содержания (мотива) реализации свободы, т.е. мораль. Хотя Кант и не выводит непосредственно право из морали, мораль все же оказывается у него первичной, т.к. именно ее понятие доставляет материал для постулирования понятия права. Напротив, для Фихте идея права и его категории являются результатом рефлексии деятельности абсолютного Я, а потому не нуждаются в опосредовании идеей морали. Как считают авторы монографии, фихтевская позиция ближе к истине, чем позиция Канта. Их вывод состоит в том, что право и мораль генетически не связаны, но при этом содержательно не противоречат друг другу, будучи результатом развития идеи абсолютного блага.

Высшим результатом развития понятия свободы в классической философии права авторы вполне традиционно называют учение Г.В.Ф. Гегеля [1, с. 97-141]. Понятие свободы, трактуемой Г.В.Ф. Гегелем не только как субстанция, но и как субъект морально-правовых отношений, позволило автору «Философии права», реализуя принципы системности и историзма, раскрыть сущность внутреннего единства морали, нравственности и права, показать диалектику генезиса субъекта свободной воли и выявить формы проявления его свободы в сфере права. Нравственность для Гегеля оказывается высшим синтезом субъективной моральности и объективного права. Соответственно, государственный суверенитет, по Гегелю, выступает высшим проявлением свободы в сфере права.

В главе «Развитие идеи свободы в Царстве абсолютного Добра» [1, с. 143-174] авторы стремятся показать глубокую комплиментарность идеи свободы, развиваемой в классической философии, духовным традициям народов России. Особое внимание уделяется идеям Ф.М. Достоевского, в которых авторы монографии вслед за П.И. Новгородцевым видят своего рода «матрицу» отечественной философии права.

Следующая глава «Трансформация классического этико-правового наследия в философии права XX–XXI вв.» [1, с. 175-220] представляется нам в целом менее интересной, чем предшествующие. Это, конечно, неудивительно: рассмотреть столь объемное содержание, даже чисто конспективно, в рамках одной главы вряд ли возможно. Может быть и не стоило этого делать вообще, остановившись только на результатах исследования классической философии, что было бы вполне достаточно для решения тех научных задач, которые ставил перед собой авторский коллектив. Тем не менее, стоит отметить анализ и оценку учений Г. Радбруха. Ю. Хабермаса и Ф. Фукуямы, в которых авторы и сумели найти новые аспекты, и смогли дать им оригинальную интерпретацию.

В заключение авторы обращаются к выдвинутой ранее В.П. Сальниковым и С.И. Захарцевым идее «компренхендной теории права», которую они развивали в своих публикациях последних лет [5; 6; 7; 8; 9; 10; 11; 12; 14; 15; 16].

В.П. Сальников и С.И. Захарцев высказывают предположение о том, что пока не будет создано значительное количество самостоятельных концепций, объективно и полно раскрывающих конкретные грани права, его единой, общей теории не удастся создать. Но движение к такой теории – это не безрезультатный процесс, для которого цель – ничто. С.И. Захарцев и В.П. Сальников убеждены в том, что как только количество определений права достигнет критической массы, оно перерастет в качество, в результате чего мы получим понимание права на уже совершенно новом уровне [1, с. 225]. В свете осуществленного авторами монографии историко-правового исследования гипотеза В.П. Сальникова и С.И. Захарцева приобретает новые смысловые оттенки и становится еще более обоснованной.

В целом в книге «Идея свободы. Право. Мораль (классическая и постклассическая философия права)» мы видим высокопрофессиональную, оригинальную и концептуально целостную научную работу. Последнее тем более значимо при достаточно большом числе авторов, поскольку говорит о том, что школа философии права В.П. Сальникова вполне сложилась и готова к решению масштабных научных задач, созвучных потребностям российского общества в формировании и развитии самостоятельной правовой идеологии. Можно только пожелать авторам новых творческих успехов в их научной деятельности, столь необходимой в процессе современного государственного строительства Российской Федерации.

Библиографические ссылки

1. Идея свободы. Право. Мораль (классическая и постклассическая философия права) : монография / И.А. Ананских., И.Н. Грибов, С.И. Захарцев [и др.] ; под ред. д-ра юрид. наук С.И. Захарцева. М. : Юрлитинформ, 2020.
2. Захарцев С.И. Некоторые проблемы теории и философии права / под общ. ред В.П. Сальникова. М. : Норма, 2014.
3. Захарцев С.И., Сальников В.П. Философия. Философия права. Юридическая наука. М. : Юрлитинформ, 2015.
4. Захарцев С.И., Сальников В.П. Истина как проблема философии: классика или постмодернизм // Российский журнал правовых исследований. 2016. № 2 (7). С. 96-100.
5. Захарцев С.И., Сальников В.П. Как познать право? Мы предлагаем компре-хендный подход // Правовое поле современной экономики. 2015. № 9. С. 17-30.
6. Захарцев С.И., Сальников В.П. Компрехендная теория познания права // Юри-дическая наука: история и современность. 2015. № 8. С. 11-26.
7. Захарцев С.И., Сальников В.П. Компрехендная теория права: ответы на во-просы // Юридическая наука: история и современность. 2016. № 9. С. 19-24.
8. Захарцев С.И., Сальников В.П. О заблуждениях в понимании права и важно-сти компрехендного подхода для его познания // Правовое поле современной экономики. 2016. № 5. С. 83-88.

9. Захарцев С.И., Сальников В.П. О противоречивости права в контексте комплексной теории // Юридическая наука: история и современность. 2016. № 10. С. 31-34.
10. Захарцев С.И., Сальников В.П. Об интегративном правопонимании в контексте комплексной теории права // Юридическая наука: история и современность. 2017. № 2. С. 39-47.
11. Захарцев С.И., Сальников В.П. Об обосновании комплексного подхода для познания права // Теория государства и права. 2016. № 2. С. 39-58.
12. Захарцев С.И., Сальников В.П. Предлагаем Вашему вниманию комплексную теорию познания права // Мир политики и социологии. 2016. № 3. С. 170-183.
13. Захарцев С.И., Сальников В.П. Философы и проблемы права: внимание явно недостаточное (некоторые размышления) // Мир политики и социологии. 2015. № 12. С. 11-27.
14. Захарцев С.И., Сальников В.П. Размышляем о сущности права: комплексный подход // Правовое государство: теория и практика. 2017. № 1 (47). С. 13-30.
15. Захарцев С.И., Сальников В.П. Что есть комплексная теория права? // Юридическая наука. 2016. № 3. С. 5-9.
16. Захарцев С.И., Сальников В.П. Философия и юридическая наука : монография. М. : Юрлитинформ, 2019.
17. Захарцев С.И., Масленников Д.В., Сальников В.П. Логос права: Парменид – Гегель – Достоевский. К вопросу о спекулятивно-логических основаниях метафизики права : монография. М. : Юрлитинформ, 2019.
18. Захарцев С.И., Масленников Д.В., Сальников В.П. Бытие и рефлексия: онтологические основания права в философии Ф.М. Достоевского // Мир политики и социологии. 2018. № 12. С. 157-171.
19. Захарцев С.И., Масленников Д.В., Сальников В.П. Теоретико-методологические основания философии права Ф.М. Достоевского как идеолога «предъевразийства» // Правовое государство: теория и практика. 2019. № 2 (56). С. 17-24.
20. Масленников Д.В. Природа логического в философии Г.В.Ф. Гегеля : дис. ... д-ра филос. наук. СПб., 1999.
21. Раянов Ф.М. Естественно-исторические закономерности становления и развития гражданского общества и правового государства // Правовое государство: теория и практика. 2019. №3. С.44-52.
22. Сальников В.П., Масленников Д.В. Право как форма бытия: опыт прочтения Достоевского. Вступительная статья / Исмагилов Р.Ф. Философское наследие Ф.М. Достоевского и его влияние на развитие философии права : курс лекций / вступ. статья д-ра юрид. наук, проф., засл. деятеля науки РФ В.П. Сальникова и докт. философ. наук, проф. Д.В. Масленникова. СПб. : Фонд «Университет», 2017. (Серия: «Наука и общество»). С. 10-17.
23. Сальников В.П., Масленников Д.В. Философия права Ф.М. Достоевского как источник развития теории российского государства и права // Проблемы статуса современной России: историко-правовой аспект : материалы Всероссийской

научно-практической конференции (г. Уфа, 5–6 апреля 2018 г.) / отв. ред. Ф.Х. Галиев. В 2-х ч. Ч. 1. Уфа : РИЦ БашГУ, 2018. С. 72-79.

24. Сальников В.П., Масленников Д.В. Институты права и идея абсолютного Добра // Государственно-правовые институты современного общества : сб. ст. к Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 100-летию Республики Башкортостан (г. Уфа, 14 декабря 2018 г.) / отв. ред. Ф.М. Раянов. Уфа : РИЦ БашГУ, 2018. С. 32-40.

25. Zakhartsev S.I., Salnikov V.P. The Philosophy of Law and Legal Science. Newcastle upon Tyne : Cambridge Scholars Publishing, 2018.

26.

Дата поступления: 02.02.2020

DOI: 10.33184/pravgos-2020.1.19

THE IDEA OF FREEDOM IN THE SOVEREIGN PHILOSOPHY OF LAW
Review of the Monograph: “The idea of freedom. Law. Morality (classical and post-classical philosophy of law): Monograph / Edited by Doctor of Law S.I. Zakhartsev; I.A. Anansky, I.N. Gribov, S.I. Zakhartsev, N.V. Zorina, I.R. Ismagilov, O.A. Klimenko, O.Yu. Lezhneva, S.F. Mazurin, B.V. Makov, D.V. Maslennikov, A.K. Mirzoev, P.A. Petrov, E.A. Polivko, K.G. Prokofiev, O.V. Pyleva, V.P. Sal’nikov, M.V. Sal’nikov, F.O. Chudin-Kurgan. - Moscow: Yurlitinform, 2020. - 288 p.”

RAYANOV Fanis Mansurovich

Doctor of Law, Professor, Corresponding Member of the Academy of Sciences of the Republic of Bashkortostan, Professor of the Chair of Theory of State and Law of the Institute of Law of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Bashkir State University”, Ufa, Russia. E-mail: rfm-2011@ya.ru

GALIEV Farit Khatipovich

Doctor of Law, Professor, Professor of the Chair of Theory of State and Law of the Institute of Law of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Bashkir State University”, Ufa, Russia. E-mail: galievfarkhat@mail.ru

The authors review the monograph “The Idea of Freedom. Law. Morality (classical and post-classical philosophy of law)”, published in 2020 by Yurlitinform Publishing House (Moscow). The relevance and novelty of the study, the wide coverage of theoretically important problems in the history of legal doctrines, the systematic nature of the study of the most important categories of classical legal theory are shown.

Key words: philosophy; liberty; morals; morality; methodology; state; law.

References

1. Ideya svobody. Pravo. Moral' (klassicheskaya i postklassicheskaya filosofiya prava) (The idea of freedom. Law Moral (classical and post-classical philosophy of law), monografiya, I.A. Ananskikh., I.N. Gribov, S.I. Zakhartsev [i dr.], pod red. d-ra yurid. nauk S.I. Zakhartseva. Moscow, Yurlitinform, 2020.
2. Zakhartsev S.I. Nekotoryye problemy teorii i filosofii prava (Some problems of theory and philosophy of law), pod obshch. red V.P. Sal'nikova. Moscow, Norma, 2014.
3. Zakhartsev S.I., Sal'nikov V.P. Filosofiya. Filosofiya prava. Yuridicheskaya nauka (Philosophy. The philosophy of law. Jurisprudence). Moscow, Yurlitinform, 2015.
4. Zakhartsev S.I., Sal'nikov V.P. Istina kak problema filosofii: klassika ili postmodernizm (Truth as a problem of philosophy: classic or postmodernism), *Rossiyskiy zhurnal pravovykh issledovaniy*, 2016, No. 2 (7), pp. 96-100.
5. Zakhartsev S.I., Sal'nikov V.P. Kak poznat' pravo? My predlagayem komprekhendnyy podkhod (How to know the law? We offer a comprehensive approach), *Pravovoye pole sovremennoy ekonomiki*, 2015, No. 9, pp. 17-30.
6. Zakhartsev S.I., Sal'nikov V.P. Komprekhendnaya teoriya poznaniya prava (Comprehensive epistemology of law), *Yuridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost'*, 2015, No. 8, pp. 11-26.
7. Zakhartsev S.I., Sal'nikov V.P. Komprekhendnaya teoriya prava: otvety na voprosy (Comprehensive epistemology of law: answers to questions), *Yuridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost'*, 2016, No. 9, pp. 19-24.
8. Zakhartsev S.I., Sal'nikov V.P. O zabluzhdeniyakh v ponimanii prava i vazhnosti kompre-khendnogo podkhoda dlya yego poznaniya (On errors in understanding law and the importance of a comprehensive approach for its knowledge), *Pravovoye pole sovremennoy ekonomiki*, 2016, No. 5, pp. 83-88.
9. Zakhartsev S.I., Sal'nikov V.P. O protivorechivosti prava v kontekste komprekhendnoy teorii (On the inconsistency of law in the context of a comprehensive theory), *Yuridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost'*, 2016, No. 10, pp. 31-34.
10. Zakhartsev S.I., Sal'nikov V.P. Ob integrativnom pravoponimani v kontekste kom-prekhendnoy teorii prava (On integrative legal understanding in the context of comprehensive theory of law), *Yuridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost'*, 2017, No. 2, pp. 39-47.
11. Zakhartsev S.I., Sal'nikov V.P. Ob obosnovanii komprekhendnogo podkhoda dlya poznaniya prava (On the justification of the comprehensive approach for the knowledge of law), *Teoriya gosudarstva i prava*, 2016, No. 2, pp. 39-58.
12. Zakhartsev S.I., Sal'nikov V.P. Predlagayem Vashemu vnimaniyu komprekhendnyuyu teoriyu poznaniya prava (We bring to your attention a comprehensive epistemology of law), *Mir politiki i sotsiologii*, 2016, No. 3, pp. 170-183.
13. Zakhartsev S.I., Sal'nikov V.P. Filosofiy i problemy prava: vnimaniye yavno nedostatochnoye (nekotoryye razmyshleniya) (Philosophers and problems of law: attention is clearly insufficient (some thoughts), *Mir politiki i sotsiologii*, 2015, No. 12, pp. 11-27.

14. Zakhartsev S.I., Sal'nikov V.P. Razmyshlyayem o sushchnosti prava: komprekhendnyy podkhod (We reflect on the essence of law: a comprehensive approach), *Pravovoye gosudarstvo: teoriya i praktika*, 2017, No. 1 (47), pp. 13-30.
15. Zakhartsev S.I., Sal'nikov V.P. Chto yest' komprekhendnaya teoriya prava? (What is a comprehensive theory of law?), *Yuridicheskaya nauka*, 2016, No. 3, pp. 5-9.
16. Zakhartsev S.I., Sal'nikov V.P. *Filosofiya i yuridicheskaya nauka* (Philosophy and legal science), monografiya. Moscow, Yurlitinform, 2019.
17. Zakhartsev S.I., Maslennikov D.V., Sal'nikov V.P. Logos prava: Parmenid – Gegel' – Dostoyevskiy. K voprosu o spekulyativno-logicheskikh osnovaniyakh metafiziki prava (Logos of law: Parmenides - Hegel - Dostoevsky. To the question of the speculative and logical foundations of the metaphysics of law), monografiya. Moscow, Yurlitinform, 2019.
18. Zakhartsev S.I., Maslennikov D.V., Sal'nikov V.P. Bytiye i refleksiya: ontologicheskiye osnovaniya prava v filosofii F.M. Dostoyevskogo (Being and reflection: ontological foundations of law in the philosophy of F.M. Dostoevsky), *Mir politiki i sotsiologii*, 2018, No. 12, pp. 157-171.
19. Zakhartsev S.I., Maslennikov D.V., Sal'nikov V.P. Teoretiko-metodologicheskiye osnovaniya filosofii prava F.M. Dostoyevskogo kak ideologa «pred"yevraziystva» (Theoretical and methodological foundations of the philosophy of law of F.M. Dostoevsky as an ideologist of “pre-Eurasianism”), *Pravovoye gosudarstvo: teoriya i praktika*, 2019, No. 2 (56), pp. 17-24.
20. Maslennikov D.V. *Priroda logicheskogo v filosofii G.V.F. Gegelya* (The nature of the logical in the philosophy of G.W.F. Hegel), dis. ... d-ra fi-los. nauk. St. Petersburg, 1999.
21. Rayanov F.M. Yestestvenno-istoricheskiye zakonomernosti stanovleniya i razvitiya grazhdanskogo obshchestva i pravovogo gosudarstva (Natural and historical laws of formation and development of civil society and the rule-of-law state), *Pravovoye gosudarstvo: teoriya i praktika*, 2019, No.3, pp. 44-52.
22. Sal'nikov V.P., Maslennikov D.V. Pravo kak forma bytiya: opyt prochteniya Dostoyevskogo (Law as a form of being: the experience of reading Dostoevsky). Vstupitel'naya stat'ya, Ismagilov R.F. *Filosofskoye naslediye F.M. Dostoyevskogo i yego vliyaniye na razvitiye filosofii prava : kurs lektsiy, vstup. stat'ya d-ra yurid. nauk, prof., zasl. deyatelya nauki RF V.P. Sal'nikova i dokt. filosof. nauk, prof. D.V. Maslennikova*. St. Petersburg, Fond «Universitet», 2017, (Seriya: «Nauka i obshchestvo»), pp. 10-17.
23. Sal'nikov V.P., Maslennikov D.V. *Filosofiya prava F.M. Dostoyevskogo kak istochnik razvitiya teorii rossiyskogo gosudarstva i prava* (Dostoevsky as a source of development of the theory of the Russian state and law), *Problemy statusa sovremennoy Rossii: istoriko-pravovoy aspekt*, materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (g. Ufa, 5–6 aprelya 2018 g.), otv. red. F.KH. Galiyev. V 2-kh ch. CH. 1. Ufa, RITS BashGU, 2018, pp. 72-79.

24. Sal'nikov V.P., Maslennikov D.V. Instituty prava i ideya absolyutnogo Dobra (Law institutes and the idea of absolute Good), *Gosudarstvenno-pravovyye instituty sovremennogo obshchestva*, sb. st. k Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, posvyashchennoy 100-letiyu Respubliki Bashkortostan (g. Ufa, 14 dekabrya 2018 g.), otv. red. F.M. Rayanov. Ufa, RITS BashGU, 2018, pp. 32-40.
25. Zakhartsev S.I., Salnikov V.P. The Philosophy of Law and Legal Science. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2018.

Received: 02.02.2020

**Приглашаем Вас к сотрудничеству с журналом
«ПРАВОВОЕ ГОСУДАРСТВО: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА»**

Цель журнала – консолидировать усилия общественности для решения актуальных проблем в области формирования правового государства.

Основные задачи журнала:

- публикация материалов, посвященных актуальным проблемам государственного строительства, вопросам реформирования правовой системы, законотворческой деятельности, развития парламентаризма, институтов гражданского общества;
- обсуждение проблем повышения эффективности научных исследований в области права, мобилизация усилий научных коллективов на разработку проблем совершенствования государственно-правовой и судебной систем, повышения правовой грамотности населения;
- организация обсуждений проектов нормативно-правовых документов и существующих в российском законодательстве проблем;
- освещение опыта зарубежных стран по совершенствованию законотворческой деятельности и правоприменительной практики, актуальных проблем развития международного права в условиях глобализации.

**ПЕРЕЧЕНЬ ТРЕБОВАНИЙ И УСЛОВИЙ ЖУРНАЛА
«Правовое государство: теория и практика»
ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ СТАТЕЙ**

- Статьи предоставляются в редакцию в электронном виде (по электронной почте E-mail: niiprg@mail.ru) или на бумажном носителе с приложением электронного варианта на диске 3,5" в формате *.rtf или *.doc текстового редактора Word электронной версии.
- Объем публикации – от 20 000 до 30 000 знаков, включая пробелы. В случае предоставления материала, большего по объему, что предусмотрено Порядком предоставления работ для журнала, редакция оставляет за собой право возврата материала автору для сокращения.
- Шрифт основного текста работы – 14, шрифт Times New Roman через 1,5 интервала, поля со всех сторон 20 мм. Формат документа: MS WORD (.doc). Файлы, представляемые в редакцию, должны быть поименованы по фамилии автора (Иванов И.И.).
- На первой странице указывается ФИО автора, ученая степень, ученое звание, место работы, город, страна и e-mail. Название статьи печатается заглавными буквами. Далее идет аннотация не менее 100 и не более 250 слов. Редакция обращает внимание авторов на то, что общий объем предоставляемого материала, включая (Ф.И.О., ученая степень, звание, место работы, название статьи, аннотация, ключевые слова и библиографические ссылки оформляются на русском и английском языках). Внутритекстовые текстовые сноски оформляются в самом тексте посредством квадратных скобок: [З, с. 145]. Библиографические ссылки следует оформлять по ГОСТ Р 7.0.5–2008 (без тире). Все библиографические элементы иностранных источников следует указывать на языке оригинала.
- Приоритет в публикации имеют авторы, использовавшие в исследовании иностранные источники литературы и источники из изданий, индексированных в базах данных Web of Science и Scopus (напр., Russian Law Journal, Вестник Томского государственного

университета, Всероссийский криминологический журнал, Право – Журнал Высшей школы экономики, BRICS Law Journal, Психология и право, Журнал Сибирского федерального университета. Гуманитарные науки, Вестник Пермского университета, Вестник МГИМО-Университета).

- Следует различать сноски и ссылки. Сноски оформляются внизу страницы и содержат пояснения, определения, ссылки на нормативно-правовые акты и судебную практику. Они помещаются в текст научной статьи в качестве постраничных сносок (в квадратные скобки не помещаются) и в библиографическом списке не указываются.
- Диаграммы, таблицы, рисунки должны быть сделаны в текстовом редакторе Word и дополнительно сохранены в отдельном файле. Фотографии и рисунки прилагаются отдельными файлами в формате TIFF или JPEG.
- Все аббревиатуры и сокращения должны быть расшифрованы при первом употреблении в тексте.
- Предоставляя текст работы для публикации в журнале, автор гарантирует отсутствие плагиата и других форм неправомерного использования в статье информации.
- В случае нарушения предъявляемых к оформлению требований материал возвращается автору на доработку, и рукописи подлежат возврату в редакцию в рекомендованный срок. О произведенных изменениях автор должен сообщить в прилагаемом к рукописи письме.
- К статье прилагается фото в формате JPG (книжная ориентация с указанием Ф.И.О.) для размещения на сайте журнала. Также следует указать почтовый адрес, номер контактного телефона, они необходимы для связи сотрудников редакции с авторами и в журнале не публикуются.
- Статьи в обязательном порядке рецензируются членами редакционного совета журнала в соответствии с профилем представленной работы и (или) привлеченными редакцией учеными или специалистами.
- Плата за публикацию с аспирантов не взимается.

Подписка на журнал возможна с любого месяца

Все права защищены и охраняются Законом Российской Федерации «Об авторском праве». Ни одна из частей настоящего издания и весь журнал в целом не могут быть воспроизведены, переведены на другой язык, сохранены на печатных формах или любым другим способом обращены в иную форму хранения информации: электронным, механическим, фотокопировальным и другим без предварительного согласования и письменного разрешения редакции. Редакция сохраняет за собой право размещать материалы и статьи журнала в электронных правовых системах и иных электронных базах данных. Автор может известить редакцию о своем несогласии с подобным использованием его материалов не позднее даты подписания соответствующего номера в печать. Автор может претендовать на вознаграждение в виде одного бесплатного авторского экземпляра журнала при условии указания им своего адреса. Редакция уважает мнение авторов опубликованных статей, но при этом их мнение не всегда совпадает с мнением редакции.

© Уфа: РИО НИИППГ, 2020

[12+]

Периодическое печатное издание (журнал): "Правовое государство: теория и практика" № 1 (59) 2020.

Учредители: Башкирский государственный университет ;

Частное учреждение "Научно-исследовательский институт проблем правового государства".

Главный редактор: Зайнуллин Р.И.

Регистрирующий орган: Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Регистрационный номер: ПИ № ФС77-73609 от 31 августа 2018 г.

Адрес издателя и редакции: 450005, Российская Федерация, РБ, г. Уфа, ул. Достоевского, д. 131, к. 319. Тел.: (347) 228-83-51, E-mail: niippg@mail.ru; сайт: <http://pravgos.ru>.

Подписной индекс в объединенном каталоге

"Газеты. Журналы" (Роспечать): 81192

Подписан в печать 13.03.2020 г. Вышел в свет 20.03.2020 г.

Бумага писчая. Формат 70х100/16. Гарнитура Times New Roman.

Усл. печ. л. 21,39. Уч. изд. л. 14,72. Тираж 500. Заказ 6.

Свободная цена.

Отпечатано в редакционно-издательском отделе Института права

Башкирского государственного университета

450005, РБ, г. Уфа, ул. Достоевского, 131, к. 105.